

Фото Р. Мазелева

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЭТЮДЫ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Мы с вами, дети Вьетнама!

фотоочерк Л. ДИДЕСКУ и Ю. ЮРКАНА 2

История Серого

повесть ВЛАДИМИРА ЛЯЛЕНКОВА 4

Генеральная репетиция

репортаж Ю. МИХАЙЛОВА 23

Страна Поэзия 26

Опередивший „Ласточку“

очерк Б. ГРИЩЕНКО 29

Дупло старого дуба 30

Двое часовых

очерк МИХАИЛА МОХОВА 31

Разноцветные минуты

стихи ЛЬВА МОЧАЛОВА 33

Энтомоптер — фантастика или реальность?

открытое письмо НИКОЛАЯ ВНУКОВА 33

Полярная быль

рассказ С. БУЗО 34

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 43

Король и бродяга

стихи А. МИЛНА 44

Игра-загадка

В. АКЕНТЬЕВА 46

Юпитеры освещают сказку

очерк ЕВГЕНИЯ РЕЙНА 47

Морская газета 50

ЛЭП-1500 000 — не простая линия

очерк Л. КРОЛЕВЕЦКОЙ 52

Знаменитость

рассказ МИРЗЫ ДАВЫДОВА 55

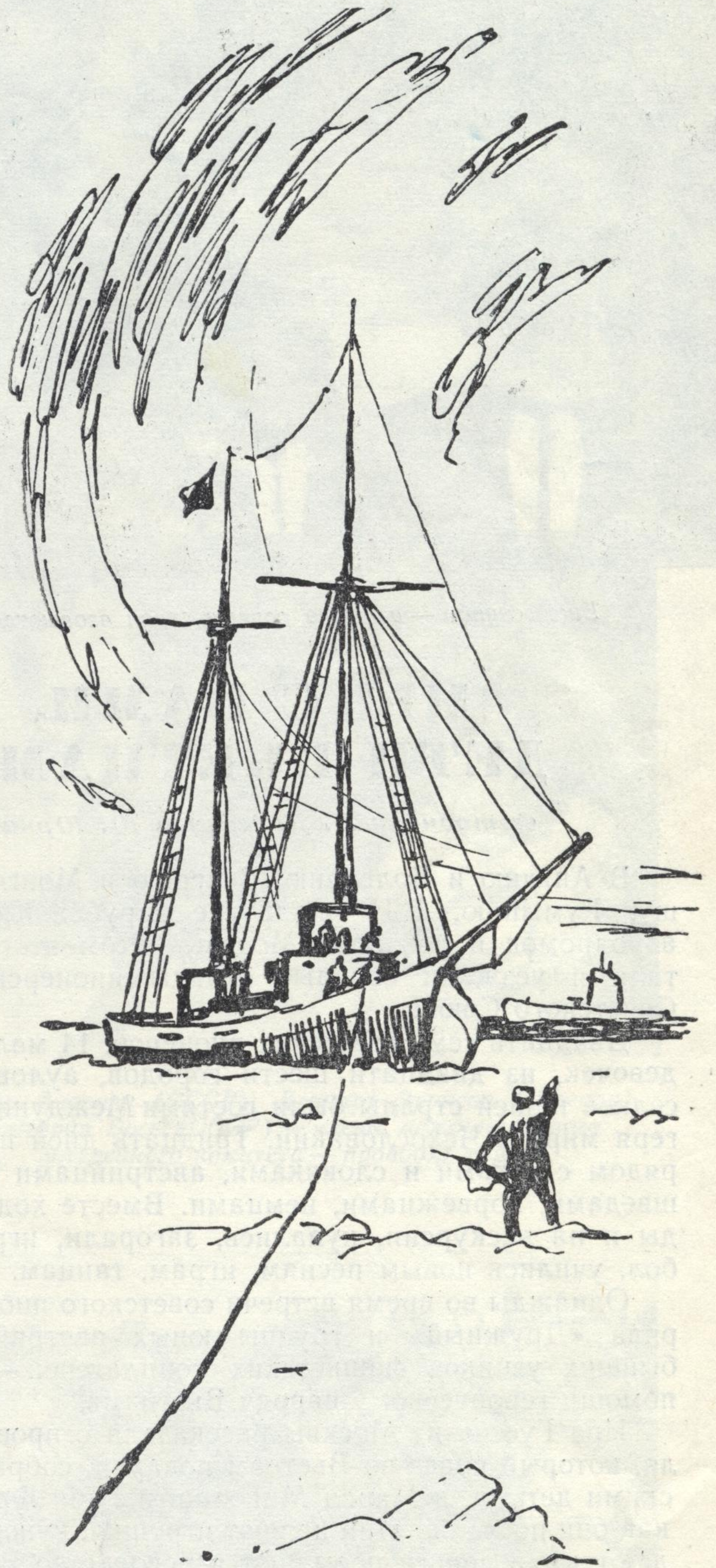
„Уголёк“ 59

В плену у Земли

очерк А. АНТРУШИНА 61

Уголок веселого архивариуса 63

Шахматы и шашки 64

— Ребята! — придя в себя, крикнул он. — Подлодка!

Читайте рассказ «Полярная быль» С. Бузо.

Еще секунда — и флаги разных стран взвоятся над лагерем

МЫ С ВАМИ, ДЕТИ ВЬЕТНАМА!

Фотоочерк Л. Дидеску и Ю. Юркана

В Англию и Болгарию, Венгрию и Монголию, Польшу, Румынию, ГДР и другие зарубежные страны с аэродромов и вокзалов Москвы летом этого года улетали и уезжали сводные отряды пионерского актива Советского Союза.

Двадцать семь советских пионеров, 14 мальчиков и 13 девочек, из двадцати шести городов, аулов, сел и поселков нашей страны были гостями Международного лагеря мира в Чехословакии. Тридцать дней прожили они рядом с чехами и словаками, австрийцами и венграми, шведами, норвежцами, немцами. Вместе ходили в походы и на экскурсии, купались, загорали, играли в футбол, учились новым песням, играм, танцам.

Однажды во время встречи советского пионерского отряда «Дружный» и группы юных австрийцев — детей бывших узников фашистских концлагерей — говорили о помощи героическому народу Вьетнама.

Ира Гусева из Москвы рассказала о проводах корабля, который повез во Вьетнам подарки, собранные советскими детьми, а Мария Миколаш и Габи Фриш — о том, как они после занятий делают игрушки, кукол, затем продают их, а деньги посылают в посольство Вьетнама.

Тут-то и родилась идея провести лотерею в пользу Вьетнама.

Готовились к лотерее и проводили ее буквально все ребята. Да и не только ребята. Сотрудники лагеря, жители поселка, где расположился лагерь — все поддержали затею.

Создали международный лотерейный комитет. У комитета дел по горло: найти сувениры для розыгрыша, напечатать лотерейные билеты, распространить их, что, пожалуй, легче всего, провести тираж... Собрали почти тысячу крон — это большие деньги — купили подарки для вьетнамских ребят и написали письмо, которое заканчивалось словами: «Мы с вами, дети Вьетнама!» Под письмом стояло больше трехсот подписей.

ДРУЖБА

Олджих Гавронек (Чехословакия)
покупает лотерейные билеты
у Ане Рейнхолдсен (Норвегия)

Посылку и письмо отправили в Софию на фестиваль в адрес делегации молодежи Вьетнама, а когда все участники лотереи уже разъехались по домам, вернулись в свои страны, в лагерь пришло письмо из посольства Демократической Республики Вьетнам в Праге. Вот оно.

«Дорогие ребята!

Посольство Вьетнамской Демократической Республики в Праге благодарит вас за ваш подарок для вьетнамских ребят, которым вы проявили свою солидарность с борющимся народом Вьетнама.

Наш народ убежден, что собственными силами и с моральной и материальной помощью всех миролюбивых сил во всем мире одержит победу над американскими агрессорами, а вьетнамские ребята смогут опять жить в мире в своей освобожденной родине.

Дорогие ребята, желаем вам много здоровья и успехов в учебе.

С сердечным приветом

Ван Тхан, секретарь посольства».

ИЗ ПИСЕМ

«Мы считаем большой удачей, что смогли приехать именно в то время, когда лагерь празднует 15-ю годовщину со дня своего создания.

Каждая делегация выступала со своими номерами.

Советские и украинские пионеры пели, танцевали, играли на баяне, один из мальчиков даже сыграл на рубабе, узбекском народном инструменте.

Австрийская группа исполнила юмористическую сценку, их руководитель Петер представил пантомиму.

Чехословацкие ребята выступили с очень разнообразной программой. Норвежцы и шведы познакомили нас с народными играми. Мы, то есть венгерская делегация, исполняли народные песни, танцевали и, наконец, Бокор Тиби играл на гитаре».

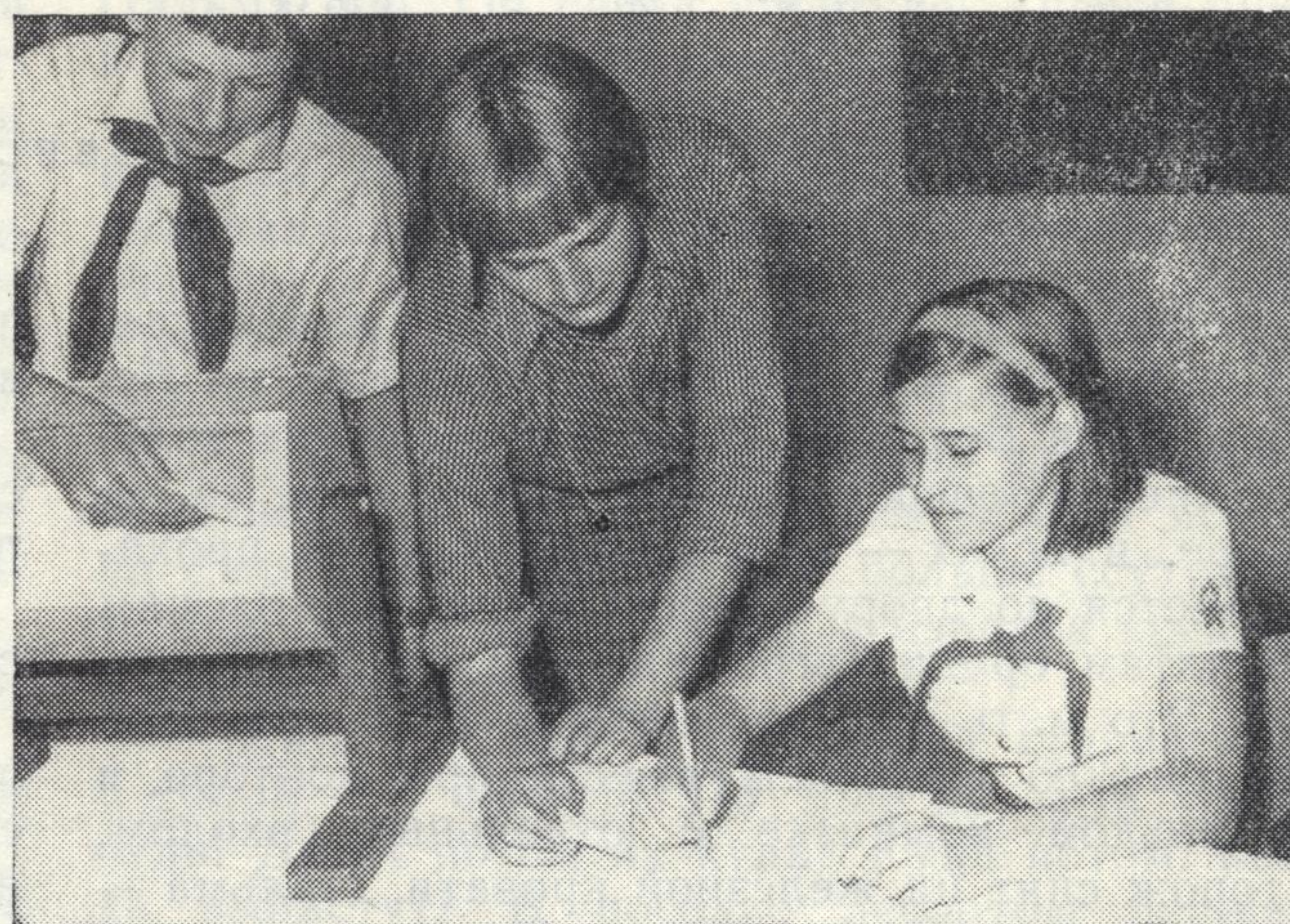
Томаш Буррана, Венгрия

«В лагере возникает множество недопониманий из-за языковых трудностей, но при помощи смешанного англо-немецко-французско-шведского языка плюс различные жесты и гримасы мы практически довольно хорошо понимали друг друга».

Элизабет Форслинг, Швеция

Норвежцы Тарье Ларсен, Пер Ныгаард и Паул Бергер подсчитывают свои ресурсы. Сколько еще билетов можно приобрести?

Виктор Антонен (СССР), Леннарт Эриксон (Швеция), Виктория Бось (СССР) — члены международного лотерейного комитета — проводят тираж

Подписывается письмо детям Вьетнама. Свою подпись ставит Зузана Рачманова (Чехословакия)

История СЕРОГО

ПОВЕСТЬ

Владимир Дяленков

Рисунки Е. Захарова

Бойня, где родился Серый, маленькая. Расположена в километре от поселка, на берегу речки Белянки. Работают на бойне только днем. Вечером, ночью — в конторе ее, во дворе, в цехах — тихо. Лишь изредка прохаживается по двору сторож Игнатьич. За ним по пятам бродит огромная собака бурой масти. Это мать Серого, звать ее Пальмой. Живет она со сторожем вместе при конторе, в маленькой комнатке с отдельным входом. Сторож спит на железной кровати. Пальма — в углу, на лохматой овчине. Ни один человек, даже Игнатьич, не знает, какой она породы, откуда взялась.

Года три назад в районе горел лес. Ветер пригнал пожар к речке. Пригнал ночью.

Первым заметил огонь Игнатьич. Выбежал за ворота, стоял, смотрел в ужасе, как пламя с гулом, ревом пожирало ветки высоких сосен, росших стеной на другой стороне.

Речка Белянка узкая, метров сорок. Ветер мог усилиться, перебросить искры на эту сторону. Крыша бойни сделана из дранки. Загорится. От нее огонь перебежит по деревьям в поселок... Сторож испугался. Бросился к поселку. Поднял людей. И трое суток лесорубы, грузчики дежурили возле бойни. Наконец пожар стих, прошел сильный дождь. Люди сняли дежурство. А через неделю после пожара Игнатьич и увидел впервые Пальму. Даже не подумал вначале, что это собака.

Сидел он под вечер на лавочке у ворот. Со-сал свою трубку. Кашлял, поглядывая по сторонам. Хотел было пойти в комнату и по-

пить чаю, как вдруг увидел на выгоне, шагах в сорока от себя, крупного, страшного зверя.

Спина, один бок и хвост зверя — без шерсти. Голая кожа так обтягивала хребет, ребра, что, казалось, вот-вот лопнет.

— Господи, что за напасть, — прошептал старик, холодея от страха, — неужели волк?

Игнатьич потянулся за ружьем, но оно осталось в комнате. Старик юркнул за калитку, посмотрел в щель. Зверь не шевелился. Но ведь волк, будь он как угодно голоден, не подойдет к человеку! Может, это собака такая? Пожар отбил ее от людей. Она обгорела, заблудилась. А запах бойни привел ее сюда.

Возле разделочного цеха лежал ворох телячьих потрохов. Игнатьич вынес потроха за калитку.

— На! — крикнул он, бросил потроха и снова спрятался.

Зверь медленно, не отрывая взгляда от калитки, подошел к подачке, схватил ее, унес в прибрежные кусты. «Да, это собака», — решил Игнатьич. Обрадовался: до этого года с ним жил бойкий кобелек Волчок, но зимой его утянули волки. Если приручить такую большую собаку, никакой волк не утащит ее.

И девять дней подряд, едва вечерело и рабочие уходили домой, собака появлялась на одном и том же месте. Старик бросал ей еду. Она хватала, уносила в кусты. И пряталась в них так, что Игнатьич не мог найти ее.

На десятый день, когда старик вынес большую телячью кость с остатками на ней мяса, собаки на прежнем месте не оказалось. Иг-

натъич постоял. Хотел присесть. Но не присел: под лавочкой лежала собака. Смотрела в его глаза, слабо шевелила хвостом.

— Ну вот, давно бы пора так поступить,—

сказал Игнатъич, — пошли в комнату. Поидем!

Собака пошла за ним. И с той поры они подружились, и старик назвал ее Пальмой.

Пальма оказалась собакой со странностями. Ничего вареного и хлеб не ела. Любила только сырое мясо. С удовольствием глодала кости. Днем, когда во дворе бойни находились рабочие, из комнаты не выходила. Может, боялась? Нет. Она никого не боялась. Ведь даже в присутствии Игнатъича никого не впускала в комнату.

Игнатъич пил много чаю. Пил и зимой, и летом, и днем, и ночью. На столе у него с утра шумел ведерный самовар. Старик за сутки выпивал его весь, хотя сам был маленький и очень тощий. Прежде к нему заходили изредка пожилые рабочие выпить чашку чая. Побеседовать. С появлением Пальмы перестали ходить: стоило ей услышать шаги на крыльце, прыгала на середину комнаты. Поджав хвост, нагнув голову, смотрела на вошедшего. Угрожающе ворчала. И гость спешил прочь. Старик ничего не мог с ней поделать. Тащит, бывало, ее в угол, пинает коленями. Ругается. Она же упрется и ни с места.

— Угомнись! — кричал Игнатъич, — за что ты на людей взъелась? Иди, ляг на место!..

Вызывали старика в контору или он сам уходил куда-нибудь по своим делам, — Пальма очень волновалась. Бесперывно ходила от стены к стене. Скулила жалобно. Даже выла, будто боялась за Игнатъича: вдруг с ним что-нибудь случится?

Так прожила Пальма года полтора. Пришла очередная осень. Лили дожди. Во дворе бойни, на выгоне — повсюду грязь. Деревья стояли угрюмыми. И с Пальмой что-то случилось: плохо стала есть. Минутку спокойно не полежит. А то вскинет голову, завоет. Хотя Игнатъич дома, лежит на кровати и никуда не собирается уходить.

— Ты что это, Пальмушка, — спросит он, — не захворала ли? Что случилось?

Пальма посмотрит на него, будто скажет: «Ничего, это я так», вильнет хвостом и ляжет на овчину. Потом стала убегать куда-то по ночам. Игнатъ-

ич даже встревожился: не убежать ли собралась? А когда выпал снег, старик догадался, что у Пальмы будут щенки.

Появились они в начале февраля. Рано утром, услышав писк, доносившийся из угла, старик торопливо оделся. Весело засуетился. Протопил хорошенько печь, вздул самовар. Принес из кладовой целую миску коровьей печени. Пальма ела. Он сидел на стуле. Уперев руки в колени, смотрел на новое семейство.

Щенков было шесть штук. Крохотные, с мышиными хвостиками и слепые, они ползали, натыкались друг на друга, покуда мать не наелась и легла к ним. Щенки нашли соски. Утихли. Игнатъич принялся пить чай. Пил долго. И все смотрел в какую-то точку на стене, улыбаясь, будто вспоминал что-то очень приятное. Но уже день спустя улыбка исчезла с его лица. Весь он еще больше ссутулился. На Пальму не смотрел, а изредка косился на нее осторожно.

— Да-а... Я что? — рассуждал старик сам с собой, — я ничего! По мне их хоть сотня будь! Да. А потом их куда? Куда потом, когда вырастут? В поселке лесорубы держат только гончих для охоты. А этих куда деть? По помойкам будут бегать? Не годится такое...

Так он бурчал под нос. А вскоре случилось вот что. В один из вечеров Пальма выбежала во двор прогуляться. Мела метель. Свистела и завывала в щелях. Снег забивал глаза, уши. В двух шагах ничего не видать. Пальма покрутилась у ворот. Сбегала за контору, проверила, цела ли кость, которую накануне закопала в сугроб. Вернулась в комнату и — о ужас: на овчине ползали только два щенка!

Пальма метнулась под кровать, вскочила на нее, с кровати на стол. Опрокинулся и грохнулся на пол самовар, разбилась чашка. Пальма хотела прыгнуть в окно, догнать негодяя, укравшего дегенышей. Но испугалась за оставшихся двух, — вдруг без нее и этих унесут. Она легла к ним, затолкала их под себя. Дрожая всем телом от негодования, ждала хозяйна. Ей казалось, он, узнав о случившемся, заволнуется, закричит и поможет ей найти щенят. Но Игнатъич спокойно вошел в комнату с помойным ведром в руке. Поставил ведро в угол. Молча поднял самовар. Молча стянул валенки. Погасил свет. Лег спать, не раздевшись, покрывшись полушубком.

Несколько дней Пальма тосковала. Ничего не ела. Исхудала очень. Потом стала забывать о пропавших щенках. А когда кончились морозы, унеслись куда-то метели, дни стали длинней, ночи короче, а солнце уж припекало вовсю, — в комнате с утра до вечера стояло веселье. Щенки подросли, покрылись густой, мягкой шерстью. Толстые, потешные, играли друг с другом, с матерью, с валенками Игнатъича. Наиграются, поедят и спят. Проснутся, поедят и снова играют. Оба одинакового цвета — серые. Игнатъич каждого из них звал одним именем — Серый.

Пальма по-прежнему днем из комнаты не уходила. Щенят даже к порогу не подпускала. Стоило подбежать им к двери, она хватала их

за шиворот, уносила в угол.

Однако со временем ей пришлось изменить своему правилу: стала убегать днем из комнаты. Щенки подросли, зубы у них тоже выросли. Оба уже ели мясо, глодали кости. Но продолжали сосать мать. У нее же молоко кончилось. Щенки не понимали этого, сердились, кусали соски. В комнате спасения ей не было. Она и стала бегать за контору, где никто не бывает. Ляжет у завалинки, греется под лучами солнца.

Как раз в это время и стал появляться во дворе бойни новый человек маленького роста. С большой школьной сумкой на боку, зеленоглазый, курносый, он приходил после часа дня, когда в школе кончались уроки. Это был сын бухгалтера бойни, двенадцатилетний Васька. Подолгу топтался он возле ворот. Слонялся от цеха к цеху без всякого дела, постоянно бросая косые взгляды на крыльцо Игнатъича. На Ваську никто не обращал внимания. Но однажды Пальма, выйдя на крыльцо, поймала своими глазами взгляд его зеленых глаз. Что-то недоброе учуяла она. Шерсть на ее загривке поднялась, зубы оскалились. Васька шмыгнул за угол конторы. Пальма вернулась в комнату, снесла щенят в угол. Легла, загородив их своим телом от двери, не понимая, какая может грозить опасность. И с этого дня, если Васька был во дворе, она из комнаты не уходила.

Но вот однажды Игнатъич решил сполоснуть на речке половик. Скатал его, сунул в ведро. Взял ведро и пошагал к реке.

Погода стояла чудесная: светило солнце, ветер не дул. Тепло и спокойно вокруг. Одни воробьи бойко шумели на навозных кучах. Пальма стояла у калитки. Огляделась и побежала за хозяином. Но беда в том, что она никогда не смотрела на окна. И не заметила, что из одного окна конторы за ней следят два зеленых глаза. Это был Васька.

Едва Игнатъич и Пальма спустились к реке и берег скрыл их, Васька вылетел из конторы, ворвался в комнату Игнатъича, схватил одного щенка, сунул его за пазуху и бросился вон со двора. Серый даже взвизгнуть не успел от неожиданности, даже не соображал, что произошло... Когда же испугался, завизжал, Васька уж находился на другом конце поселка. Вскочил в один из дворов, запер за собой калитку. Перевел дух и утер пот со лба.

Во дворе был сарай. В углу стоял ящик,

обитый сверху металлической сеткой. Серый очутился в нем.

Что за жизнь наступила для щенка! В ящике было темно, холодно. С боков и вверху свистел по ночам холодный ветер. И три дня подряд Серый скулил — звал мать. Ничего не ел. Васька приносил ему хлеб, молоко, суп. Серый не прикасался к еде. Васька брал его на руки, носил по сараю, гладил, приговаривая:

— Серенький, почему ты не ешь? Почему? Ну, давай поедим.

И он затапливал ему в рот хлеб, кусочки вареного мяса. Серый выталкивал языком все обратно.

Возможно, он заболел бы от голода и сдох бы. Но как-то Васькина мать выбросила на помойку кухонные отходы, и среди них оказались кусочки сырого мяса. Серый в это время сидел за сараем и горевал. У него уж и тогда был отличный нюх. Учув запах мяса, он прокрался к помойке. Съел найденные кусочки.

Мать Васькина заметила это. Сообщила сыну. И в тот же день Васька так накормил Серого мясом, что у щенка разболелся живот. Васька был обыкновенный мальчишка, каких много в любом городе, поселке. В любой деревне. И учился он хорошо. Но он совершенно не знал, как надо обращаться с собаками. Особенно со щенками. Взять же в библиотеке книжку, почитать об этом он не догадался. А может, ленился читать. Или был уверен, что воспитывать собаку — дело пустяковое.

Прежде всего начал он учить Серого слушать. Станет посреди сарая, вытянет перед собой руку с кусочком мяса и твердит:

— Служи, Серый, служи!

Серый и смотреть-то вверх еще не умел. Его интересовало только то, что лежит на земле. Не понимал, что от него хотят. Старался удрать куда-нибудь подальше от грубого Васькиного голоса. Васька сердился, трепал щенка за уши и твердил:

— Слушай хозяина! Слушай хозяина! Служи!

Специально не кормил его перед уходом в школу, чтобы к полдню Серый оголодал и становился на задние лапы. Потом Васька надел на него ошейник из толстого ремня. К ошейнику привязал цепь, валявшуюся на огороде. Цепь ржавая, толстая и очень тяжелая. Серый сдвинуть с места ее не мог. Васька таскал его на этой цепи по двору, науськивал на кур, на кота.

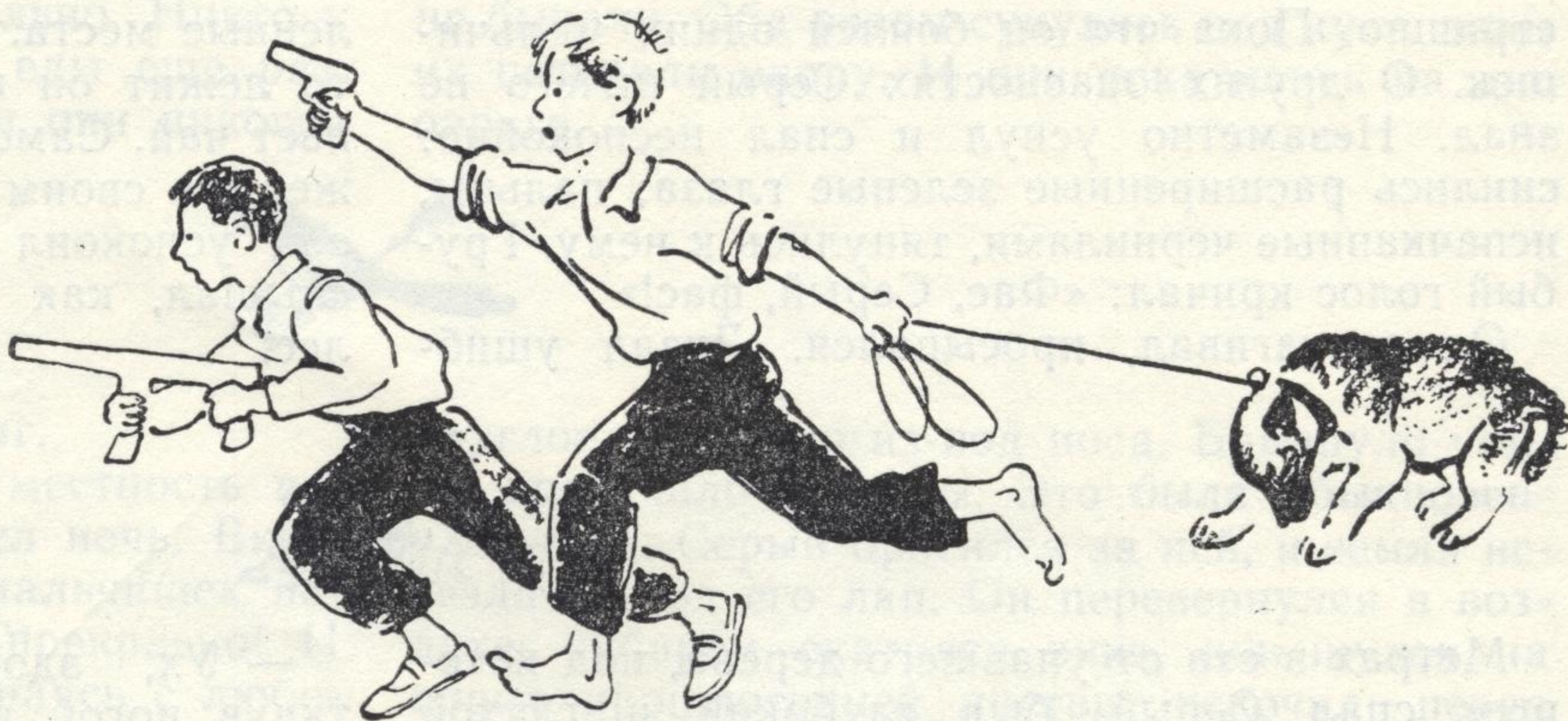
— Фас, Серый, фас! — кричал он грозно, страшно тараща свои зеленые глаза.

Еще делал так. Потычет в нос Серого своим грязным носовым платком, спрячет платок в дрова. Таскает вокруг этого места щенка и кричит:

— Ищи, Серый, ищи! Кому говорят, — ищи! Серый злился. Один раз даже цапнул Ваську за палец, и Васька отстегал его хворостинной.

Когда кончились занятия в школе, жизнь Серого стала совсем невыносимой. Снег к тому времени и в лесу сошел. Земля подсохла, появилась свежая травка. Поселковые мальчишки ходили в лес, играли там в войну. Всякий раз Васька брал с собой Серого. Что там вытворяли с ним!

Очутившись в лесу, мальчишки моментально изменялись. Между собой не разговарива-

ли, а только кричали друг на друга. Бегали между кустами, падали, ползали, размахивая палками, кричали:

— Трррр!.. Та-та-та!.. Бух, бух!

Васька бегал быстро. Серый не поспевал за ним. И Васька волочил его по земле. И в плен забирали Серого. Зачем-то закапывали в землю, оставляя на воздухе одну голову, чтоб он не задохнулся. От всего этого у Серого кружилась и болела голова. Тело покрылось ссадинами, незаметными под шерстью, но нывшими все время. Он возненавидел зеленые Васькины глаза, его цепкие пальцы, испачканные чернилами. Но щенок был мал, слаб. Ненависть его переросла в страх. Возможно, со временем страх прошел бы, Серый превратился бы в подобие пса-дворняги — в равнодушного, глупого и ленивого пса-беспризорника. Но получилось не так. И жизнь его сложилась совершенно необычно.

Во время очередной игры в лесу его захватили в плен. Захватил длинноногий худой мальчишка. На руки не успел схватить, волочил за собой. Серый бился о корни, о ветки. Земля и небо в его глазах перемешались. Казалось, конец, гибель. Как вдруг он почувствовал свободу: ошейник снялся через голову. Мальчишка бежал дальше. Позади кричали, и кто-то, топоча, приближался. Серый шмыгнул в кусты. Припал к земле, послушал и ударился во все лопатки! Ветки стегали его по глазам, ушам; лапы проваливались в лужи, в ямки. В голове стоял звон. Казалось — все мальчишки во главе с Васькой гонятся за ним, вот-вот схватят. Он взвизгивал и прибавлял ходу. Уже в потемках наткнулся на толстое, упавшее когда-то дерево. Забился под него. Мальчишки не гнались. Тихо. Только в ушах звенит. Под деревом сухой мох. Серый повернулся носом в ту сторону, откуда прибежал. Зарылся в мох. Кто-то невидимый шуршал рядом прошлогодней листвой. Прокричала какая-то птица. Он прислушивался, но ему не было

страшно. Пока что он боялся одних мальчишек. О других опасностях Серый ничего не знал. Незаметно уснул и спал беспокойно: снились расширенные зеленые глаза; пальцы, испачканные чернилами, тянулись к нему. Грубый голос кричал: «Фас, Серый, фас!»

Он взвизгивал, просыпался. Лизал ушиб-

ленные места. Лишь под утро приснилось, будто лежит он в комнате на овчине. Игнатьич пьет чай. Самовар что-то напевает, а мать лижет его своим теплым, нежным языком. Такой сон успокоил Серого, он крепко уснул. Не слышал, как на рассвете стал просыпаться лес.

Метрах в ста от упавшего дерева, под которым спал Серый, был глубокий и глухой овраг. Крутые склоны его сплошь поросли кустами боярышника, шиповника. По краям его стояли тополя, густо росли кусты черемухи. По дну оврага протекал узенький ручеек. Только звонкий его шум нарушал в этот день предрассветную тишину. Вот уже больше года ни один зверек не смел заглянуть в овраг: там была волчья нора. В норе сидели волчата.

В лесу уже посветлело. Но в овраге стоял мрак. Из глубины его медленно поднимались и таяли клубы тумана. Но вот где-то что-то хрустнуло. Послышались осторожные шаги. На краю оврага появились два человека. Оба с ружьями. Один высокий, с рыжей бородой. Второй коренастый и без бороды. Помимо ружья, он нес за плечами мешок, из которого торчал приделанный к палке сачок, сделанный из толстой проволоки.

Охотники постояли, прислушиваясь. Рыжебородый что-то шепнул коренастому. Тот кивнул в ответ, и они разошлись в разные стороны. И будто растаяли или бесшумно провалились под землю. Опять стало тихо. Пролетели куда-то две вороны. Чуть ниже их в обратную сторону пронеслась сорока. Что-то серое мелькнуло в кустах на краю оврага. Тотчас из-под черемуховой ветки показалась волчья голова. В зубах — серый заяц. Это волчиха. Только что она обежала дважды вокруг оврага, никакой опасности не заметила. Но едва она сунулась в овраг и оказалась вся на виду, на одном из тополей блеснул белый язык огня. Грохнул выстрел. Волчиха шарахнулась в кусты, забила в них. С тополя спрыгнул рыжебородый охотник, кинулся вслед за ней. Ударил еще выстрел. И стало тихо. С другого конца оврага прибежал коренастый.

— Что там, Степан? — тревожно крикнул он.

— Ничего, порядок, — ответил спокойный бас из кустов. И тотчас из них, пятясь задом, вылез рыжебородый, волоча волчиху за хвост. Коренастый подал рыжебородому руку, помог вылезть из оврага.

— Ух, здоровá, окаянная! — сказал он, ткнув ногой волчицу, — отгуляла свое, голубушка! Больше не будешь скот воровать. Без добычи была? — спросил он рыжебородого.

— С добычей, — ответил тот, — зайца не сла. Большого. Да измяла сильно. Я не взял.

Охотники покурили. Коренастый принес мешок с сачком. Они спустились метра на три по склону, пробрались вдоль него, держась за кусты. Вот и гладкая площадка. На ней валяются кости, бараньи рога, птичьи перья. Под старым пнем видна нора. Рыжебородый обрубил несколько сухих корней, закрывавших нору. Расширил вход.

— Ну-ка, попробуй, — сказал он. Взял мешок и, наклонившись, стал держать его наготове.

Коренастый сунул сачок в нору, пошуровал в ней.

— Есть! — вдруг крикнул он. — Держи!

Выдернул сачок. Оскалившийся серый волчонок мелькнул и исчез в мешке. Вскоре за ним последовал второй и третий. Коренастый продолжал шуровать, но волчат больше не было.

— Что такое? — ворчал коренастый, — я ж вчера проходил здесь, сам видал: их пять штук играло на площадке! Может, спрятались где?

Охотники обшарили кусты вокруг норы. Опустились на дно оврага. Больше волчат не обнаружили. Покурили и ушли, унося волчиху и трех волчат.

Но охотники ошиблись. Два непоиманных волчонок никуда не убежали из норы. Дрожа от страха, они стояли на задних лапах, прижавшись к стенке, не понимая, что происходит. Когда шум затих и кто-то непонятный и страшный исчез из норы, забрав с собой их братьев, волчата еще долго стояли, ожидая мать. Она не возвращалась. И в полдень голод выгнал их на воздух. Поглодали сухие кости. Голод от этого только усилился. Мать не шла, братья тоже не появлялись. Оба волчонок уселись рядышком, задрали вверх мордочки и за-

выли. Выли долго и очень печально. Никто к ним не шел. Решили поискать еды еще раз. Дальше этой гладкой площадки они никогда

не бывали. Оба разом сунулись под куст, лапы их потеряли опору. И они покатались на дно оврага.

Вскоре и Серый угодил в овраг.

Проснувшись, он обследовал местность вокруг дерева, под которым провел ночь. Вкусным ничем не пахло. Голосов мальчишек по-прежнему не слышать. Что ж, прекрасно! И он потрусил по тропиночке, озираясь с любопытством. Он же был мал, глуп и ничего, никого, кроме мальчишек, не научился бояться!

Тропинка вывела Серого на полянку. На ней росла трава. Сюда проникали лучи солн-

круглое прыгнуло из-под носа. Брызнуло чем-то, поскакало в кусты. Это была обыкновенная жаба. Серый бросился за ней, и земля исчезла из-под его лап. Он перевернулся в воздухе, кубарем скатился вниз, шлепнулся на ворох прошлогодней листвы, вскочил: перед ним стояли два серых щенка. Смотрели на него во все глаза.

Это были волчата. Они решили, что к ним вернулся один из братьев. Правда, пахло от

ца. Пахло распутившейся черемухой, гнилыми листьями. Как они пахнут! Какая-то птица забилась рядом в кустах, пробежала немного по земле. И улетела. Наверное, ее можно было съесть. И теперь Серый пошagal осторожнее. Из гуши леса вырвался черный дятел с красным чубом. Смело крикнул что-то, прилип к стволу сосны, начал долбить кору своим длинным клювом. На Серого он не обратил ни малейшего внимания. Должно быть, таких птиц не едят, и потому они не боятся. Серый отвернулся от дятла. Побежал дальше. Что-то

него не совсем обычно. Но ведь и с ними случилось нечто необычное! И через минуту все трое рыскали в поисках еды. Нашли в кустах зайца, принесенного волчицей. Съели его и начали играть. Прилетели две сороки. Они ежедневно появлялись в овраге. В такое время обычно волчиха и волчата, пообедав, отдыхали, а они воровали остатки обеда. Теперь сороки с удивлением прыгали с ветки на ветку, опускались ниже к земле. Волчата и Серый с визгом носились друг за другом как угорелые. Прыгали через ручей, измазались в грязи,

И волчихи нигде нет! Обе сороки вдруг вскрикнули и полетели разносить по лесу поразившую их новость. И не прошло десяти минут, как прилетело несколько угрюмых ворон. Они уселись на ветвях тополя. Смотрели в овраг. Если б там, на дне оврага, бегал один Серый или один из волчат, вороны напали б и заклевали. Но серых малышей было трое. К тому же они ничего не боялись. Не обращали внимания на ворон. И те сидели, не зная, как им быть. Одна, видимо, самая голодная и нахальная, спланировала в овраг. Хотела напугать братьев. Но Серый, разгоряченный бегом, заметив ворону, подпрыгнул, чуть было не схватил ее за хвост. Ворона круто взмыла

вверх. Остальные недовольно закаркали. Но не улетели.

Набегавшись, волчата и Серый уснули под кустом. Проснулись поздно вечером, когда уж сумерки заполнили овраг. Опять обшарили овраг, съестного не нашли. Взошла луна. Вспомнив свою волчиху, волчата уселись рядышком, уставились на луну и начали выть. Слушая их грустную песню, Серый вспомнил комнату Игнатъича, лохматую овчину. На ней лежит мать. А рядом стоит миска, в которой еда. Серый поскулил, сел напротив волчат и тоже завыл. Выли они долго, на разные голоса. Потом охрипли и уснули.

Утром узенькая тропинка вывела их из оврага. Вороны просидели на дереве всю ночь. Недовольно каркая, с полчаса летели над лесом в одном направлении. По их полету можно было определить, куда бегут названные братья.

Надо сказать, им повезло. Блуждали по лесу четверо суток и не встретили ни коварную рысь, ни хитрого, злобного лиса. Но как проголодались! За четверо суток съели только двух дохлых птиц. Да и то одна из них была маленькая, чуть больше воробья. Пробовали есть траву, грызли веточки, какие-то корешки. Да разве этим наешься?

Но вот под вечер четвертого дня они учуяли резкий, сладкий запах свежего мяса. Им даже страшно стало почему-то. Дрожа, прижимаясь к земле, крались на запах. Он привел к бурелому. С трудом пробрались через него, попали в густой мелкий ельник. А в ельнике на полянке лежал наполовину съеденный теленок. Все трое бросились к нему. С жадностью стали есть. Наелись так, что тут же свалились спать, будто опьянели. Но не успели уснуть, как все трое лежали на спинах, сложив на груди передние лапы. А Серый даже глаза зажмурил от страха. Над ними стоял большущий серый волк. Он был стар. Верхнее веко левого глаза уже не слушалось его, прикрывало глаз. И волк казался одноглазым. Под нижней челюстью шерсть истерлась, кожа отвисла, морщинилась. Обнюхав волчат, он ткнул носом Серого, фыркнул, оскалил зубы еще больше и зарычал. Но тут же понюхал еще раз волчат. Их запах успокоил его, и он лег, никого не тронув.

Оказалось, что это отец волчат. Они о нем ничего не знали. Даже не подозревали о его существовании. Когда они родились, волчиха прогнала старого волка, и он покинул овраг, подался в сторону юга, навстречу весне, туда, где раньше сходит снег, тает лед на озерах и болотах, на которые опускается перелетная птица.

Говорят, волка ноги кормят. Это верно. За ночь он пробежит километров сорок, шестьдесят. И уже наверняка кто-нибудь попадет ему в зубы.

Покрыв расстояние около трехсот километров к югу, он повернул обратно. Намерен был пробежаться на север до Кулунчинских болот. Там весна только начиналась. Перелетные птицы, утки, гуси не успели сесть на яйца. Потому не очень осторожны. Можно отлично поохотиться, отдохнуть. Тем более, что ему был известен небольшой островок на болоте, расположенный в нескольких километрах от берега. К острову ведет одна-единственная тропинка, о которой люди даже не знают. Уже три года подряд, каждую весну, он бегал туда отдыхать. И теперь спешил, боясь, как бы весна не обогнала его — тогда он опоздает к перелету птиц.

В пути его задержал этот глупый теленок, заблудившийся в лесу. Можно б его и не трогать, потому что волк был сыт. Но у него к старости развилась мнительность: если уж попалась добыча, упускать ее нельзя. И он зарезал теленка. Съесть сразу не смог. Пришлось сделать остановку.

Жизненный опыт подсказывал волку, что люди не останутся равнодушными к исчезно-

вению их теленка. Начнут искать его. Могут нагрянуть сюда. Он то и дело бегал в дозор: не идут ли люди? И, сбегав в очередной раз, не обнаружил опасности, вернулся и вот тебе на — его волчата сами явились к нему. Правда, от одного пахнет собакой. Почему? Может, он один съел собаку и провонял псиной?

Старый волк отлично знал характер своей волчихи. Помнил, как она тряслась над своими детенышами. Видимо, она побежала на охоту. Они же забрались сюда, в бурелом, нашли теленка. Скоро она примчится по их следам.

И он ждал ее.

Но прошел вечер, наступила ночь. Волчиха не появлялась. Волчата и Серый осмелели. Хотя желудки их набиты до отказа, но после

голодухи чувство голода не оставляло их. Они лизали мясо, тихонько балуясь, потому что стеснялись угрюмого старика. Волк ходил по поляне, нюхал воздух, прислушиваясь. Поджал хвост, сел на него. Уставился своим глазом на луну и завыл. Голос его, грубый, сиплый, разносился далеко по лесу. В какой-то деревне услышали его собаки и залаяли хором. Волчата и Серый послушали, послушали, уселись позади волка и тоже завывали. Но напрасно: волчиха не шла, не откликнулась. Где-то позади них и очень далеко подал голос какой-то волк. И старый волк понял, что волчиха не придет. Она погибла.

Еще не начинался рассвет — все четверо были в пути. Впереди старый волк. За ним волчата. Последним бежал Серый.

Взошло солнце, начался день. И в этот день определилось отношение Серого к людям. В одном месте лес прервался: его разделяла широкая просека. По ней вилась проселочная дорога, по обочинам дороги росли кусты.

В прошлом году просеки не было. Значит, люди недавно ее прорубили. В деятельности людей старый волк видел одну лишь цель: как бы насолить ему, волку. Поэтому он насторожился. Несколько минут смотрел, нюхал, слушал. На дороге ни души. Дымом не пахнет. Волк скачками понесся через просеку. Волчата и Серый за ним. Но на дороге Серый вдруг задержался: он услышал человеческие голоса. Не мальчишечьи, звонкие и крикливые, а спокойные людские голоса. И тотчас увидел четверых взрослых людей, поднявшихся из-за кустов. Смеясь и говоря что-то друг другу, люди стали надевать рюкзаки. Мальчишек за кустами нет. И Серый не знал, как ему быть. Волк и волчата уже скрылись за деревьями. Бежать за ними? Что-то удержало его. Один человек вдруг заметил Серого. Опустил свой рюкзак на землю. Глаза человека выразили изумление. Некоторое время он молчал, раскрыв рот. Потом сказал:

— Ребята, волчонок!

Теперь все четверо смотрели на Серого.

— Давайте поймем его!

— Давайте! Только осторожно. Окружим его. Заходи со всех сторон.

Люди разошлись. Один снял куртку, нес ее в руках. Серый старался следить за каждым из них, за их ногами, руками. Не успел сообразить, что к чему, как все четверо уже сходились к нему с разных сторон. И тут он заметил их глаза. О ужас! Глаза их выражали то же самое, что и глаза мальчишек, когда те, играя в войну, захватывали его в плен! Серый оскалился, заметался. Люди вдруг бросились на него, куртка закрыла небо. Жесткие пальцы сдавили шею, горло. Он завизжал, рванулся что было сил. Хватил зубами палец, другие на секунду ослабли. Он вырвался и бросился к лесу.

— Держи, держи! — вопили голоса вслед.

Ударил выстрел. Серый подскокнул и влетел в лес. Только в полдень догнал своих новых друзей. Они лежали в ложбинке. Ждали его. Виновато виляя хвостом, скуля от боли, обиды, он втиснулся между волчатами. Стал лизать две маленькие ранки на спине. Старый волк сердито наблюдал за ним. Фыркнул и

отвернулся, как бы сказав: «Так тебе и надо, дураку эдакому. Наперед умней будешь!»

Старый волк не то что не любил людей — он ненавидел их лютой ненавистью. В молодости он пробовал состязаться с ними в ловкости, хитрости. Порой удавалось провести их. Но они каким-то образом ухитрялись разгадывать его уловки. В конце концов заманили в яму, куда посадили поросенка. Набросили сверху сеть, замотали в нее. Приволокли в деревню и заперли на ночь в сарай, чтобы утром отвезти в город. С невероятным трудом он перегрыз веревки, прорылся под стеной и унес ноги.

Сегодняшний случай с Серым напомнил ему ту ночь, яму, сети, сарай... От злости он вскочил, зашелкал зубами. Завертелся на одном месте, рыча, не зная, на ком выместить злобу. Серый лизал ранки. Они были неглубокие, боль уже проходила. Волк подскочил к нему, схватил за шиворот, потрепал и отшвырнул. Походил туда-сюда, вздыхая и рыча от злости и раздражения, что от Серого пахнет псиной. Успокоился немного. Побежал дальше. Волчата тотчас за ним. А Серый не знал, что ему делать. Бежать за волком? А вдруг тот, обозлившись в очередной раз, разорвет его? Возвращаться обратно? Куда? Там люди на дороге.

Волчата давно скрылись. Серый стоял. И тут впервые за свою коротенькую жизнь он испытал дикий ужас перед неизвестностью. Вдруг сейчас из-за куста выскочит человек и бросится на него? Из-за какого куста? Вот из-за этого! Нет, из-за вот этого! Из-за другого! Кустов оказалось много. Серый завертелся на одном месте, ища спасения. Завизжал, тьякнул и помчался за волчатами.

Ни волчата, ни Серый не привыкли к длительным переходам. Уставали, часто присаживались. И волчата первыми присаживались. Волк страшно сердился на них, но кусал одного Серого. Обижал и другим: поймают рябчика, глухаря, зайца. Волчатам выделят по кусочку, а ему ничего не давал. Серый пользовался только скудными объедками.

И просить нельзя было: волк так посмотрит на него, так зарычит, показывая свои желтые клыки, что Серый отходил в сторонку и сидел,

глотаю слюни. Так старый лесной разбойник воспитывал Серого. И многому потом научился от него Серый.

Чем больше продвигались они на север, тем заметней менялась природа. Исчезли деревья с широкими листьями. Запах цветущей черемухи пропал. Ранняя травка становилась все меньше, меньше. Стали встречаться подснежники, но не голубые, а почему-то белые. Чаше встречались болота, большие и маленькие. Наконец Серый впервые увидел снег. Но не чистый и белый, а слежавшийся, твердый и грязный. Наконец поздно вечером лес оборвался, они выбежали к бескрайнему болоту. Моросил дождь. Не позволял рассмотреть, что творится там, вдали от берега. Оттуда лишь отчетливо доносился монотонный шум: побрякиванье, хлопанье крыльев. Старый волк с видимым удовольствием послушал эти звуки, поводя носом. Побегал туда-сюда по берегу. Ничьих следов не обнаружил. И так уж остался доволен всем этим, что, обнюхав в очередной раз Серого, не укусил его и даже не фыркнул с отвращением. И они пошли тихо, очень тихо, в потемках, по грязной тропинке, местами залитой холодной водой, к острову.

Бесшумно пробрались на него. Теперь уже не впереди, а вокруг них изредка шлепали крылья по воде. Тихо побрякивали утки, тревожно переговаривались басистые гусаки. Серый и волчата залегли в кустах можжевельника. А старый волк тотчас отправился на охоту. Он умел охотиться, и впоследствии Серый великолепно научился этому делу.

Вокруг острова было множество маленьких островков. Глубина воды между ними не доходила волку до брюха. Совершенно бесшумно он пробирался с островка на островок. На фоне серого горизонта отчетливо виднелись

силуэты спящих птиц. Он подкрадывался, прыгал, одним ударом челюстей пересекал горло. Держал добычу в зубах, покуда она не переставала биться. Разнимал челюсти и крался дальше. Охотился долго. Затем призывно тьякнул. Волчата и Серый прибежали, все вместе таскали дичь к центру острова, в густые кусты можжевельника...

К утру дождь перестал моросить. Из-за болота выползло на небо солнце. Осветило болото, остров. На острове стояла мирная тишина. Ничто не говорило о ночной охоте.

Старый волк лежал на полянке в кустах. Вокруг него валялась добыча. Только на этом острове он позволял себе роскошь — выспаться вволю и спокойно поваляться после сна. Ведь сюда человек не заглядывает. А зверей, кроме медведя, он не боялся. Да и косолапого боялся относительно: не дрожал от страха, учуяв его, спокойно обходил стороной.

Если не дразнить мишку, он не тронет тебя. Так что бояться нечего, и волк блаженствовал. Изредка покой нарушался свистом и хлопаньем крыльев только что прилетевших с юга птиц. Ничего не зная о случившемся прошлой ночью, они опускались на воду. Оглядевшись, плыли к берегу, на мель, где кормились.

Заслышав шум очередной стаи, волк открывал один глаз. Лениво провожал взглядом птиц. Облизывался, предвкушая очередную охоту. Из опыта он знал, что каждую ночь не обязательно охотиться, потому что, хотя их и четверо, все равно всю добытую дичь не съедят. Она начнет портиться, и часть ее пропадет. Но справиться со своей натурой не мог.

Каждую ночь ходил на охоту.

Он раздобрел. Левое веко совершенно закрыло глаз. Прошлогонья шерсть сошла окончательно. Волк чувствовал себя прекрасно. И не только не ворчал на Серого, а даже позволял ему и волчатам играть с ним.

Они нападали на него. А он, страшно скаля зубы, сверкая глазами, отбивался от них. Но не кусал.

В конце птичьего перелета

волчата и Серый тоже охотились ночью. И Серый сам поймал одну маленькую утку. Но ведь суть охоты заключается не в том, сколько поймать. А в том, как это надо делать.

Десять дней прожили они на острове. Okрепли, набрались сил. Перелет кончился.

Они вернулись в лес. И до самой осени Серый прожил под руководством старого волка. Усвоил, например, что вкуснее и глупее рябчика нет птицы в лесу. Особенно легко охотиться на них, когда они летают стайками. Заслышишь их свист, сразу ищи поблизости местечко, где растет ягода. Ложись там под ветку, заройся в траве. И лежи неподвижно, будто ты колода. Рябчики прилетят, начнут клевать чернику или бруснику — ну, то, что растет. Обязательно один из них подлезет к твоему носу. Хватай его, но не вскакивай. Продолжай лежать. Некоторые улетят. Многие останутся. Тут уж наметь одного, прикинь расстояние. Прыгай и хватай. А двух рябчиков вполне достаточно утолить голод.

Усвоил Серый и то, что в лесу ему некого бояться, кроме человека и медведя.

Силу медведя пришлось испытать на собственной шкуре. Получилось так. Он целый день охотился за глухарями. Отбилась от своих. Глухарь привел его к болоту. Серый и про глухаря забыл, когда увидел что-то огромное, косматое, топтавшееся на болоте. Медведь ел клюкву. Набрал целую пасть ягод, поднимал морду и жевал. При этом глаза его закрывались, он мотал головой, недовольно ворчал. Видимо, ягоды были кислые. Подвигаясь по болоту, медведь натолкнулся на три тонких березки. Обнюхал их. Схватил одну березку передними лапами и сломал ее. Постоял раздумывая. Сломал вторую, третью. Вдруг сел,

начал чесать под мышками и живот. И хотя медведь был велик, но все действия его и вид несколько не испугали Серого. Наоборот, ему захотелось поозорничать и припугнуть этого неуклюжего великана. Он высунулся из травы и зарычал. Медведь скосил на него глаза. Продолжал чесаться. Серый прыгнул, отскокил вправо. Защелкал зубами. Медведь рывкнул, опустил на все четыре ноги. Смотрел на Серого, будто говорил: «Ты что это, спятил?» Серый же взвизгнул. Начал носиться вокруг медведя, стараясь быть позади него, делая вид, что хочет укусить. И тут-то произошло неожиданное: медведь вдруг поджался, сделался меньше. Прыгнул и так хватил Серого лапой, что тот взлетел в воздух, ударился о землю. И растеряйся он на секунду, желтые клыки разорвали б его на части. Сгоряча Серый улепетывал вначале на четырех ногах. Правая задняя отнялась. Скакал на трех. И всю ночь пролежал в глухом овраге.

Позже он заметил, что старый волк обходит медведя стороной. Правда, без особого страха. Без того панического ужаса, который овладевал старым волком, едва он улавливал запах человека. Волк поджимал хвост, начинал метаться. Выбирал направление и уходил. Даже бросал добычу, если не мог унести!

Постепенно и Серым начал овладевать панический ужас, как только он замечал человека. И, видимо, Серый со временем превратился бы в настоящего волка. И никогда б ему не испытать человеческой ласки, любви, если бы старый волк в один прекрасный день не оставил на произвол судьбы волчат и Серого. Попросту говоря, старый волк покинул их.

Случилось это уже глубокой осенью, когда они очутились в одном из дубовых лесов. Листья осыпались уже вовсю. По утрам подмораживало. Но дни стояли солнечные, сухие. Лес был невелик, но густ. Там, где не росли дубы, земля покрыта была орешником. Возможно, угодили они не в обычный лес, а в заповедник, потому что хотя вблизи леса находились две деревеньки, но в лесу человеком не пахло, домашний скот не пасся. А зайцев, лисиц — много; встречались и олени, дикие козы, кабаны.

Удивленный изобилием живности, старый волк охотился осторожно. Только ночью. Днем отлеживались в чаще. И вот там, в чаще, Се-

рый заметил однажды, что кто-то посторонний почти бесшумно пробежал шагах в десяти от них. Серый бросился туда, названные братья за ним. На тропинке догнали волка с гладкой шерстью. Обнюхали его. Незнакомец не огрызнулся. Серый хотел было припугнуть его, посмотреть, что из этого выйдет, но тут появился старый волк. Познакомился с неизвестным. Прежде старый волк всегда подозрительно относился к другим волкам. Прогонял их прочь. На этот раз не зарычал. Поскреб задними лапами землю. Гордо вскинув свою старую голову, покрутился туда-сюда. И лег на землю. Серый и названные братья его переглянулись в недоумении. А незнакомец спо-

койно потрусил прочь, будто и не видал их.

Это и была волчиха, которая потом увела старого волка. Может быть, после первой встречи волк позабыл бы ее. Но на следующий день она опять им встретила. Вела себя так, будто бежала по делу и случайно наткнулась на них. И так раза четыре они встречали ее. Старый волк снова стал раздражительным. То и дело огрызался не только на Серого, но и на детей своих. Даже кусал их, хотя они

Оставшись без старого волка, Серый и его названные братья выросли не по дням, а по часам. Резче обозначилась разница их характеров. В тихую минуту, когда Серый бывал сыт и ниоткуда не грозила опасность и он лежал где-нибудь в укромном местечке с подветренной стороны, в глазах его часто мелькали искорки веселья, любопытства. Прилетела, допустим, стайка краснозобых снегирей. Они с важным видом посвистывали. Серый наблюдал за ними, и глаза его выражали при этом какую-то мягкость, даже доброту. Будто он, сильный, зубастый, размышлял, как вот эти живые комочки, покрытые пухом и перьями, летают? Что это они едят? Зачем посвистывают? И вообще, откуда они прилетели и куда улетят?

Ничего подобного нельзя было бы подумать, если б глянуть в это время на молодых волков. Они тоже сыты, им не грозит никакая опасность. Они тоже обратили внимание на снегирей. Но взгляд их сух, строг. Ни тени доброты. Ноздри волков чутко втягивают морозный воздух. Уши прислушиваются к шуму леса. Ловят звуки беспокойного ветра. Но вот вдруг упал где-то с дерева ком снега. Волки привстали. Серый тоже поднялся. И все трое теперь одинаковы, мышцы их напряжены, глаза зорки и строго глядят вперед.

Между веток мелькнул беличий хвост. Белка птицей пролетела над полянкой. Поскакала дальше по деревьям. Застрекотала сорока. Донесся звук выстрела. Эхо его откликнулось где-то справа.

Ветер донес запах пороха. Пулей пронесся мимо них ошалевший от страха заяц. Волки круто свернули наперерез ветру...

Чем старше становились они, тем чаще разбегались по лесу. Неделями жили порознь. Кто первый соскучится, начнет звать ночью:

— У-у-ва-ва-у-у!

давно привыкли к лесной жизни, никаких оплошностей не допускали. А после очередной встречи с волчихой старый волк убежал с ней и больше не вернулся.

До первого снега Серый и молодые волки прожили в этом лесу. Без проводника они не привыкли путешествовать. Надежда, что старый волк вернется, не оставляла их. Да и дичи было много. Но выпал снег. Нагрянули охотники с собаками. Пришлось срочно покинуть этот дубовый лес.

Сойдутся, поживут день вместе. И снова разбегутся.

А в январе попали в стаю волков. Зима выдалась снежной, безветренной и морозной. Оттепели не случилось. Наст не образовался. Даже на больших полянах, где хоть слабый, но прогуливается ветерок и обычно уплотняет снег, в этом году он лежал пышными сугробами. В таких сугробах волки просто тонули. И даже больного или раненого зайца не догнать! Прыгнешь, провалишься чуть ли не с головой в снег. Прыгаешь по нему, будто в воде, взметая вокруг клубы снега. Разве быстро побежишь? И прыгнуть хорошенько невозможно, потому что от мягкого снега не оттолкнешься! Голодно волкам жить в такую зиму. Очень голодно. И как общее несчастье сплавивает людей, так голод объединяет волков. В конце января собралось их штук пятнадцать. Сошлись в стаю и молодые и старые. Вожаком был одноглазый старый волк, отец названных братьев Серого. Ни детей своих, ни Серого он не признал. Да и они успели забыть его.

Днем стая отлеживалась в лесной чаще. С темнотой выходили к дорогам, соединяющим лесные деревушки. Но добыча не попадалась. Один раз стая напала на колхозников, ехавших на санях из города в свою деревню. Но у людей оказалось ружье, они отбились. Тогда одноглазый вожак организовал охоту на лося. Обнаружил свежий след его, поднял стаю, повел. Дело случилось рано утром. Снег не падал, ветер не дул. Волки гуськом спешили по остро пахнувшему следу. Догнали лося на полянке. Рогатый огромный красавец стоял возле стожка сена.

Волки сучились, тотчас рассыпались. С ходу бросились со всех сторон на лося. Но просчитались. Лось был опытен. Он сшиб трех волков передними ногами. Пробился из окружения. Легко понесся по широкой просеке.

Одноглазый успел порвать ему кожу на боку. Капли крови падали на снег. Запах крови возбудил голодных разбойников. Но они поняли, что сразу не одолеть такого зверя. Решили гнать его до тех пор, покуда не выбьется из сил. Застрянет в сугробе. И тут уж конец ему.

Охотничий азарт захватил и Серого. Он хоть и молод был, но ростом уже не отличался от матерых волков. Бежал среди них. И, как волки, Серый успел сообразить, что хорошо бы прижать лося ближе к деревьям. Из-за них можно напасть, не опасаясь его страшных копыт. Но лось знал это. Держался на середине просеки. Никуда не сворачивал.

Весь день шла гонка. Уж солнце садилось, когда лес кончился, и лось пошел полем. Здесь снег до колен, местами по брюхо. Бежать стало трудно. Он взмок. С него хлопьями падала пена. Бока провалились. Он начал уставать. Волки чужали это. Стали повизгивать. Даже тявкали. Впереди неся вместо одноглазого, оставшегося навсегда в снегу у стожка сена, другой матерый волк.

Вдруг лось споткнулся, чуть было не упал. Силы покинули его. Он хотел обернуться к своим врагам, принять смертельный бой. Но ноги почувствовали твердую почву — он оказался на дороге. Впереди виднелись избы. Дымились трубы. Лось всегда сторонился людей, встречаться с ними не любил. Но люди ни разу не сделали ему ничего плохого... Волки тоже заметили деревню. Поняли, что жертва может ускользнуть. Рванулись вперед. Но лось перемахнул через изгородь, уже был возле первой избы. Из нее выбежал человек в шапке. Закричал, замахал руками. Залаяли собаки. Волки круто развернулись, взметая снежную пыль, рассыпались по кустам. Повизгивали от злости, клацая зубами, огрызаясь друг на друга, отбежали в лес. Залегли. Они пролежат здесь всю ночь, но дождутся, когда лося прогонят из деревни. Они тут же разорвут его!

А лось тем временем, пробежав метров двадцать по улице, остановился. Передние ноги подкосились. Он упал грудью на снег. Тяжко дышал и лизал снег, выкатив налившиеся кровью глаза.

Люди окружили его. Один мальчишка принес охапку сена, положил перед ним.

— Запалился, бедняга, — говорили люди, — надо его пристрелить, все равно ему конец!

— Может, и поднимется. Отойдет и ничего с ним не будет.

— Он пить хочет. Надо дать воды! Смотрите, как снег лижет!

— Воду сейчас не надо давать. Нехай остынет. Красавец какой!

— Загнали беднягу. Смотрите: даже покусали!

— Целая стая гнала! Откуда они взялись? Так люди разговаривали. А лось между тем отдышался. Поглядывал на людей, лизал снег. Силы постепенно возвращались к нему.

Мальчишки принесли еще сена. Даже положили к его губам несколько кусочков хлеба. Лось почему-то не трогал хлеб.

Собаки, чужая волков, заливались во дворах, вертелись вокруг людей.

Наконец люди, по одному, по двое, разошлись по избам. Лось остался один. Волки видели, как он поднялся на ноги. Заволновались. Из всей стаи один Серый оставался спокоен. Лежал под кустом и о лосе не думал. Принюхиваясь к запахам, шедшим от человеческого жилья, он хотел вспомнить что-то очень хорошее. Рядом голодные друзья его тявкали, стучали зубами от холода, голода. От злости на людей. А им завладело какое-то тоскливо-нежное чувство к чему-то утраченному. Конечно, теперь уже он не помнил ни комнату Игнатича, ни мать, ни овчину. И не мог сообразить, почему с ним такое творится. Ему захотелось завывать.

Стояла уже полночь. Ветер не дул. Светил месяц. Холодный свет его местами золотил снежинки, местами снег казался голубоватым. Потрескивали от мороза деревья, стены изб. Окна в избах не светились.

Лось медленно шагал по деревенской улице.

Прежде он не бывал в деревнях. Но страх перед волками задавил в нем страх перед людьми. Волки были далеко, он не мог учуять их. Однако инстинкт подсказывал, что они где-то близко. Ждут его. Чуть в стороне от изб он увидел длинный сарай. В нем держали овец и лошадей. Возле сарая навес, под ним сложено сено. Лось продрог. Зашел под навес. Здесь тепло, можно лечь на сено. Из сарая вышел бородатый человек с фонарем в руке, за плечом у него ружье. Лось вздрогнул, поднялся.

— Что, погреться пришел? — сказал человек. — Давай грейся. Небось после гонки продрог. Стой, стой. Не бойся. Может, пить хочешь?

Человек прошел к ближней избе и вернулся с ведром воды. Поставил ведро, сказал «пей» и опять ушел. Лось выпил всю воду. Шумно вздохнул и зашуршал губами в сене.

Хлопнула где-то щеколда, и все затихло. Даже собаки почему-то не лаяли.

Волки неслышно подкрались к огородам. Им надо было поднять лося, выгнать из деревни. Три матерых волка шли впереди стаи. Серый плелся позади. Передние волки то и дело останавливались. Нюхали воздух, слушали. **Ничего** подозрительного не уловили. Но **едва** пересекли огород и выскочили на улицу, с разных сторон из сараев ударили выстрелы. Еще, еще. Залились собаки. Один волк из передней тройки сразу ткнулся в снег и не шевелился. Два других с минуту катались в снегу и потом затихли. Стая метнулась в лес,

рассыпалась. Люди подобрали убитых волков, ушли в избы.

Наступило утро, потом день. Лось бродил возле конюшни, по огородам. Люди не трогали его. Волки опять собрались в стаю. До вечера кружили вокруг деревни. Но, должно быть, решили, что лось навсегда останется жить в деревне, и ушли в лес искать другую добычу. А на следующий день случилась оттепель. Разыгрались ветры. Образовался наст. Волки разбежались по лесу кто куда. Серый остался один.

К весне он вспомнил про остров на болоте, подался к нему. Болото никуда не делось, тропинка тоже оказалась на месте. И дичи, как и в прошлом году, было много.

Старый волк не явился. Названные братья его тоже не прибежали. И конца перелета Серый не дождался: скука прогнала его с острова в лес.

В этом лесу Серый чуть было и не погиб.

Задрал он молодого оленя, приволок его в укромное местечко. Место удобное: среди поляны островком рос густой орешник, кусты смородины, шиповника. Начал было он есть оленя, но что-то встревожило его.

Насторожившись, не понимая, откуда и какая грозит опасность, стоял неподвижно минут пять. Вдруг подпрыгнул, метнулся в сторону, клацнул зубами. Исчез в лесу. А спасло его то, что охотник, пожилой егерь, выследивший место его трапезы и засевший на дереве на расстоянии выстрела, поразился внешности Серого. Длинноногий, поджарый, с могучей грудью стоял Серый, слегка подавшись вперед. Поразила охотника и его толстая короткая шея, покрытая густой длинной шерстью, напоминавшей львиную гриву.

Охотник никогда не видел таких волков. Решил расставить капканы, взять Серого живым. Но Серый, заметив человека, зорко следившего за ним с дерева, в тот же день покинул дубовый лес.

И опять началась скитальческая жизнь.

Зарядили дожди. Осыпались листья с деревьев, густо покрыли землю. Хоть бы одни сутки прожил в одной местности.

Нет, не мог. Опять захватила его тоска.

И злился. Злость свою вымещал на беззащитном лесном зверье. Бросался даже на медведей. Привяжется к какому-нибудь косолапому, ищущему себе берлогу для зимней спячки, и не дает ему покоя. Бродит за ним следом, угрожающе ворчит. Выбрав момент, укусит мишку и тотчас удерет от него. Одного старого медведя, уже нашедшего себе берлогу, так измучил приставанием, что тот дней десять потом ходил с ревом по лесу. Ломал деревья.

А ночью Серый выл. Часа по три подряд выл. Ночи стояли темные. Лес мрачно гудел от сырого ветра. А тут еще:

— В-а-а-а! У-у-у-у! — разносится голос Серого по лесу, нагоняет ужас на лесных обитателей. В деревнях собаки, услышав такой вой, забивались в сени. У людей, задержавшихся в пути, мороз бегал по коже.

— Ух, окаянный какой-то объявился! — говорили люди, — и не боится, что на голос охотник придет!

В феврале тоска покинула Серого, он встретил молодую волчицу.

Встреча произошла в еловом лесу, в кото-

ром Серый прежде не бывал. Целый день он бегал за волчихой. Она же, казалось, не обращала на него внимания. Под вечер встретились им сразу три волка. Все трое были, должно быть, из местных. Вздумали отбить у него подругу, а его прогнать; Серый же будто только и ждал нападения. И такую задал им трепку, что те покинули обжитое место. А волчиха, наблюдавшая со стороны за дракой, теперь сама подошла к Серому. Помогла ему зализывать раны.

Лес был удобный для жизни: много глухих оврагов, водились куропатки, тетерева, зайцы. Километрах в шести от леса, на берегу

озера, расположилась деревня. Так что если зима выпадет очень снежной и охотиться будет трудно, можно что-нибудь раздобыть и у людей.

Серый сам выбрал овраг, в котором решили вырыть нору. Но счастье его было коротко.

В деревне у людей имелось много овец. Жили овцы в двух длинных сараях с маленькими окнами. Сарай окружены изгородями из жердей. В теплые дни люди выпускали овец на воздух. И овцы густыми толпами слонялись за этой изгородью.

Прятались они с волчихой в кустах. Не со стороны деревни, а с противоположной, донесся шум. Приближались люди. Много людей. Они не крались, наоборот, громко кричали. Даже свистели. Что такое? Серый и волчиха потрусил прочь. Пробежали совсем немного, как волчиха оскалилась, зарычала. Отпрянули назад. Серый искал глазами врага, напугавшего ее, но увидел лишь какие-то красные тряпочки, висевшие на веревке у самой земли. Цепочка тряпочек тянулась вправо и влево. Серый понюхал тряпочки, от них слабо пахло человеком. Кого же испугалась волчиха? Серый перепрыгнул через тряпочки. Волчиха же бежала вдоль них. Серый кинулся к ней, прыгнул снова через тряпочки, показывая, куда бежать. Скорей надо бежать! Вдруг перед ними выросли два человека с ружьями. Из ружей блеснул огонь. Серый взвился в прыжке, перелетел через флажки. Вслед ударили еще выстрелы. Правое ухо обожгло. Люди еще стреляли, но Серый был уже за деревьями. Ночью он вернулся к месту гибели волчихи. Лизал снег, пропитанный ее кровью. Катался на нем, скуля и повизгивая. И что творилось потом с ним! Метался по лесу как бешеный.

В этом же лесу жила старая большая рысь. Прежде Серый, зная, что не достать ее, не обращал на нее внимания. Теперь же злоба и ненависть свели его с рысью. Недели полторы преследовал ее, будто глухаря. Не давал ей поохотиться. Рысь оголодала, обозлилась. И наконец дошла до такого состояния, что метнулась с ветки на своего мучителя. Она была опытна и хитра. Понимая, что этот серый зверь сильнее ее, хотела упасть на землю, а едва зверь окажется над ней, распороть его брюхо когтями задних лап. Много раз выручал ее такой прием. Но теперь просчиталась. Серый был так возбужден, что, ударив челюстями по

Серому и волчихе вполне достаточно было лесной живности. Но соблазнились на этих глупых жирных овечек. Волчиху Серый оставил в лесу. Сам же, среди дня, хоронясь за кустами, добрался по снегу до изгороди. Перемахнул через нее. И даже растерялся, очутившись в гуще овец. Зарезал одну, вторую, третью. Только на четвертой остановился, услышав собачий лай. Протащив ее под изгородью, вскинул на спину и унес. Через день он повторил вылазку. А еще через день и случилось несчастье.

ее глотке, отшвырнул в сугроб. И рысь долго билась, пока не истекла кровью.

Тенью стал бродить Серый вдоль проселочных дорог, подолгу кружил вокруг деревень. Прокрадывался во дворы, душил собак, которых тоже возненавидел за их дружбу с человеком. Но напасть на человека и загрызть его Серый не решался. Что-то мешало ему сделать это. Нет, не страх! Какое-то другое чувство удерживало его от подобного поступка. Какое же? Он не знал.

Пробирался однажды по сугробам вдоль дороги. Увидел: шагает от деревни человек — на голове платок, в юбке. За плечами корзина, а в руке палка. Серый пропустил его мимо. Втянул в себя ненавистный запах. Взметнулся... Человек в это время повернул голову, дико вскрикнул. Корзина упала на дорогу. А человек сам опустился на колени, ткнулся ничком в снег. И не шевелился. И Серый оторопел. Обнюхал человека, ударил его лапой по спине. Глухо рыча, улегся рядом, ожидая, что дальше будет. Человек дрожал мелкой дрожью. Послышался стук копыт. Серый скрылся в лесу. Весь день пролежал в заваленном снегом буреломе.

Ночью же опять пришел к деревне. Полежал в кустах за огородами. Прокрался в ближний двор. В двери хлева заметил дырку. Из нее пахло теплом коровы, овец. Он уже научился откидывать щеколды. Но здесь висел замок. Земля у двери густо унавожена. Он знал, что под навозом она не очень промерзла. Принялся рыть лапами. Вдруг скрипнула дверь в избе. Серый отпрянул. С крыльца сошел человек в шапке. Серый прыгнул на него, свалил на землю. Несколько секунд рычал в лицо человека и метнулся вон со двора...

Он почти ничего не ел в те дни. Исхудал. И во всей округе заговорили в деревнях о каком-то огромном, очень худом волке. Как во-

дится, люди преувеличивали многое. Говорили, мол, там-то этот волк утащил целую корову. Будто видел кто-то: вытащил волчище корову за деревню, взвалил на спину и унес.

— Уж такой сильнющий, уж такой, говорят, могучий — страсть! Прямо лев эдакий!

— И на людей кидается, ест их, — уверяла бабка в темном платочке, с морщинистым и худым лицом. — У Михеевых старика, Ивана Павловича, бают, съел. Вышел ночью старик проведать овец, а волк его и подждал. Как сиганет на грудь, — старик и крикнуть не успел, — одни валенки остались от него да шапка!..

Покатилась о Сером худая слава. Приехали

Хотя стояла зима и весной еще даже не пахло, он бежал на север. Хотелось найти такое место, где нет деревень, дорог. Поселиться там и жить в одиночестве. Прежде он зимой не ходил так далеко на север. Поэтому теперь сбивался с пути. Несколько раз выходил к большим городам. Огибал их, продолжал путь. И, конечно же, сам того не заметив, добрался до болота и очутился на острове, на котором охотился весной. Остров и болото покрыты снегом. Пустынно, тихо. Но оказалось, что и зимой здесь можно жить не голодно. Вместо уток на болоте жили теперь белые куропатки. Из леса приходили лисицы за дичью. Ими тоже Серый не брезговал. И до самого лета прожил отшельником. Незаметно отошел он от волчьего режима суток: спать стал ночью, а днем охотился. Но и спал он мало. Особенно в последние недели пребывания на острове: одиночество угнетало его. И часа по два выл он. Грустная мелодия его песни разносилась далеко по болоту. Глохла где-то в лесу. И в песнях его не было теперь угрозы: чувствовалась одна лишь тоска.

Весенний перелет птиц оживил Серого. А после перелета он вернулся в лес. И что-то странное стало твориться с ним. Если прежде старался обходить селения стороной, теперь задерживался возле них. Не с целью украсть что-нибудь съестное. Что-то тянуло его к человеческому жилью. А может, к человеку?

Найдет возле деревни холм, с которого ясно видна деревня. Уляжется. Часами лежит, смотрит, как ходят и что-то делают люди. Но замечал мальчишек. Хорошее настроение покидало его. Разом всплывало в памяти все то, что делали ему люди. И он убегал в лес. Ах эти мальчишки, этот зеленоглазый Васька! Се-

из области охотники. Суток пять искали знаменитого волка, о котором даже в районной газете писали: «Из колхоза «Красный пахарь» сообщают, что в лесу возле деревни Михалево и Окуловки объявился волк очень больших размеров, отличающийся необычными размерами и наглостью. По ночам пробирается в деревни. Таскает овец, телят, собак. Даже нападает на людей. Но человеческих жертв пока нет. Секретарь Окуловского сельсовета обратился в районное отделение «Союза охотников» за помощью».

Но охотники не выследили Серого: он не выдержал такой суматошной жизни. Ушел подалее от места гибели своей волчихи.

Серый забыть его не мог. И он, сильный, могучий, встретив однажды на дороге компанию мальчишек, спешивших куда-то с лукошками, испугался их и километров пять бежал без оглядки.

Присматриваясь к людям, Серый обратил особое внимание на женщин. Они не носят ружей. Лица их не такие хмурые и строгие, как лица мужчин. Голоса звонче, ласковей. И глаза смотрят приветливо.

Уже осень стояла. Но дожди еще не шли. Листья с деревьев не опали. С утра до ночи погода стояла тихая, теплая. В лесу поспела смородина, малина, на болотах — черника. Женщины ходили за ягодами небольшими компаниями. За одной компанией три дня следил Серый.

Лежа в стороне от тропинки, по которой ходили женщины, дожидаясь их рано утром. Сопровождал, то забегая вперед, то отставая, стараясь быть незамеченным. Потом весь день крутился вокруг них. Рассматривал лица, слушал звуки их голосов.

Собирая ягоды, женщины порой пели тихими, нежными голосами.

И на третий день получилось так. Одна из женщин приблизилась к Серому шагов на пять. Она тихо пела. Серый смотрел, смотрел, вдруг поднялся, шагнул вперед. Женщина вскрикнула, глаза ее расширились. Лицо искало ужас. Она бросилась бежать. Споткнулась, упала. Другие женщины завизжали, заметались по болотцу. Серый рванулся вперед. Огромными прыжками носился туда-сюда: искал негодяя, напугавшего людей. Им овладело доброе и нежное чувство к этим людям. Ему хотелось приласкаться к ним. И ему в голову

не приходило, что это он сам, вид его напугал людей.

Не видя врага, видимо, решив, что люди ошиблись, приняв какой-то куст за врага, Серый с радостным визгом бегал от женщины к женщине. Бросался на них. Они же падали ничком, лежали, закрыв лица руками. Серый трогал их лапой, подсовывал под их руки морду, чтобы лизнуть в лицо. А они только

стонали и дрожали мелкой дрожью. Трудно сказать, чем бы кончилось все это, но на опушке леса показались два человека с ружьями. Следом за ними появились две гончие собаки. Серый удрал, надеясь продолжить знакомство с людьми в юбках в следующий раз. Настроение у него было отличное. И связываться с гончими, с охотниками ему не хотелось.

Можно представить, сколько и чего наговорили о Сером в деревнях после этого случая! Молва тотчас разлетелась по округе. Женщины прекратили ходить по ягоды. А если шли, их сопровождали мужчины с ружьями и собаки. Потом выпал снег. За несколько дней навалило его очень много. Снег напомнил Серому одинокую его жизнь на болоте. Он затоковал.

В один из сухих морозных дней лежал он вблизи какой-то деревушки, метрах в пятидесяти от дороги. Вдруг услышал неясный звук, донесшийся не со стороны дороги, а с противоположной. Ветер дохнул сильнее, звук повторился. Серый уловил человеческий запах.

Вскоре он увидел на снегу человека. В валенках, в полушубке. На голове шапка. Человек полз откуда-то. Он двигал одной ногой и одной рукой, но сдвинуться с места не мог.

Серый понаблюдал за ним издали. Подошел ближе, заглянул в лицо, глаза человека были закрыты. Лоб и щеки в крови. Не открывая глаз, человек пытался сдвинуться с места, но не мог. Открыл глаза, уставился на Серого. Поморгал и снова расширил глаза. В них мелькнул страх.

— Пошел вон! — человек хотел выкрикнуть грозно эти слова. Но губы лишь прошептали их. Серый обнюхал человека. Постоял. Что он думал в этот момент, что чувствовал?

Но вот он ткнул носом в лицо человека. Лизнул его. Повизгивая, обежал вокруг. Исчез в сторону дороги. Тотчас вернулся. Поскреб лапой по полушубку, по шапке. Человек приоткрыл один глаз, наблюдая за ним. Затем Серый потрогал зубами шапку. Она подалась, и он отпустил ее. Впился зубами в воротник, уперся и потянул.

Человек застонал. Глаза его закрылись. Серый все тащил и тащил его. Когда кусты и деревья кончились, местность пошла под уклон, Серому показалось, что человек стал легче. И вскоре они очутились на дороге. Отсюда видна была деревня. Серый передохнул. Скреб лапами по полушубку, лизал языком нос, лоб, губы человека. Скулил, видимо, желая дать понять человеку, что он на дороге, нужно под-

няться, идти в деревню. Но человек не двигался. И Серый, упираясь, с трудом продолжал тащить его. Первым заметили его мальчишки, катавшиеся с горки на лыжах. С криком бросились они к избам. Вскоре на дороге показались несколько человек. Они были с ружьями. Серый припал к земле, тьякнул, прыгнул в кусты и подался к лесу. Вслед ему раздался залп.

Поселок Белянск расположен в лесу, в километре от реки Белянки. Живут в поселке лесорубы. Главным инженером леспромхоза работает Болотов Николай Иванович. Большую часть своего времени он проводит в лесу, на деланках. Часто ездит в район по делам. И где бы он ни был, его всюду сопровождает огромный пес бурой масти. Это Серый. Даже в городе он ходит без поводка, потому что и без него не отстает ни на шаг от инженера. Смотрит только на своего хозяина, прислушивается к его голосу. И больше ни на кого не обращает внимания.

Я бывал в Белянске, жил одно время в домике инженера. Он рассказывал мне:

— Понимаете, пошел я по первому снегу в лес на лыжах. Забрел далеко, угодил в овраг. Сломал ногу, лыжи. Пока выбирался из оврага, потерял ружье. Сколько полз, уж не помнил, но знал, что где-то поблизости деревенька Норкино. Кричал, свистал — никто не шел ко мне. Замерзать начал. Но полз. Потом забылся в очередной раз. А когда вернулось сознание, открываю глаза, — и жуть меня взяла: стоит надо мной громадный волчище. Зубы оскалил, смотрит на меня в упор. Хотел я крикнуть и напугать — голоса нет. Потом чую — он меня тащит. Что такое? Куда? Может, в логово свое, чтоб там сожрать? Стал я упираться и потерял сознание. Очнулся уже в больнице. Перелом был пустяковый, через неделю я уже ходил с костылем. Мужики и ребята рассказали мне про какого-то волка, притащившего меня к деревне. Представляе-

те? Я думал, обманывают, шутят. Но вся деревня подтвердила их слова! Думаю, конечно, это не волк был, а собака. Стал я в лес ходить к тому месту, где, по моим расчетам, этот пес-волк подошел ко мне. Понимаете, брожу вокруг того места. Следов его много. Следы большие и свежие. Кажется, он только-только пробежал здесь. И звал я его, и свистал. Чувствую, где-то он рядом. Стоит, негодник, видимо, следит за мной, а не показывается. Потом понял я, что он ружья, а может, и костыля моего боится. Надел длиннополый полушубок, ружье под него спрятал на всякий случай. Пошел, и тогда он объявился собственной персоной: вдруг вырос шагах в двадцати от меня. Стоит и смотрит мне в глаза. И я на него смотрю... Огромный, грудастый, головастый. Ну, думаю, если налетит сейчас — и ружья не успею выхватить. В кармане мясо у меня было. Бросил ему — он ни с места. «Иди сюда», — зову. Даже глазом не моргнет. Я к нему несколько шагов, он от меня на такое же расстояние. Ладно, думаю, посмотрим, что будет. Наломал сухих веток, разложил костер. Стал на огне мясо жарить. Сажу себе, будто делом настоящим занят. Небрежно так на него поглядываю. И он смотрел, смотрел на меня. Вдруг подошел и улегся шагах в трех от меня. Но вижу, настороже весь! Часа три сидел я, разговаривая с ним на международные темы. С тех пор вот уж сколько лет мы дружим. В лес днем и ночью без ружья хожу — с ним мне никто не страшен!

Генеральная репетиция

Спортивный год подходит к концу. Главное его событие — олимпийские игры — позади. Все золотые награды обрели своих владельцев. Чемпионам воздали почести. Их имена известны каждому любителю спорта.

А три месяца назад, когда писался этот репортаж, все было загадкой. Те, кто сегодня увенчан олимпийскими лаврами, были тогда рядовыми участниками отборочных соревнований. На стадионах Армении они боролись за право выступать в алых майках с гербом Советского Союза.

СУХОПУТНЫЕ КОЛУМБЫ

В Ереване нам сказали:

— Соревнования начнутся у озера Севан. Поезжайте на север, а чтобы не сбиться, держитесь столбов.

— Каких столбов?

— Телеграфных. У нас здесь проходила одна из первых в мире линий телеграфной связи Лондон — Калькутта.

Действительно, через час мы добрались до столбов. Но дальше проезд был закрыт. По шоссе тянулась вереница людей в красных, желтых, зеленых одеяниях. Защищаясь от палящих лучей, некоторые обмотали головы наподобие тюрбанов. Было видно, что дорога им предстояла неблизкая.

— Куда держите путь? В Индию?

— В Америку!

— Так ведь дорога-то на Калькутту?!

— Нет, на Мехико!

Оказалось, это... скороходы, участники состязаний по спортивной ходьбе на 50 километров.

Когда-то Колумб, отправившись в Индию, попал в Америку. Победителей соревнований по ходьбе подобный исход вполне устраивал. Особенно второго призера — армейца из Тбилиси Игоря Делла-Росса. Ведь Игорь — итальянец, а его предки — генуэзцы, земляки Колумба.

Впрочем, мы тоже могли порадоваться за земляка: первым был ленинградец Сергей Григорьев.

ВРАЧАМ НА УДИВЛЕНИЕ

На следующий день стартовали марафонцы.

— До финиша мало кто добежит, — предупреждали врачи, — высокогорье... Воздух разрежен, кислорода не хватает...

На самом деле, высота заоблачная — почти два километра над уровнем моря. Это четыре останкинские телевизионные башни, вознесенные друг на друга! Да и дистанция такая, что длиннее просто не бывает — 42 километра.

На дистанции — Владислав Сапая

Трасса бега пролегла по берегам Севана. У автобуса, на котором мы сопровождали бегунов, дваждыглохнул мотор. От холодного ветра спирало дыхание, подъемы и спуски сбивали с ритма, слепило горное солнце. И все же победитель — украинец Юрий Волков — закончил бег свежим на вид, улыбаясь, с явным запасом неистраченных сил. А бежал он марафон впервые в жизни!

ДОЛИНА ЦВЕТОВ

Это и был первый сюрприз чемпионата. Объяснялось все тем, что Волков успел акклиматизироваться — он готовился к первенству страны в высокогорном лагере в Цахкадзоре.

Однако зачем марафонцам забираться под облака?

2240 метров — на такой высоте расположен олимпийский стадион в

Мехико. И всем, кто готовился туда ехать, нельзя было забывать об акклиматизации, о горной болезни и других малоприятных вещах.

В Цахкадзоре прошли акклиматизацию все олимпийцы: пловцы, фехтовальщики, боксеры, штангисты и даже... лошади, на которых должны были выступать в Мексике конники и пятиборцы.

Отдыхая после тренировок, спортсмены собирали на горных лугах цветы (Цахкадзор — по-армянски Долина Цветов). Букеты они дарили друг другу, как бы заранее репетируя олимпийский церемониал. А известный шутник прыгун Виктор Санеев цветов не принимал:

— Предпочитаю кактусы. Пусть все будет по-мексикански!

ЧУДО - ДОРОЖКА

Главные легкоатлетические баталии развернулись несколько позже в Ленинкане. Этот город расположен на одну останкинскую телебашню ниже Цахкадзора. Зато здесь первоклассный стадион с резино-битумным покрытием. Дорожка в Ленинкане самая «быстрая» в стране. Упругая. Мягкая. Ровная. Водонепроницаемая.

По библейскому преданию, где-то неподалеку от этих мест, у горы Арарат, небеса низверглись на землю и начался всемирный потоп. Не что похожее случилось и в дни чемпионата СССР. Дождь яростно хлестал по дорожкам, потоки воды затопили все вокруг. Любое гравевое покрытие размыло бы в полчаса, обычный стадион превратился бы в болото. А асфальту с резиной хоть бы что! Не прошло и пяти минут после ливня, как солнышко высушило и дорожку, и сектора.

Прыгунам ленинканский стадион помогал преодолеть земное притяжение, спринтерам — развивать скорости, которые им до той поры и не снились. Недаром в стенгазете сборной команды появился стишок:

Остались у козлика
ножки да рожки,
когда убежал он
по этой дорожке!

Кстати, именно такое покрытие будет уложено на стадионе в «Орленке». Из смеси битума, смолы, резины, мелкого морского песка. По рецепту лучших специалистов.

Участникам IV Всесоюзного слета юных спринтеров можно позавидовать!

КТО ЧТО ЛОВИТ И КАК

Рано утром мы приходим на стадион и усаживаемся на самые лучшие места — точно против линии финиша.

Нас двое.

Здесь, попыхивая трубкой, восседает грузный, бородатый и очень добрый человек. Это детский писатель Сергей Евгеньевич Вольф. Может быть, вы читали его книгу «Мой брат-боксер и ласточки»? Или «Дом в сто этажей»? К тому же Сергей страстный рыболов — за соревнованиями марафонцев на Севане он следил с удочкой в руках и сумел за это время изловить две форели.

И я, спортивный репортер и статистик. Так же, как Вольф ловит рыбу, я вылавливаю повсюду сообщения о легкоатлетических соревнованиях и заносу их в толстые тетради. Но прочитать или услышать о рекорде — это одно, а самому быть свидетелем его рождения, видеть все своими глазами — иное дело.

— Как, доволен ли уловом, статистик? — подтрунивали надо мной в Ленинкане олимпийцы.

— Очень!

— И крупная рыба есть?

— Просто-напросто киты! — отвечал я, восхищаясь результатами Владислава Сапея на стометровке. — Десять-ноль. Это же самый настоящий кашалот!

РЕАКТИВНЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ

10,0 секунды в беге на 100 метров! Еще год назад в такое достижение серьезный знаток спорта вообще отказался бы поверить. Даже семилетней давности рекорд Эдвина Озолина — 10,2 — в прошлом году никому повторить не удалось.

И вдруг в Ленинкане спринтеров словно подменили. Или, вернее, приделали им крылья. Результаты 10,1 и 10,2 посыпались один за другим.

Все ждали рекордных секунд от Сапея. Студент из Гомеля, начиная с весны, никому не проигрывал. В Ленинграде на Мемориале братьев Знаменских Сапея довел рекорд СССР ровно до десяти секунд!

И вот снова 10,0! При полном безветрии.

Секунды секундами, но надо было видеть, как бежал рекордсмен! Мощный толчок. Широкий уверенный шаг. Наклон корпуса, делавший его фигуру похожей на силуэт современного реактивного истребителя с убирающимися во время полета крыльями. Когда в забеге участвовал Сапея, у зрителей возникало ощущение, что они прозевали выстрел — так далеко от стартовой черты уносился чемпион за эти первые мгновения.

Славе не повезло в Мексике — подвела вдруг заболевшая нога. Но, помяните мое слово, мы еще будем рукоплескать его победам.

ФАЛЬСТАРТЫ ИСКЛЮЧЕНЫ

Можно усомниться, смогли бы спринтеры показать все, на что они способны, не будь на чемпионате такого замечательного стартера, как Нимруд Томас. Про невозмутимость этого человека говорят: «Ему хоть из пушки над ухом пали — не шелохнется».

Судья всесоюзной категории Томас на самом деле вот уже тридцать лет что ни день слышит выстрелы у самого своего уха. А грохот от стартового пистолета не меньше, чем от старинной пушки.

Спокойствие и хладнокровие судьи невольно передаются спортсменам. А им на старте абсолютно нельзя нервничать. Предстартовая лихорадка может свести на нет плоды многомесячных тренировок.

Томаса охотно приглашают на все крупнейшие всесоюзные и международные турниры. Его искусство сравнивают с искусством заклинателя. Когда невысокий смуглый иранец занимает привычное место за спинами бегунов, спортсмены обретают уверенность в своих силах.

В Ленинкане практически не было фальстартов, то есть стартов с нарушением правил.

Вольф высказал догадку, в чем секрет человека с железными нервами: «Томас — рыболов». И оказался прав.

КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ!

Даже в многолетней практике Нимруда Томаса не часто бывали соревнования, на которых фиксировался бы рекорд мира. Здесь же судьям выпала честь проделать эту ответственную процедуру.

На стометровке у женщин Людмила Самотесова нежданно-негаданно сбросила с личного рекорда сразу три десятых секунды и стала обладательницей высшего достижения зе-

много шара — 11,1 секунды. Лет сорок назад с таким временем выигрывали звание чемпиона страны мужчины!

Я помню Людмилу еще школьницей-восьмиклассницей, впервые вышедшей на дорожку стадиона. Тогда врачи едва согласились допустить ее к соревнованиям: уж очень худенькой и слабенькой была девочка.

И вот двенадцать лет спустя другие врачи восхищаются, как безукоризненно работает ее сердце, какими поистине безграничными возможностями совершенствования отличается ее организм.

Когда Самотесову после победного финиша спросили:

— А быстрее, за 11 секунд, бежать можно?

В ответ услышали:

— Да!

Ядро толкает Надежда Чижова

„ЧУТЬ - ЧУТЬ“ — НЕ СЧИТАЕТСЯ...

Еще одну сенсацию крупного калибра ожидали в секторе для прыжков в длину. Какое-то шестое чувство подсказало болельщикам, что именно там назревают главные события. Прыгуны еще только приступили к пробным попыткам, как зрители вдруг повалили к Северной трибуне.

Одним словом, все ждали рекорда.

Был готов к нему и сам атлет — Игорь Тер-Ованесян.

Прыжок Игоря часто сравнивают с прыжком оленя. Спортсмен стремительно взвивается ввысь, изящно изгибается и с силой выбрасывает

вперед ноги. Никто в мире не прыгал дальше Игоря. Принадлежащий ему рекорд страны, континента и планеты равен 8 метрам 35 сантиметрам.

И на этот раз Тер-Ованесян во всех шести попытках преодолевал восьмиметровый рубеж. А после одного из прыжков трибуны ахнули. Даже на глаз было видно, что рекорд мира перекрыт.

— Восемь сорок, — смело предположил я.

— Восемь шестьдесят, — подхватил Вольф; он, известное дело, человек добрый, ему не жалко.

— Нет! — сказал судья и поднял красный флажок. По-видимому, полоска пластилина на планке для отталкивания была чуть-чуть задета. Эти миллиметры оказались роковыми.

Соревнования закончились. Попробовали замерить чистый полет во время неудачной попытки. Игорь посмотрел на деления ленты и схватился руками за голову. Рулетка протянулась на 8 метров 52 сантиметра...

ПСИХОЛОГ

Когда лет десять назад у чемпионов мира футболистов Бразилии появился в команде собственный психолог, это было настоящей сенсацией. Делались всевозможные догадки, например, не играют ли темнокожие виртуозы мяча под гипнозом и не этим ли объясняется их высокий класс.

Постепенно газетная шумиха по поводу этого нововведения поутих-

ла. А к психологам за помощью и советом стали обращаться не только футболисты.

Есть свой психолог и у сборной команды легкоатлетов страны — Анатолий Васильевич Алексеев.

— Моя задача, — говорит он, — сделать слабого сильным, сильного — разумным, нервного — спокойным, вялого — бодрым. Если человек в совершенстве овладеет своей волей, он сможет добиться результатов, которые в наши дни кажутся неправдоподобными.

— А есть ли уже такие спортсмены? — переспросил Вольф, не любящий неопределенности.

— Пожалуй, есть. Советский копьеметатель Янис Лусис! Если он вернется из Мехико без золотой награды, я переменю свою профессию!

Ю. Михайлов, спец. корреспондент «Костра»

Рекордный прыжок Игоря Тер-Ованесяна

Ответы на викторину

В № 6 «Костра» были напечатаны 10 вопросов о Болгарии. Вопросы были не из легких. Однако читатели наши оказались на удивление дотошными. И потекли в редакцию ответы: конверты тощие и пухлые, тетрадки, исписанные от корки до корки, альбомы с яркими картинками и даже телеграммы!

Раньше и полнее других на вопросы викторины ответили:

Таня Никитская (Кимры), Володя Бачигин (Новоархангельск), Таня Герасина и Наташа Федорова (Чебоксары), Лена Бойцова (Иваново), Саша Мищенко (Москва), Катя Амосова (Киев), Сережа Гуцин (Новосибирск).

Правильные ответы на вопросы:

1. Памятник защитникам Шипкинского перевала в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

2. Члены организации «Септеморийче» («Сентябрята»), по-нашему — пионеры.

3. Русский Бульвар.

4. 3 апреля 1879 года.

5. Плиска — первая столица Первого Болгарского царства, Преслав — вторая столица Первого Болгарского царства, Охрид — столица Западно-Болгарского царства, Велико-Тырново — столица Второго Болгарского царства, Видин — столица Видинского царства, Пловдив — главный город полузависимой от Турции провинции Восточная Румелия.

6. Кирилл и Мефодий, создатели славянской письменности.

7. Тырново.

8. Легендарный певец Орфей и вождь восставших рабов Спартак были родом из Фракии, то есть с нынешней Болгарской земли.

9. Георгий Стойковский, тройной прыжок, 16 м 67 см.

10. Несебр.

Во мне долгие годы жила все время одна упорная мысль о необычности судьбы моего поколения, моих ровесников — людей 1925 года рождения. Во время Отечественной войны все шли на фронт — и молодые и пожилые, всем было трудно. Но мне думалось, что все же особенно много трудностей выпало на долю ребят моего года рождения, — мы ушли на фронт моложе всех. Нам едва исполнилось 17 лет, а мы уже были в шинелях и в обмотках. Ушли мы на войну после девятого класса средней школы, так рано все же ни один возраст не уходил.

И вот эту особую судьбу своих сверстников мне и хотелось как-то подчеркнуть, мне хотелось обратить внимание читателей на судьбу моих товарищей. Многие из нас выглядели совсем мальчишками. Мой школьный друг Саша Волков был русский, небольшого роста, худенький, но он пошел в 16 лет в школу разведчиков и героически погиб на заданье. Я свято берегу память о нем. Я считал всегда своим долгом написать такое стихотворение, чтобы оно было очень простым, трогательным и искренним, и это стихотворение должно было стать маленьким памятником Саше, моему лучшему арбатскому другу, очень простому, трогательному и искреннему пареньку.

Однажды я и написал стихотворение с рефреном, оно было создано в жанре городской песенки, оно получилось ясным и, как мне кажется, безыскусственным. Композитор А. Эшпай написал музыку на это стихотворение, которое он сам разыскал в одном из моих ранних сборников. Андрей Эшпай тоже мой ровесник, родился в 1925 году, он тоже москвич, тоже воевал в Отечественную войну. Жил он с детства на улице Малой Бронной. Его брат так и не вернулся с фронта, и мать до сих пор все еще ждет сына. Я не знал, что у этой песни будет такая долгая судьба. Прошло уже много лет с тех пор, как она впервые была спета актером Марком Бернесом, а песня все еще живет, поется. Я сам волнуюсь, когда слышу вдруг ее по радио или по телевизору, во мне просыпается прошлое, я вспоминаю своих товарищей-мальчишек, на чью долю выпало столько тягот войны и многие из которых так и остались лежать на полях Европы, за Вислой и за многими-многими другими иностранными реками.

У меня есть стихи, может быть, умнее и сложнее, есть, может быть, и лучше, красивей этого, но это стихотворение мне дороже всех, потому что оно вырвалось из меня, как вздох.

МОСКВИЧИ

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино,
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный.
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

Ев. Рубинский

Рисунок А. Алексеева

Сайменский канал связал огромное озеро Сайма на северо-востоке Финляндии с советским побережьем Балтики.

Канал начали строить в середине прошлого века, чтобы дать выход в океан кораблям, груженным древесиной и бумагой, чтобы открыть ворота в слабо-развитую часть Финляндии судам, везущим уголь, нефть, машины.

Строили долго, с трудом пробиваясь через гранитные скалы, вручную рыли узкие «тропки» из озера в озеро, сооружали деревянные «ступеньки» — шлюзы — ведь озеро Сайма лежит на 76 метров выше уровня Балтики.

Но старый Сайменский канал был узок и мелок, большие корабли не могли ходить по нему.

После победы над фашизмом между Финляндией и нашей страной установились добрососедские отношения. И Советское правительство удовлетворило просьбу финнов, которые решили построить новый Сайменский канал. Для этого им требовалось взять в аренду часть советской территории. В истории строительства каналов не было другого случая, когда большая и сильная страна отдала бы часть своей земли малому соседу.

Чтобы проложить через леса, болота и скалы пятидесятикилометровую трассу, пришлось поднять на воздух с помощью взрывчатки миллион кубометров гранита, переместить в семь раз большее количество земли, укрепить берега и восемь шлюзов ста тысячами кубометров бетона.

И вот Сайменский канал готов.

В то солнечное утро молодой оператор шлюза «Цветочное» Сеппо Хямяляйнен встал очень рано: день предстоял хлопотный. Через шлюз должен был пройти первый корабль — советский теплоход «Ласточка». Понятно, что Сеппо очень волновался.

До начала дежурства оставался почти час, и Сеппо просто не знал, куда себя девать.

Он посидел в клубе, постоял на бетонной дамбе, остановился под сосной, на которой висел деревянный круг — мишень. В нее бросают стальные стрелы с разноцветными пластмассовыми наконечниками. Сеппо считался на шлюзе одним из чемпионов: у него верная рука и зоркий глаз. А тут бросил стрелу — она улетела куда-то в крапиву. Нет, все у него валилось из рук в то утро, а стрелка часов словно застыла, словно нарочно не двигалась.

Он уселся в свое кресло в стеклянном кубе операторской кабины.

На громадном пульте вспыхивали и гасли разноцветные огоньки, светились экраны нескольких телевизоров. С их помощью Сеппо видел весь свой участок трассы.

Уезжали с берега тяжелые самосвалы, бульдозеры, ухо-

дили бригады каменщиков, закончивших дела, часть рабочих проверяла навигационные знаки, которые должны указывать путь судам. Одним словом, все шло так, как и должно было идти. И вдруг...

Телекамера показала густую толпу, собравшуюся на набережной километрах в двух от шлюза. Люди размахивали руками, о чем-то горячо спорили, а к ним спешили все новые и новые. Одним словом, на канале было ЧП — чрезвычайное происшествие.

Огорченный Сеппо взял трубку:

— Алло, четвертый пост? Что у вас там происходит?

— Корабль. Приплыл корабль. Очень хороший, — ответил чей-то спокойный голос.

— Не может быть там никакого корабля. Еще рано!

— А он уже пришел, — сказали на другом конце провода и дали отбой...

Через несколько минут Хямяляйнен был уже в самом центре событий. С трудом протолкавшись сквозь толпу, он увидел здорового землекопа с трубкой в зубах, бережно державшего в огромных ручищах деревянный парусник со сломанными мачтами и перепутанными снастями.

Такие корабли строят мальчишки во всем мире. Долбят или вырезают, красят, ставят паруса и — плыви, шхуна, попутного тебе ветра, чистой воды!

А этот парусник, видимо, выдержал не один жестокий шторм. Краска с него облезла, название смыло с борта.

— Это финская шхуна! — горячился бульдозерист.

— Но приплыл-то он с советской стороны, а, Вейко? — сказал ему кто-то.

— Значит, совершил кругосветное плавание! — не сда-

вался бульдозерист. — А потом, корабль долбленный. Так делают только финны...

— Не пойму, из-за чего весь шум, — сказал молчавший до сих пор землекоп. — Финский, русский, шведский корабль — не все ли нам равно? Приплыл он издалека, сквозь бурю. Что следует сделать в таком случае радушным хозяевам? По-моему, сказать: «Добро пожаловать на Сайменский канал!»

Он пыхнул дымом из своей трубки и заботливо обтер шершавой ладонью днище парусника:

— Хороший это знак, когда навигацию открывает этакое вот суденышко!

Сеппо послушал еще немножко, махнул рукой и заспешил назад, в свою операторскую кабину.

У новостей быстрые крылья, а у приятных — особенно. Пока Сеппо добирался до шлюза, известие о деревянном кораблике уже обогнало его.

— Знаешь, они решили отдать парусник в музей строительства канала, — сообщил ему помощник. — Экспонат номер один — первое судно, прошедшее по маршруту озеро — море!..

А через несколько часов белоснежная «Ласточка» миновала шлюз, которым распоряжался Сеппо Хямяляйнен. И все было очень хорошо. Играла музыка, теплоход плавно скользил по спокойной воде мимо лесистых берегов, на которых стояли красные и серые домики строителей, машины, подъемные краны.

Сеппо долго глядел вслед кораблю, выходящему на морской фарватер. Там, у поворота, на гранитном откосе высится обелиск советско-финской дружбы. Его возвели рабочие двух стран-соседей, построившие голубую трассу на благо обоих народов.

Б. Грищенко

Зона Сайменского канала — Выборг — Ленинград

ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ, ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ!

Кто получает сто писем в год, кто — двадцать пять, а кто и одному рад, а вот Костя Теркин получил за год ни много, ни мало, сорок тысяч писем. На все письма Костя отвечает быстро и точно. Но, бывает, такое попадается послание, этаким заковыристым вопросом, что, как ни ломай голову, сразу не ответишь. Не ответишь сразу, а там, глядишь, неделя прошла, другая. Два месяца прошло.

Осень наступила. Улетели грачи. Снежок серебрится. Скоро Новый год... Стоп! Раз приближается Новый год, значит, пора отвечать. Во-первых: нельзя оставлять в старом году недоделанные дела. Во-вторых: чем ближе новогодний праздник, тем лучше все начинают понимать шутки. И если ответ будет не совсем серьезный, авторы заковыристых вопросов не обидятся, разве что почешут в затылке: «Ну и чепуху я написал!»

Где говорят по-немецки? На каком языке говорят в Польше?

Ольга В., г. Красноярск

Мы обратились за консультацией в Академию наук. Вот что нам ответили. «Вопрос, поставленный Ольгой В., уже давно волнует ученых. Действительно, где, в какой части мира люди говорят по-немецки? Хочется верить, что наука скоро получит ответ на этот вопрос. В настоящее время поисками людей, говорящих по-немецки, заняты экспедиции, работающие в Гренландии, Центрально-Африканской республике, на островах Фиджи и в Средне-Пеньковском районе Караваевской области. Второй вопрос не менее увлекателен. Недавно Польшу посетил крупнейший специалист в области языка профессор Феличчи. Профессор произвел интересные наблюдения. Он утверждает, что, находясь в Польше, неоднократно слышал выражения «паненка», «дзень добры», «пше прошам», «хей, кто поляк» и другие, относящиеся к... польскому языку! Впрочем, смелое предположение профессора Феличчи: «В Польше говорят по-польски», еще нуждается в тщательной научной проверке».

Дайте адрес какой-нибудь кинофотографии...

Алла К., Новосибирская обл.

Не можем. Не знаем также адресов литературы, географии, ботаники...

Где познакомиться с Суворовцем?

Ученица восьмого класса
Зина К.

Есть у нас один адресок. Суворовца зовут Петька Крюков, ему десять лет. Одна только беда: Петька утверждает, что все девчонки плаксы и стесняется с ними водиться. Если согласна его переубедить, напиши — адрес вышлем!

Можно ли ученику седьмого класса носить часы?

Вова Б., г. Бийск

Согласно инструкции № 85267/007, § 4, пункт V Министерства просвещения ученикам седьмых классов категорически ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

носить на руке солнечные часы, песочные часы, башенные часы, будильники всех марок, куранты и часовые механизмы взрывных устройств. В порядке исключения семиклассникам, имеющим спортивный разряд по шахматам (не ниже второго), разрешается ношение шахматных часов — одни часы на двоих.

Можно ли ученице седьмого класса дружить с девятиклассником?

Лидя И., г. Калинин

Эх, семиклассники, мне бы ваши заботы!

Ученик пятого класса
Костя Теркин

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Дирекция заочной легкоатлетической школы при редакции журнала «Костер» убедительно просит учеников быть внимательнее и впредь не писать на конвертах: ШКОЛА «СКРИП», ШКОЛА «СПИТ», ШКОЛА «СПИРТ» и т. п. Письма, адресованные таким образом, рассматриваться не будут!

Школа «Спрут»

Двое часовых

Было это на весенних каникулах. Снег сам просился в руки, лепился в снежки. Стали две деревни, Пречиста с Соколовой Горой, готовиться к войне.

Пречиста на одном берегу реки, Соколова Гора на другом. Соколовские строят из снега крепость, а пречистенские дразнятся:

— Эй, вы! Бестолковое общество! Подумаешь, кучу нагребли! Пихнем — повалится!

Покричали и притихли.

Вечером из Пречисты вернулась сестра Феди Поморцева, Таиска. Сели пить чай, Таиска и говорит:

— Пречистенские ночью в крепость полезут, все нарушат и флаг унесут. Сама слышала.

Федя поперхнулся чаем, вскочил. Стакан — на пол, чай — на штаны, Федя — на улицу.

Вечером соколовские засели в нетопленной школе. Света не зажигали. Окна выходят на реку, до крепости снежком докинешь. В крепости часовой.

Сидели ребята и ели клюкву — Саша Телицын принес в кулке. Вдруг дверь отворилась, и через порог шагнул кто-то большой. Ребята вгляделись и обрадовались:

— Андрей Иванович, к нам! Сюда, в уголышек! Расскажите чего-нибудь!

Андрей Иванович сел у окна, и ребята задвигались, стали подбираться поближе. Он угостился клюквой, помолчал немного и начал:

— Что же такое рассказать? Ну вот, например. В некотором заморском государстве жили злые мудрецы. Построили они летающий шар-шпион.

— Как это шар-шпион? — спросила Аня Климова.

— Вот дикая, не понимает! — басом сказал Васька Быков.

— Такой круглый, размером с кулак, — объяснил Андрей Иванович. До того черный, что его и вовсе не видно. Летает по воздуху. Где ему надо, там и останавливается. И все, что видит, передает на телевизор злых мудрецов. Но поскольку образец опытный, то может узнать один секрет. Как узнает, так и лопнет.

— Наши все равно собыют, — сказал Васька.

— А если все равно, то и рассказывать нечего, — спокойно отозвался Андрей Иванович. — Так вот. Запустили злые мудрецы этот шар — как вы думаете, куда? В ракетную шахту? На оборонный завод? Может быть, в главный штаб? Сколько ни гадайте, не угадаете.

Андрей Иванович отвернулся к окну и стал всматриваться в темноту. Он всматривался долго, и ребята начали шевелиться.

— Запустили этот шар в школу! В сельскую восьмилетнюю школу, небольшую, вроде нашей.

У печки хмыкнули. Васька насмешливо протянул:

— В школу? На что им школа-то? Чего тут узнавать?

— погоди, — остановил его Андрей Иванович. — Ты же должен знать, где наш военный пост номер один. Не знаешь? Это всем известно, всему миру. Пост номер один — у гранитного мавзолея, на Красной площади. Стоят на этом посту всего двое часовых. Будь уверен — злые мудрецы на них все глаза проглядели в тайные бинокли. Не заговорят ли часовые друг с другом? Не закурят ли? Не выпустят ли из рук оружие? Полвека ждут — и не могут дождаться.

— Наши крепко стоят, — сказали от двери.

— Но часовых-то сменяют! — продолжал Андрей Иванович. — А где растет смена? Ну-ка подумайте. И вот появился на экране злых мудрецов...

Андрей Иванович замолчал.

— Кто появился-то? — не выдержал Васька.

— Кто появился? — медленно проговорил Андрей Иванович. — Один молодой человек, которому не мешало бы подстричься, по имени Васька.

Ребята захохотали, а Васька обиделся.

— Как это я там появился? Вы рассказываете по правде, а то вы сами выдумываете.

— Это был не ты, — успокоил Андрей Иванович. — Мало ли на свете Васек! А вот не пора ли нам сменить часового? Замерз, должно быть.

— Васьки очередь, — подсказали из угла.

— Расскажут, тогда пойду, — заупрямился Васька. — Не замерзнет Федя. Оттепель.

Все ожидали, что Андрей Иванович прогонит Ваську на пост, но он только сказал:

— Дело твое.

И стал говорить дальше.

— Злые мудрецы следили за каждым Васькиным шагом. Утром валялся в постели — очень хорошо. Не знал уроков — чудесно. Красный галстук носит в кармане — лучше быть не может! После уроков Васька хотел было улизнуть из школы, но его усадил решать задачи товарищ по парте, небольшой паренек в сером свитере, по имени Федя.

— Поморцев, — сказали несколько голосов.

— Поморцев всегда помогает, — вздохнула Аня Климова.

— Мало ли на свете Федей! — отозвался Андрей Иванович. — Так вот, порешали они задачи, отправились домой и на дороге нашли тугой кошелек. Денег в кошельке много, мож-

но купить ящик конфет, — вот какие в сельпо продаются, шоколадные с орехами.

— Эти-то вкусные, — подтвердил кто-то из малышей.

— Стоят ребята и думают, что им делать с деньгами. А злые мудрецы затаили дыхание, — ведь это очень важно. Васька осторожно спрашивает: «Сдадим?» Федя отвечает: «Меня отец учил — найдешь деньги, отдай на погорелое место». — «Так ведь пожара не было». — «А Вьетнам?» — «Это далеко». — «Ну и что же, что далеко. Война кончится, им строиться надо. Все разбито, — твою бы избу так! Свои ведь, товарищи». И только Федя это сказал, — над самой дорогой что-то как лопнет!

— Шпион лопнул! — догадались у печки.

— А на заборе у дороги, — продолжал Андрей Иванович, — сидела нарядная кумушка, черно-белая сорока. Она вдруг метнулась в сторону и с криком полетела вперед хвостом, как никогда в жизни не летала...

Тут за окном прошумели по талому снегу полозья, в окно ударил снежок, и как будто послышался крик.

Щелкнул выключатель, все вскочили. Яркие полосы света упали на снег за окном, на воз сена, который проплывал мимо окон — будто занавес отодвигали. Открылась крепость. Она стояла на месте. Но, облепив ее со всех сторон, как черные раки ползли на стены, переваливались на животах пречистенские. Металась по стене одинокая фигурка часового, сталкивала, отбивалась. Ее потащили вниз, закрутили руки за спину, стали заботливо кормить снегом...

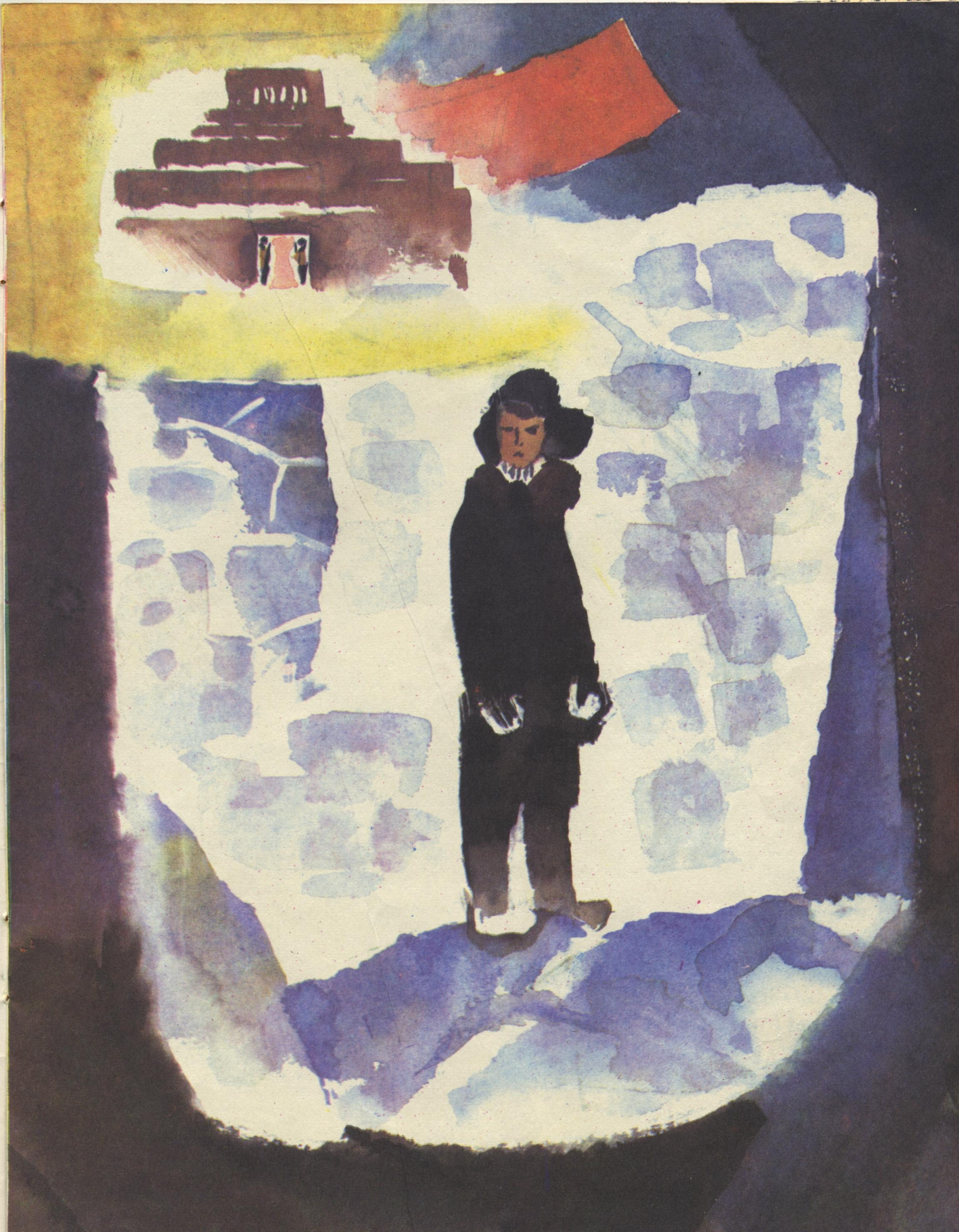
Соколовские с устрашающими криками высыпали из школы. В полосах света замелькала рукопашная. Но пречистенские завладели крепостью не на шутку. И только когда от шума начали зажигаться огни в домах, они отступили, скатились с высокого берега. На стене остался поникший флаг со сломанным древком.

Долго еще галдели соколовские, светили с берега фонариками, удивлялись коварству пречистенских: подобрались к самой крепости за возом сена. Спихнулись об Андрее Ивановиче, но тот как сквозь землю провалился.

К ночи подморозило и высыпали звезды. В Соколовой Горе спали по домам ребята. Позже всех заснул Васька. Он ворочался с боку на бок и старался отделаться от непонятной тревоги.

В далекой Москве неподвижно стояли у мавзолея двое часовых. Скоро им полагалась смена.

*Михаил Мохов
Рисунок С. Спицына*

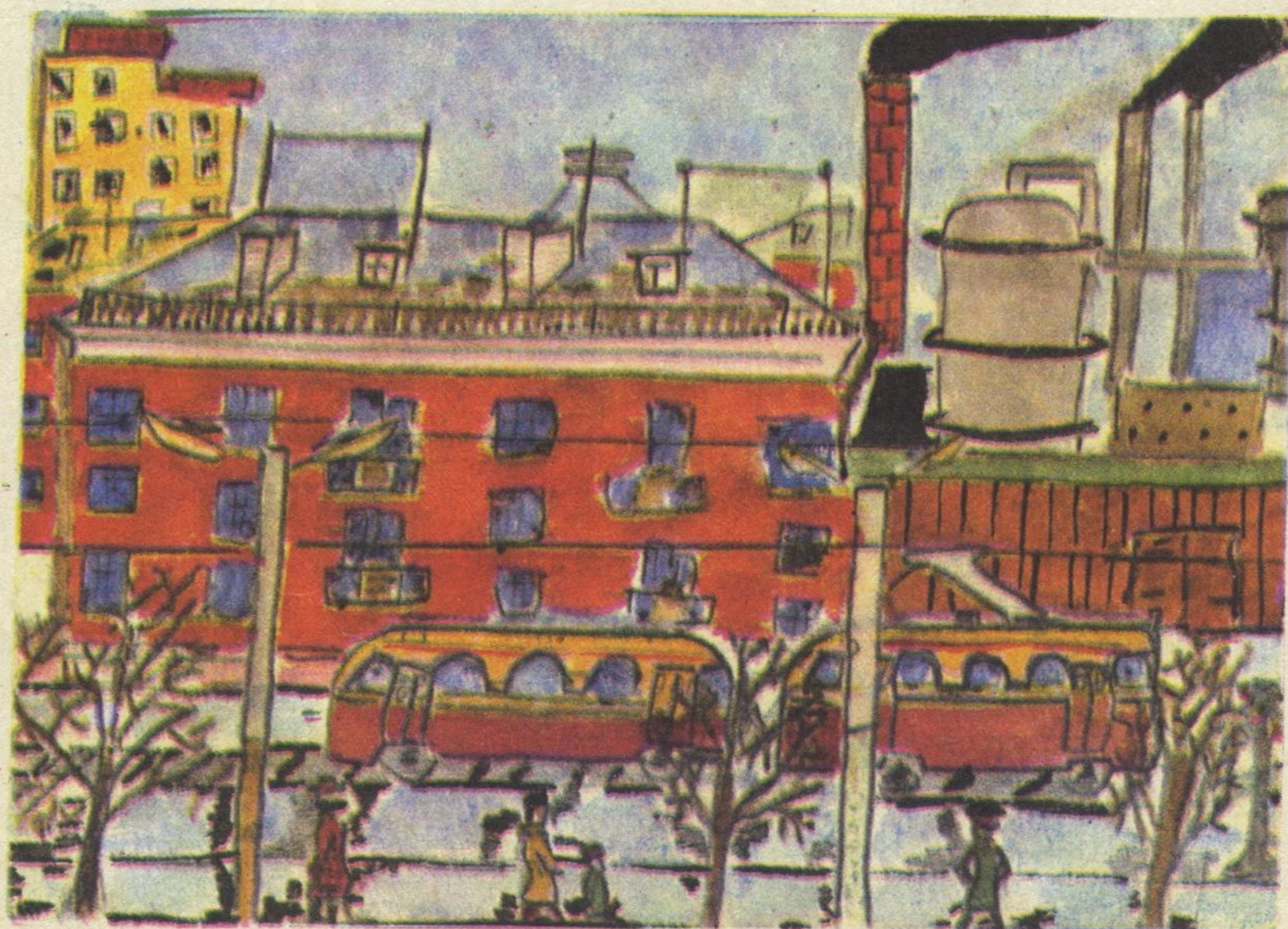

Рашит Вахитов

Башкирия

**РИСУНКИ
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ**

Вова Ключков

Комсомольск-на-Амуре

В обычном декабре
проснется человек
и видит — во дворе
лежит обычный снег.
И как обычно — птично
и шумно у окна,
и человек привычно
бросает горсть пшена.
С обычной задачей,
решенною вчера,
сквозь снег и лай собачий
идти ему пора.
Портфель в руке плывет,
покачивается...
Декабрь. Обычный год
заканчивается.
Почти что у ворот
каникулы и елка.
Настанет Новый год —
на целый год, надолго!
Лишь только он придет —
и сразу же, назавтра,
минувший, Старый год
изменится внезапно.
И мы тогда вздохнем
и скажем откровенно:
— Все важно было в нем
и необыкновенно!

Коля Семченко

Хабаровский край

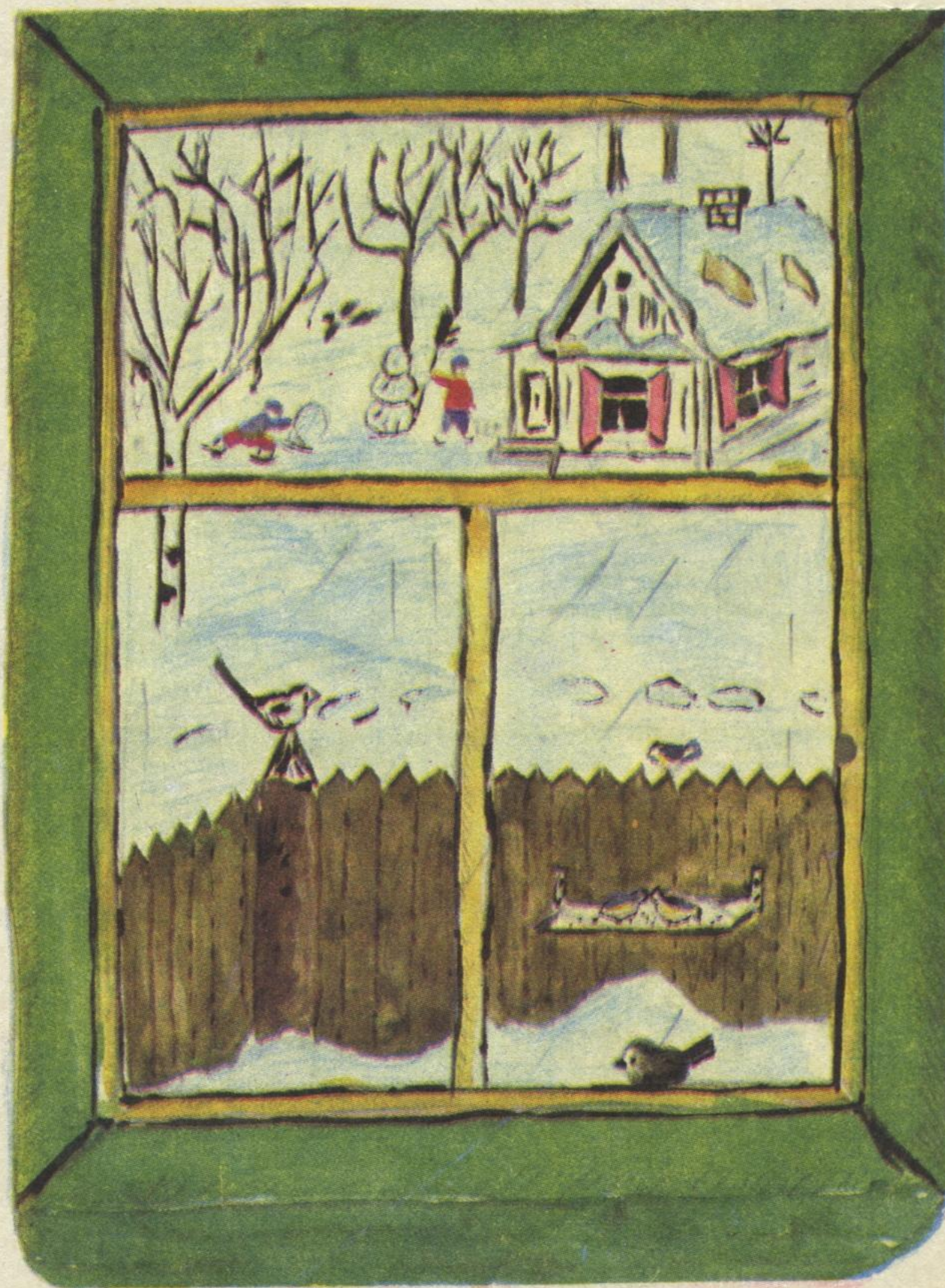

Витя Ковров

Волгоградская область

И вдруг приобретут
особое значение
и прошлогодний труд,
и дружба, и ученье.
Обычные дела
промчавшегося года...
Предутренняя мгла,
густой гудок завода,
и птичий перелет,
и белый пароходик...
Обычный Старый год
в историю уходит!
И вскоре мы о нем
в учебнике прочтем,
а после на „отлично“
ответим, как обычно...

Н. Слепакова

Саша Павленко

Воронежская область

Дорогие ребята!
Вы присылаете в „Костер“ много своих рисунков.
Это очень хорошо!
Обязательно сообщайте нам свое имя, фамилию,
сколько вам лет и подробный адрес.
Лучшие работы мы будем печатать в журнале

РАЗНОЦВЕТНЫЕ МИНУТЫ

Лев Мочалов

Счастливая минута!
Как мяч над головой,
она взмывала круто
и цвет имела свой, —
когда кричал я:
«Здравствуй!»,
подпрыгивал: «Ура!»
Была минута красной,
сказать о ней пора.
Потом пришла иная,
под лампой у стола,
о красной вспоминая,
оранжевой была.
Уж так она старалась,
вела такую речь,
чтоб давешнюю радость
навек уберечь.
Но кто-то почему-то
не «да» сказал, а «нет».
И новая минута
имела желтый цвет.

Тоскливая глядела,
как все чего-то ждуть,
и не было ей дела
до остальных минут.

Но минула минута,
растаяла, как снег.
Минута — не каюта,
не комната навек.
И свежестью как будто
пахнуло из окна —
зеленая минута
возникла, как весна.

И так же, как весной,
среди сквозных берез,
мы перед новизною
задумались всерьез.
Светлело небо где-то
у нас над головой,
была минута эта
минутой голубой.

Рисунок Т. Оболенской

И кто-то глянул строго
и встал из-за стола,
и дальняя дорога
кого-то позвала, —
туда, где голосили
промозглые гудки,
где за минутой синей
мигали маяки.

И кто-то молвил слово:
«Договорим потом!»,
минутой лиловой
мой покидая дом.
В ее тревожном цвете,
должно быть, неспроста,
как в небе на рассвете,
копилась краснота.
Наверно, потому-то
смотрели мы вперед,
где красная минута
гореть не устает...

Энтомоптер — фантастика или реальность?

Дорогие ребята!

Многие из вас, прочитав в №№5 и 6 «Костра» повесть «Энтомоптер», спрашивают редакцию: был построен такой аппарат или это — фантазия автора?

Отвечу вам сразу: энтомоптер еще не оторвался от земли и не совершил ни одного полета.

Но летательный аппарат подобного типа — не фантастика.

Те, кто заинтересовался проблемой, пусть откроют журнал «Наука и жизнь» № 1 за 1966 год. Там, на стр. 140, дано описание действующей модели и чертежи орнитоптера, иначе называемого махолетом.

Несколько дней терпения, старания — и ваш орнитоптер поднимется в воздух.

— Ну, а энтомоптер? — спросите вы. — Нам нужны чертежи энтомоптера, а не какого-то махолета.

Не торопитесь.

Помните, что говорил инженер в повести? «Хорошо делается то, что делается не торопясь».

Постройте сначала орнитоптер. Попробуйте усовершенствовать его. Внимательно проследите за полетом вашей модели. А позднее, когда у вас будет больше знаний и вы крепко увлечетесь идеей машущего полета, вы, может быть, сами сконструируете летающий велосипед.

Дело в том, что сейчас во всем мире работают над проблемой машущего полета.

У нас в Советском Союзе создан общественный комитет машущего полета при Федерации авиационного спорта СССР. В комитете заочно работают более 15 тысяч человек, из них 6 докторов наук, 27 кандидатов, 175 инженеров, 79 летчиков, 5 архитекторов, 10 биологов и несколько тысяч конструкторов-любителей.

Одним из таких конструкторов и был инженер из повести.

Автор повести позволил себе сделать только одно фантастическое допущение: он заставил оторваться энтомоптер от земли. Пусть читатели простят ему это. Он очень хочет, чтобы летающий велосипед взлетел, наконец, в воздух!

Николай Внуков

ПОЛЯРНАЯ БЫЛЬ

РАССКАЗ

С. Бузо

Рисунки В. Орлова

Каждый раз, когда плавающее к Карском море судно пересекает район, обозначенный на карте небольшим овалом с надписью «Полярная роза», вой сирены взрывает арктическую тишину, приспускается кормовой флаг и судно тихим ходом с замершей в стойке «смирно» командой идет пять—десять минут. Здесь, на дне, лежит парусно-моторная шхуна «Полярная роза». Вой сирены, тихий ход, приспуск флага — это и реквием и салют. Так моряки-полярники чтут память этого судна, так славят смелый его экипаж.

* * *

Был тысяча девятьсот сорок второй год.

Советская страна отражала натиск гитлеровских орд, а в Арктике, как и в мирные дни, полным ходом шла исследовательская работа: производился промер глубин, изучался гидрологический режим, велись наблюдения за льдами и погодой.

Вместе с другими судами плавала в Арктике «Полярная роза». Пятнадцатого августа, закончив свою работу в юго-западной части Карского моря, она спешила в северо-восточную. Ярко светило солнце. Попутный ветер бросал на серо-зеленую равнину моря блестящие ряби. Шумела пена, взрываема форштевнем.

На штурманском мостике, запахнувшись в собачью доху, похаживал капитан Полищук. Время от времени он прикладывал к глазам бинокль, висевший у него на груди, и осматривал горизонт. Кругом расстилалась серозеленая равнина моря, и капитан, довольный — Карское море редко балует полярников чистой водой — что-то мурлыкал себе под нос.

За штурманским мостиком, сквозь поблескивающее стекло рубки виднелась фигура рулевого Малютина. Его взгляд не отрывался от компаса, руки крепко держали штурвал.

На палубе, среди бочек и ящиков, в брезентовом плаще молодой боцман Арканов укладывал в бухту трос. Другой вахтенный — матрос Рикун, почти подросток, в черном ватнике и шапке-ушанке, в больших не по росту сапогах — собирал вехи для предстоящих работ.

Неожиданно пахнуло холодом и вдали забелело небо, закутанное облаками.

Капитан приложил к глазам бинокль и нахмурился: все море по курсу было покрыто ледяными полями. Только на траверзе справа виднелся небольшой канал. За ним сталью отливала вода.

— Право руля! — скомандовал капитан.

Малютин завертел штурвал. Ледяные поля поползли влево, и канал лег прямо по курсу.

— Так держать! — капитан опустил бинокль.

Пока подходили к каналу, его берега сомкнулись. Образовался ледяной перешеек, который, казалось, не трудно разбить.

Не уменьшая хода, «Полярная роза» ринулась на это препятствие. Она растолкала небольшие льдины, подмяла под форштевень ледяную ковригу, пробежала метров двадцать по чистой воде, вскочила носом на ледяной барьер, мгновение постояла на нем с задраным вверх бугшпритом и с шумом поползла

назад. Натиск повторили еще и еще. Но перешеек лежал неколебимъ.

— Тихон Иванович, — гднлся на мостик штурман Пospelов, — может, попробуем освободить фарватер аммоналом?

Капитан взглянул на небо — его синеву покрывали рваные облачка. Постучал пальцем по anerоиду — стрелка скакнула вправо. На лицо были все признаки перемены погоды.

— Не стоит, — ответил капитан. — Подождем разрезания льдов. Кстати, дадим механику время на осмотр машины. Он жаловался, что барахлит какой-то цилиндр.

Капитан дернул ручку телеграфа. Прозвонел звонок. Дизель затих.

— Механик! — крикнул Полищук в переговорную трубу. — Стоянка два часа. Бо-оцман! Отдать ледовой якорь!

Арканов включил брашпиль, ослабил трос с привязанным к нему на конце железным крюком. Рикун выбросил крюк на лед, перелез через борт, вскинул крюк на плечо и, обходя ропаки, потащил его к полынье. Вслед за ним, расправляя кольца, скользил трос. Подойдя к ближайшей полынье, Рикун зацепил крюк за кромку льда.

Посвистывая, матрос направился обратно. И вдруг неожиданно присел и, пригибаясь за ропаками, бегом пустился к судну.

— Ребята, нерпа! — сообщил он приглушенным голосом матросам, сгрудившимся за это время на палубе.

— Где она? Где? — раздались голоса.

— Тише — испугаете зверя! Вон!

В полынье, куда Рикун только что относил якорь, все увидели круглую голову, настороженно выглядывающую из воды.

— Какая же это нерпа? Это — тюлень, — сказал один из матросов.

— Не тюлень, а морской заяц, — поправил Арканов.

— Ребята, давайте подстрелим, — предложил Рикун. — И шкура будет, и жиру натопим котел. А котлеты какие выходят, пальчики оближешь!

— А чем ты его подстрелишь? Рогаткой? — спросил боцман.

Матросы захохотали.

Дело в том, что, поступая на «Полярную розу», Рикун сделал себе рогатку, предполагая охотиться на чаек.

— Чего смеетесь? — обиделся Рикун. — Я попрошу у старпома ружье.

Не дожидаясь согласия товарищей, он направился к старпому и через несколько секунд уже нес берданку.

— Кто будет стрелять? — оглядел моряков

Рикун. — Нужно без промаха — старпом дал только один патрон.

— Кто? Малютин! У него значок «Отличный стрелок», — ухмыльнулся боцман.

— А что — не попаду? — вспыхнул Малютин. — Мне не раз приходилось с братом на охоту ходить.

— Вместо легавой — подранков подбирать, — бросил шпильку боцман.

Матросы захохотали.

Малютин взял берданку, деловито осмотрел ее, щелкнул затвором и вставил патрон. Все делалось уверенно, методически. Было видно, что он знаком с оружием.

— Стрелять бесполезно, — вздохнул Малютин, прикидывая расстояние до зверя. — Очень далеко — можно промахнуться!

— Крой на лед! — предложил Рикун.

— погоди! — остановил боцман. — Я слышал, морские зайцы идут на музыку. Давайте попросим Рева, чтобы он поиграл.

Рева был судовым коком. Во время войны он потерял семью и, чтобы забыть горе, часто прикладывался к рюмке и играл украинские песни.

Неугомонный Рикун юркнул в камбуз. Рева только что поставил квашню и теперь сидел в заляпанном тестом фартуке и в бывшем когда-то белым колпаке. Взгляд его был устремлен в пустоту.

— Никита Павлович! Никита Павлович! — затормошил кока Рикун. — Поиграйте немного — морской заяц появился. Надо его подманить ближе...

— А хай вин подохнэ, — отвечал Рева, не меняя позы.

— Никита Павлович, ну поиграйте — сало будет.

— Яке тут сало? — махнул рукой Рева. — Чи тут маються свині! Тут тилько лед да тряся...

— Имеються, Никита Павлович, имеютя! Морские! Поиграйте немного, и будет сало.

Рева вытер о фартук руки, снял с гвоздя скрипку со смычком и вышел на палубу.

— Дэ вона, твоя свиня? — спросил он Рикуну, щуря от яркого света глаза. Рикун показал.

— Яке це свиня? — возмутился Рева. — Нэ буду граты!

— Никита Павлович, — принялись упрашивать матросы. — Ну немножко, самую малость! Надо его подманить ближе к судну. Сыграйте, Никита Павлович! Вы хорошо играете. Лучше, чем передают по радио.

— От пристали, бисовы диты, — смягчился кок. — Що граты?

— Чего хотите, Никита Павлович.

Рева приложил скрипку к плечу, потрогал струны и заиграл известную украинскую песенку: «И шумэ, и гудэ, дрибный дождик идэ». Но веселая песенка не тронула внимания зверя.

Рева перешел на минорный лад и заиграл «Повий, витро, на Вкраину». Зверь повернул голову, как бы прислушиваясь, откуда лились звуки, и направился к судну. Подплыв к кромке льда, он вылез на льдину, неуклюже переваливаясь, прополз некоторое расстояние и, раскинув лапы, замер на месте.

Малютин уже спустился на лед и, пригнувшись за ропками, занял удобную позицию для стрельбы. Расстояние между зверем и охотником теперь не превышало десяти метров. Малютин положил берданку на выступ и прицелился в зверя. Рева заиграл громче.

На штурманский мостик поднялись механик, гидрограф, старпом, радист и с интересом следили за поединком на льду.

— Стреляй! — жестикулировали они Малютину. — Стреляй, а то уйдет.

Но Малютин, вместо того чтобы спустить курок, отложил в сторону берданку и оглуши-

тельно свистнул. Морской заяц молнией скользнул в воду.

— Мазила! — закричали моряки. — Не мог выстрелить. Столько томил нас.

Однако в душе были рады, что охота кончилась таким образом. Уж очень хороший был зверь.

Довольный своей шуткой, Малютин вскочил на ропак, чтобы отбить чечетку, и замер от неожиданности.

— Ребята! — придя в себя, крикнул он. — Подлодка!

Моряки недоверчиво обернулись. В самом деле, прямо на них двигалось подводное судно.

— Чья это лодка? — тревожно спросил Рикун.

— Чья? — бросил на него уничтожающий взгляд боцман. — Ясно, наша!

— А почему на ней такие буквы?

— Где ты видишь буквы?

— А вон, на борту надстройки. Это... это немецкая лодка!

— Тоже сказал — немецкая, — усмехнулся Арканов, — в Арктику немцы не заберутся, кишка тонка! Тихон Иванович, правда, это наша лодка?

Капитан, приложив к глазам бинокль, рассматривал неожиданно появившееся судно.

Мелькнул звездно-полосатый флаг.

— Это американская лодка, — ответил он и, повернувшись к радисту, тихо добавил: — Запросите Диксон, могут ли в нашем квадрате находиться американские военные суда.

— Американцы! Союзники! — моряки сгрудились у борта: всем хотелось лучше рассмотреть «иностранку». А Рикун даже забрался на ванты.

— Ребята, и пушка на ней! — кричал он сверху. — И два перистопа!

— Перископа! Салага! — поправил боцман.

Не доходя метров пятьдесят до ледяного перешейка, лодка остановилась. На палубу вышли двое матросов в американской форме. Один из них помахал красными флажками и, поглядывая на бумагу, которую перед ним держал другой, принялся семафорить.

— Тише, тише! — шикнул на матросов боцман.

— «Мистеру капитану, — переводил вслух штурман. — В связи с аварией нами утрачены карты и лоции для плавания в Арктике. Прошу, в порядке союзнической помощи, поделиться таковыми. Для встречи вашего представителя с этими документами высылаю шлюпку. Командир субмарины кавторанг Томсон».

— Аварию, аварию потерпели, — сочувственно заговорили моряки.

— Вот история! — почесал в затылке капитан, — и помочь надо, как-никак союзники, и рискованно: инструкций на этот счет не имеется... Что же делать? Ладно, передайте... — Полищук взглянул на штурмана, — передайте: поделитесь картами и лоциями могу. Прошу подождать, пока мы их откорректируем...

— Тихон Иванович, — отступил штурман, — ведь карты и лоции секретные. Мы никому не имеем права их давать.

— Знаю, знаю... Соберите, что можно, подчистите кое-что... Надо как-то выходить из положения... Ведь авария!

Штурман передал ответ. Американцы подошли по палубе лодки, затем вытащили наверх резиновую шлюпку и принялись ее накачивать. Делалось это быстро и четко.

— Работают — я молчу! — не удержался боцман.

— Америка! — солидно подтвердил кочегар.

— Хау ду ю ду! — сложив руки рупором, крикнул Малютин.

Матросы на лодке замахали руками.

— Смотрите, смотрите, — отвечают! — обрадовался Малютин. — Симпатяги ребята! Эх, побывать бы у них хоть пяток минут.

— Чего захотел! — хмыкнул кочегар. — Заграница все-таки!

— А давайте пригласим американцев в гости, — предложил боцман. — Смотришь — и они пригласят нас.

— А разве можно?

— Можно, только дисциплина должна быть — во! — показал боцман большой палец. — Тихон Иванович, — подошел он к мостику, — команда просит вашего разрешения пригласить американцев в гости.

Капитан на мгновение задумался.

— Что ж, можно, пожалуй, пригласить. От этого худа не будет. Пригласим! — пообещал он.

— А ну, орлы, гони на палубу порядок! — оживился боцман.

«Орлы» подхватили скребки, голяки, швабры и принялись за уборку. Правда, на палубе и так все было в ажуре, но кому хотелось упасть лицом в грязь перед иностранцами?

На мостике тем временем шел другой разговор.

— Не нравится мне что-то это судно, — говорил старпом Девятияров механику Левому. — Выскочило нежданно-негаданно, как Филипп из конопель... Командир сычом сидит в рубке... Нет, настоящие друзья так не поступают.

— А ты хотел, чтобы он плясал на палубе? — пыхнул трубкой Левый. — Ему, брат, сейчас не до этого. Авария!

— Так-то оно так, но морская этика...

— Ну, чего захотел в военное время!

— Семен Петрович, — прервал его гидрограф. — А сколько у них команды?

— Сколько команды? Бес их знает, никогда не плавал на таких коробках. Тихон Иванович, сколько у них может быть народа? — повернулся механик к капитану.

— Думаю, человек двадцать, — прошелся по мостику Полищук.

— Надо отдать должное американским подводникам, — продолжал гидрограф. — В опасный рейс они рискнули махнуть. А все-таки хорошая штука — подводная лодка. Нам бы такое судно. Встретили бы льды, нырнули под них, прошли ледовый участок и снова продолжай свою работу. Что — неправду говорю?

— Может быть, после войны и будем иметь

такие исследовательские суда,— пыхнул трубкой Левый.

На мостике появился с книгой и свертком карт под мышкой штурман.

— Карты готовы, Тихон Иванович, — доложил он капитану.

— Все привели в соответствующий вид?

— Все!

— Ну, раз так, поспешите вручить их по назначению. Вам поручается эта миссия. Кстати, не забудьте от моего имени и команды пригласить американцев в гости.

— Есть, капитан.

— Никита Павлович, — свесился Полищук над палубой, — найдется у нас чем попотчевать союзничков?

— Зробим, що трэба! — пообещал Рева.

Капитан взглянул на часы.

— Что ж, друзья, думаю, не лишним будет переменить экипировку.

Полищук направился к трапу. Вслед за ним потянулись остальные.

Неожиданно дверь радиорубки распахнулась, и из нее выскочил бледный радист.

— Тихон Иванович! Тихон Иванович! — приглушенным голосом окликнул он капитана. — Это не американцы. Немцы! Вот ответ Диксона на нашу радиограмму.

Спутники капитана замерли. Полищук схватил протянутый листок.

— Немцы! Немцы! — пронесся по палубе испуганный шепот.

— Германьцы? — переспросил Рева, выскакивая из камбуза.

— Без паники! — прикрикнул капитан, пробежав взглядом радиограмму. — Да, это немцы. И очень хорошо, что они открыли свою истинную цель. По местам! Делайте вид, что подводную лодку мы по-прежнему считаем американской. Продолжайте аврал. А вы, боцман, и вы, товарищи, — повернулся Полищук к комсоставу, — ко мне в каюту.

Уборка опять началась. Но это был не тот радостный аврал, которому минуту назад все отдавались самозабвенно.

— Что же будем делать, друзья? — спросил капитан своих помощников, втиснувшихся в его каюту.

Помощники угрюмо молчали.

— Может, ради своей безопасности дадим немцам приготовленные документы? — окинул он всех испытующим взглядом.

— Что вы! Ни в коем случае! Да как это можно! — раздались возмущенные голоса.

— Тише, тише. Так что же будем делать?

— Можно мне, Тихон Иванович? — спросил штурман.

Полищук кивнул.

— Я знаю упрямство немцев, — взволнованно заговорил штурман. — Они не оставят нас до тех пор, пока не добьются своего. А карты, видно, нужны им позарез, коли они выкинули подобный трюк... Я предлагаю собрать все карты и лоции, облить их бензином и сжечь.

Каюта недовольно зашумела.

— Нет, это невозможно, — вздохнул капитан. — Немцы обязательно это заметят и потом жестоко расквитаются с нами; к тому же карты нужны самим. Нет, здесь надо применить более гибкую тактику.

— Тогда давайте тянуть время: мол, корректировка продолжается, — не сдавался штурман. — А сами тем часом пошлем в Диксон срочную радиограмму о помощи.

— Тянуть нельзя, — возразил капитан. — Вы видели, как нетерпеливо похаживают по палубе вражеские матросы? Еще немного — и они бросятся на нас с оружием.

— Можно, Тихон Иванович? — поднял руку Арканов. — Я считаю самым верным сниматься с якоря и полным ходом идти во льды. Никакая лодка сквозь них не прорвется к нам...

— Машину мы разобрали, — горестно вставил механик.

Повисло тягостное молчание.

— Так что же будем делать, товарищи? — прервал молчание Полищук. — Время не ждет!

— У меня есть предложение, Тихон Иванович, — поднял голову старпом.

— Давайте, давайте!

— Не секрет, что никто из нас не понесет немцам карт. Чтобы получить их, гитлеровцы должны высадиться на лед. Я предлагаю: не допускать высадки...

— Как же это сделать? — ядовито перебил Левый.

— Силой!

— Какой?!

— У нас есть четыре берданки. Дадим их людям, умеющим обращаться с оружием...

— Берданки против пушек! — скривил губы Левый.

— Да, да, берданки, — подтвердил старпом. — А план у меня такой. Вооружим людей берданками и блокируем подходы к судну со стороны чистой воды. Место для засады — торосы. Час-другой мы сможем продержаться. А тем временем придет помощь.

Левый пожевал губами. Гидрограф незаметно потер руки. Арканов довольно переглянулся со штурманом.

— Какие есть еще предложения? — спросил капитан.

— Да что тут борону по лесу тянуть?

Давайте примем это предложение. Лучшего не придумаешь...

— Все согласны с предложением старпома? — переспросил капитан.

— Все! Все!

— Хорошо. Но кому мы дадим оружие? Здесь нужны только добровольцы.

— Да что говорить об этом? Я первый возьму! — вскочил Левый.

— И я! — поднялся штурман.

— И я! — блеснул глазами гидрограф.

— Я тоже, — сказал Арканов. — И, думаю, многие из матросов не откажутся.

— Так. А кто будет командовать отрядом?

— Кто? Ясно, Сергей Михайлович, — ответил Левый. — Он автор плана, ему и карты в руки.

— Конечно, старпом! — подтвердила каюта.

— Вы согласны, Сергей Михайлович? — повернулся к старпому Полищук.

— Что ж делать? — качнул плечами старпом.

— Порядок! Комплекуйте отряд, Сергей Михайлович. Только действуйте осторожно и осмотрительно. Ну, ни пуха ни пера! — Он пожал всем руки.

Моряки, делая вид, что ведут между собой оживленную беседу, оставили каюту. Старпом, механик, штурман и гидрограф разобрали оружие, спрыгнули на лед и, где ползком, где пригибаясь за ропаками, юркнули в торосы.

Капитан написал радиogramму, передал ее радисту и со скупающим видом вышел на мостик. Команда усилила рвение в уборке.

Хотя все распоряжения капитана были выполнены безукоризненно, тем не менее что-то насторожило вражеских матросов. На боевом мостике показался офицер. Он навел бинокль на «Полярную розу», созерцал ее пару минут, затем резко махнул рукой. В тот же

миг с флагштока упал звездно-полосатый флаг и взвился флаг со свастикой. Один из матросов столкнул в воду надутую шлюпку. В нее уселись выскочившие наверх вооруженные гитлеровцы. «Полярной розе» был дан сигнал: «Выключить рацию! Спустить флаг!»

— Как бы не так! — проворчал про себя капитан, не двигаясь с места.

Не дождавшись ответа, шлюпка отвалила от борта и, лавируя между отдельными льдинами, стала приближаться к перешейку. Сбившиеся на палубе моряки не спускали с нее глаз.

Шлюпка прошла пять, десять, двадцать метров. Едва она поравнялась с торосами, как неожиданно грохнул залп, повторенный многократным эхом. Скученные в шлюпке гитлеровцы заерзали. Подняв автоматы, они наугад дали длинные очереди по льдам. Прогремел еще залп. Один из гитлеровцев качнулся и, как мешок, скользнул за борт. Шлюпка накренилась, завертелась на месте. Сквозь беспорядочную пальбу прорвались отчаянные вопли. Раздался еще залп. Шлюпка повернула назад и, сопровождаемая градом пуль, заспешила к подводной лодке. Отталкивая друг друга, гитлеровцы вскарабкались на борт и поспешно укрылись за надстройками. Покинутая шлюпка запрыгала на волне и медленно поплыла в море.

Ошарашенная дерзкой встречей, подводная лодка некоторое время стояла не двигаясь. Потом блеснула стеклами перископов и дала ход.

— Драпает? — радостно переглянулись моряки.

— Не по зубам кобыле сено! — насмешливо бросил Арканов.

— Рано тебе жартуваты, — хмуро глянул на него Рева.

— Рано не рано, а турнули крепко! — поддерживал Арканова кочегар.

— Стала! Стала! — упавшим голосом пролепетал Рикун.

Лодка, развернувшись бортом, замерла на месте. По палубе заходили матросы. Они что-то кричали, грозя кулаками. Сигнальщик замахал флажками:

«Германское командование предлагает оставить бессмысленное сопротивление и передать ему запрошенные документы. В противном случае экипаж судна будет строго...»

Капитан махнул рукой в сторону торосов. Снова грохнул залп. Мелкими брызгами по поверхности моря рассыпались пули, не долетев до подводной лодки десятка метров. Гитлеровцы издевательски засмеялись. Сигнальщик, сунув за пазуху флажки, подбежал к пушке и вдвинул в ее казенник блестящий снаряд. Дуло орудия грозно нацелилось на «Полярную розу».

— Стрелять будут? — побледнел Рикун.

— Что ты! Берут на пушку, — успокоил его Арканов и тут же невольно присел: блеснул огонь, резанул выстрел, и в тот же миг радиорубка с треском слетела на лед.

Закрыв руками головы, моряки бросились к бортам.

— Не покидать судна! — раздалась команда капитана.

Моряки вернулись на свои места, опасливо поглядывая на подводную лодку. Еще огонь, вой снаряда, треск — и гротмачта со свистом окутала судно своим такелажем. Потом выстрелы слились в один гул, а вокруг судна, то с правого, то с левого борта, то перед носом, то у кормы стали падать снаряды, кроша ропаки, ломая торосы, засыпая палубу осколками льда.

Неожиданно канонада смолкла. Оглушен-

ные, засыпанные ледяным крошевом, моряки выглянули из своих укрытий. Ярко светило солнце. «Целы!» — мелькнула радостная мысль. Но тут же она погасла. К ледяной кромке приближалась подводная лодка. Толкнув носом первые льдины, она по самую рубку вошла в ледяной берег. Откинулась крышка люка. Из нее вышли четверо матросов с автоматами в руках. Вслед за ними появился офицер. По команде матросы покинули судно и, осторожно ощупывая ногами лед, направились к «Полярной розе».

Моряки застыли в ожидании: вот-вот должен раздаться залп берданок и не в меру осмелевшие гитлеровцы отпрянут назад. Но выстрелов не последовало: торосов, за которыми укрывалась группа старпома, не существовало.

Так вот почему утюжили гитлеровцы льды! Что ж, моряки сумеют умереть как следует. Умереть? Но тогда гитлеровцы захватят карты. Отдать карты? Так, не за понюх табаку? Не выйдет! Глаза забегали по палубе, отыскивая оружие. Арканов поднял лом, Малютин снял с пожарной доски топор, кочегар подхватил багор. Рева кинулся в камбуз и подставил под кран титана кастрюлю.

— Ломы и топоры на место! — сбежал с мостика капитан. — Достать аммонал!

Моряки переглянулись. Да, да, самое лучшее — взорвать судно.

Арканов слетал в форпик и принес оттуда ящик блестящих запаянных банок — шашек аммонала. Из каждой шашки, как мышинный хвостик, вился черный фитилек.

— Подрежьте фитили, чтобы были не выше двух сантиметров, — сказал Полищук вполголоса.

Матросы осторожно подрезали фитили.

— Теперь закурите. По моей команде поджигайте фитили и бросайте шашки.

Капитан щелкнул крышкой портсигара, вынул папиросу, повернулся от ветра, прикурил.

Сжимая в руках шашки, моряки смотрели на приближающихся гитлеровцев. Те, чем ближе подходили к судну, тем больше петляли — дорогу преграждали полыньи, пробитые взрывами снарядов, трещины, озерца пресной воды, скопившейся от таяния снега.

Когда до гитлеровцев оставалось не более двадцати шагов, капитан поджег фитиль.

— Ложись! — скомандовал он и швырнул шашку за борт. Моряки попадали на палубу. Описав блестящую дугу, шашка шлепнулась на лед, и в тот же миг в воздух взлетел веер битого льда. Глухой взрыв прокатился над морем. Гитлеровцы замерли на месте, но быстро оправались и дали по судну длинные

очереди из автоматов. Как швейная машинка, застрекотали пули, вливаясь в обшивку. Однако дуб, из которого была сооружена «Полярная роза», не пропустил ни одной.

Перезарядив автоматы, гитлеровцы бросились вперед. В это время швырнул свою шашку Арканов. Раздался новый взрыв. Гитлеровец, замыкавший строй, отлетел в сторону. Ледяная каша расступилась, и он скользнул в глубину. Оставшиеся панически бросились назад. Скользя в ледяной каше, оступаясь, падая, прыгая с льдины на льдину — под напором взрывов ледяное поле начало распадаться на части — они кое-как дотянулись до подводной лодки, нырнули в люк. Крышка захлопнулась, и лодка, кормой вперед, отошла от ледяного берега...

Моряки отложили потеплевшие в руках шашки. Кровь глухо стучала в ушах.

— Уходит! Уходит! — радостно крикнул Рикун. — Смотрите, начала погружаться!

Лодка в самом деле погружалась: на поверхности воды возвышался только ее перископ.

Вздых облегчения пронесся над палубой.

Неожиданно перед перископом поднялось из воды облачко дыма.

— Тихон Иванович, что это? — спросил Арканов.

Капитан приложил к глазам бинокль. От подводной лодки по направлению к «Полярной розе» неся пузыристый след.

— Торпеда!

Моряки ринулись к бортам. В ту же секунду соседняя с судном льдина взметнулась вверх, проревел громовой взрыв.

* * *

Чуткие уши радистов круглые сутки сторожат эфир. Пятнадцатого августа тысяча девятьсот сорок второго года в семнадцать ча-

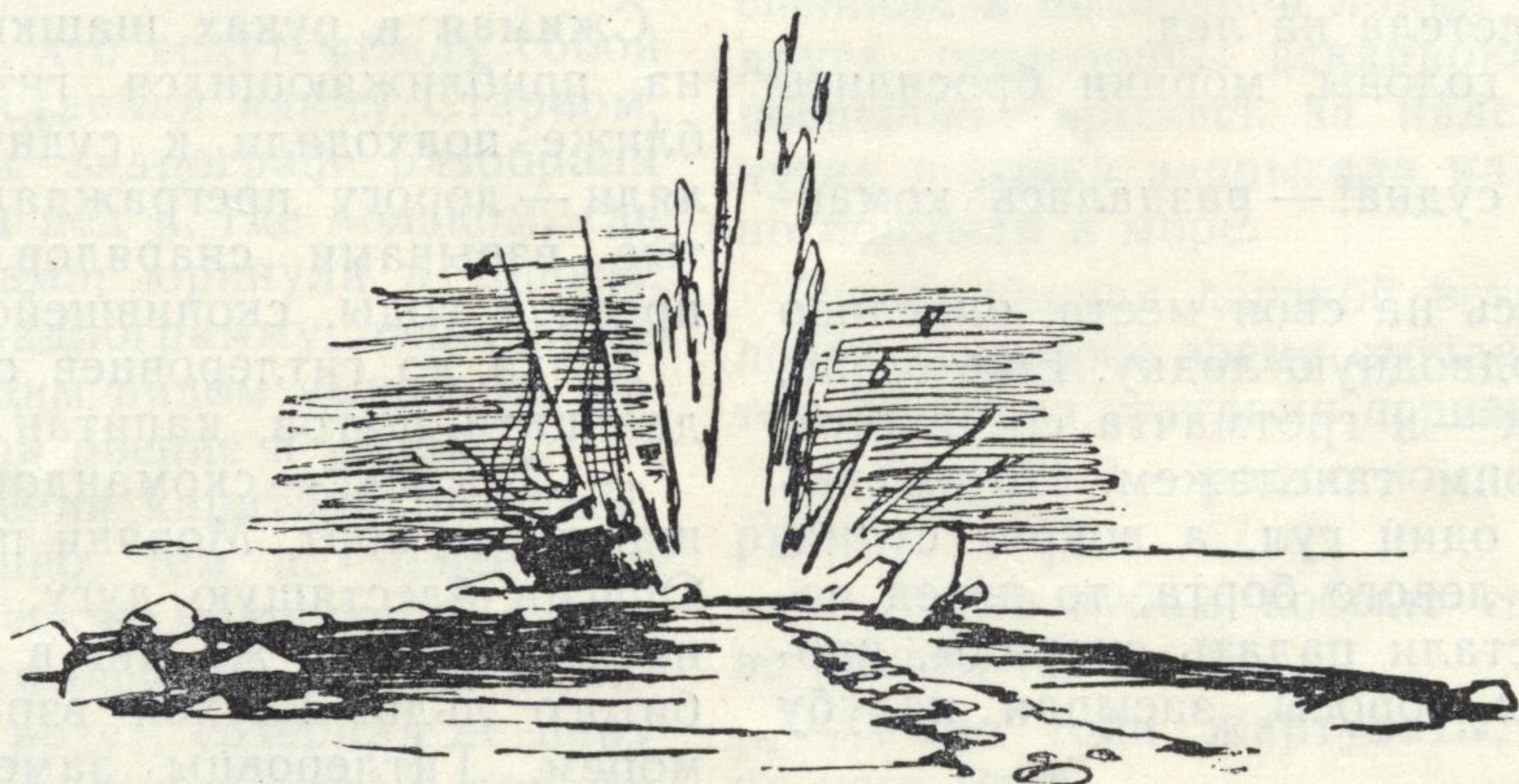
сов двадцать две минуты в наушники вахтенного радиста ледокола «Вихрь», сквозь писк морзянок, прорвался тревожный голос:

«Всем, всем, всем. Радирует «Полярная роза», широта семьдесят восемь градусов тридцать минут, долгота восемьдесят градусов пятьдесят пять минут. Сего числа в шестнадцать часов тридцать минут встречен прорвавшаяся в Арктику немецкой подводной лодкой. Гитлеровцы требуют выдачи навигационных пособий. Готовлюсь защищаться. Капитан Полищук».

Не успел радист записать это сообщение, как вновь послышался тот же голос, тревожный, торопливый: «Внимание! Внимание! Гитлеровцы пытались взять карты силой. Попытка отбита оружием. Команда...» Голос оборвался, и как ни напрягал слух радист, больше ничего не мог поймать.

Дав указание следовавшему за ним каравану оставаться во льдах, «Вихрь» поспешил на помощь «Полярной розе». Но уже не застал ее. Среди искрошенных взрывами льдин плавали только обломки судна. На одной из льдин матросы ледокола обнаружили Арканова и Рикуну, чудом спасшихся от гибели. В ста метрах от них, на другой льдине, лежал старпом, раздавленный обломком тороса. В руках он держал берданку. Остальных членов экипажа шхуны разыскать не удалось...

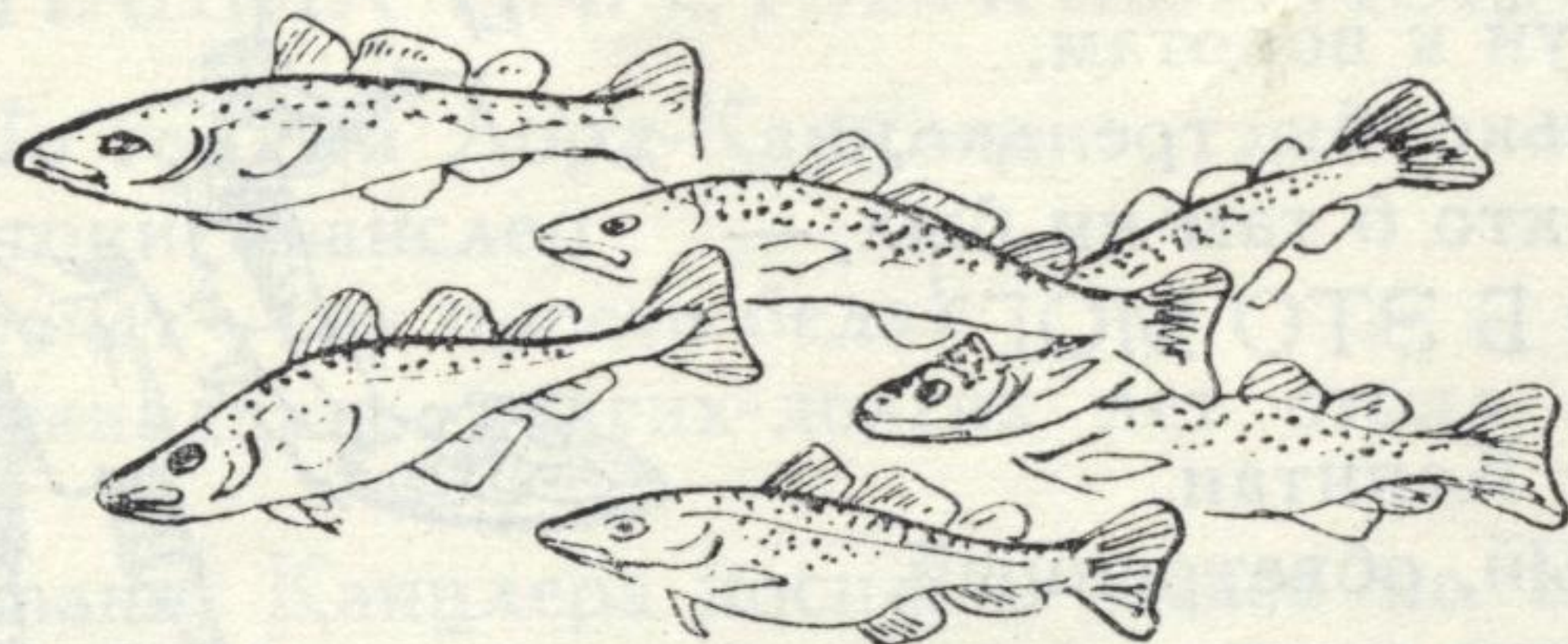
Много лет минуло с тех пор. Ушли на покой полярники, штурмовавшие Арктику в суровые дни войны. Но до сих пор обозначено на карте место гибели «Полярной розы». И когда плавающее в Карском море какое-нибудь судно пересекает этот район, вой сирены взрывает арктическую тишину, приспускается кормовой флаг и судно тихим ходом идет пять—десять минут. Вой сирены, тихий ход, приспуск флага — это и салют и реквием. Так моряки-полярники чтут память этого судна, так славят его героический экипаж.

Только цифры

Потомство одной трески достигает 15 миллионов рыбешек, но из них 14,99 миллиона погибают уже в самом раннем возрасте.

5 000 000 000 000 000 тонн весит земная атмосфера. Если эту массу воздуха разлить на число жителей нашей планеты, то на долю каждого придется примерно 1,5 миллиона тонн.

Космическая водоросль

Может ли человек долгое время оставаться в помещении без притока свежего воздуха?

Сибирские ученые отвечают: «Может!» Если выдыхаемый человеком воздух будет очищаться микроводорослью хлореллой. Это растение поглотит углекислоту и превратит ее в кислород, пригодный для дыхания.

Аппарат для фотосинтеза хлореллы похож на лампу с колпаком.

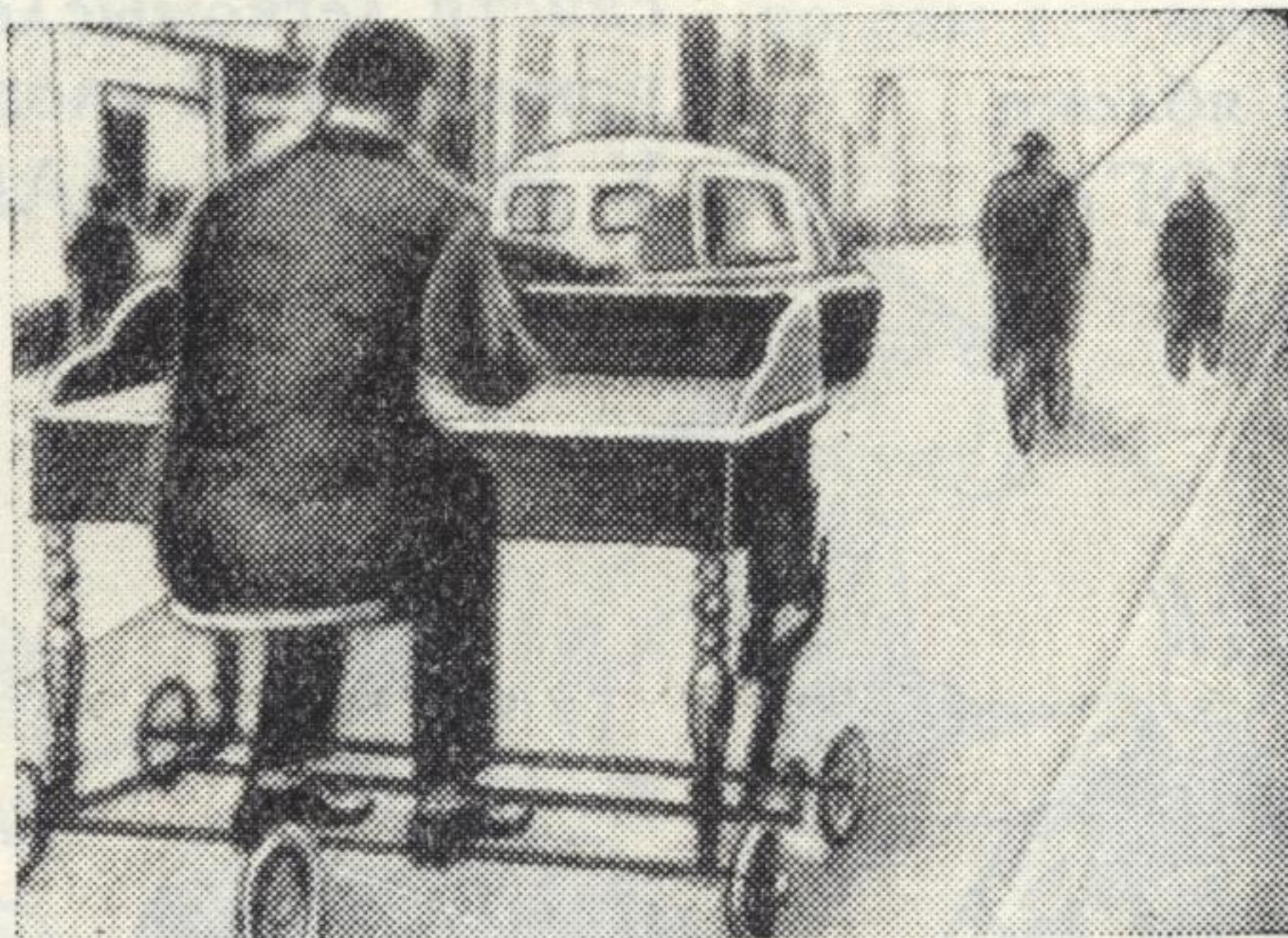
Свет лампы, наполненной ксеноном, необходим для процесса фотосинтеза. Ее «колпак» — это пластины оргстекла, между которыми заключена хлорелла. Полкилограмма этой микроводоросли на месяц хватило для обновления воздуха, выдыхаемого испытателем.

Опыт, поставленный в сибирском научно-исследовательском институте, убеждает, что воздух, очищенный хлореллой, не опасен для человека. Аппаратами с «космической водорослью» смогут пользоваться будущие космонавты.

Стол на колесах

Однажды утром жители Амстердама были весьма удивлены. Вслед за двумя велосипедистами по улице покатила стол. Обыкновенный письменный стол, к которому «изобретатель» догадался пристроить мотор от мотоцикла и колеса. Не отрываясь от работы, владелец стола, видимо, большой шутник, проехался по городу...

Мост под землей

В Москве одна улица называется Кузнецкий мост. Это действительно мост, только подземный. Когда-то мост был таким, как полагалось быть мостам в старину. Имел верхнее строение красивой архитектуры с торговыми галереями, ларьками, блинными, магазинами, где московские модницы выбирали себе наряды...

В начале нынешнего века понадобилось упрятать под землю речку Неглинную, через которую этот мост был переброшен. Речку заключили в трубу, а русло ее засыпали песком. Верхнее строение моста пришлось снять, а массивные устои зарыли в землю.

Теперь «увидеть» прежний Кузнецкий мост могут только современные геологические приборы. Была произведена подземная съемка в этом районе, она показала, что мост сохранился во всей своей красе.

Покрывало для футбольного поля

Когда смотришь с трибуны, как рабочие перед началом матча снимают пластиковое покрывало с футбольного поля, кажется, что это рыбаки с неводом, а не рабочие стадиона.

Пластиковый «невод» спасает стадион от дождя.

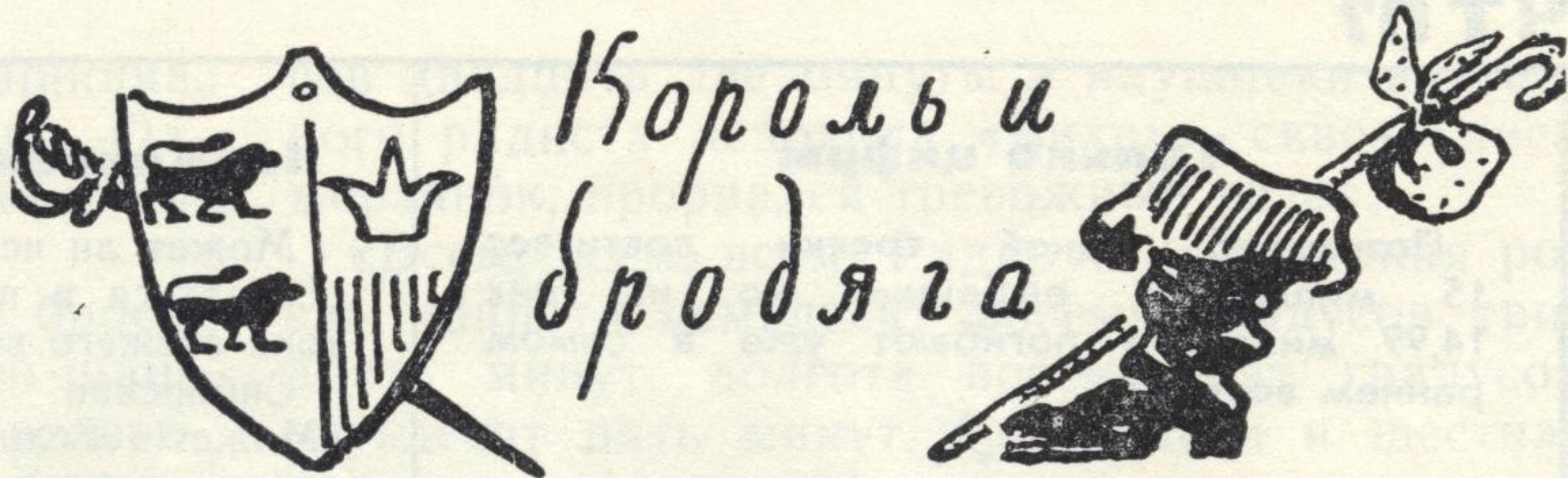

Сколько у нас речек?

Ученые гидрологи стараются как можно точнее ответить на этот вопрос. Самые маленькие ручейки, крохотные озера и каналы должны быть «открыты» ими и нанесены на карту. Без этого нельзя судить о водном богатстве, или, как говорят, о водных ресурсах страны.

Помогает гидрологам фотографирование с самолета. Как же иначе удалось бы добраться в непроходимые или труднодоступные места? Подсчитано, что на территории нашей страны почти 3 миллиона рек и речушек. Их общая длина 10 миллионов километров. Это расстояние в несколько раз больше, чем дорога от Земли до Луны.

Как часто слышал я рассказ,
 который перед вами!
 И размышлял я каждый раз,
 что стал бы лучше он в пять раз,
 когда б Поэт его для нас
 пересказал стихами!
 ...Поэта не дожидаться нам.
 И я за дело взялся сам!

А. Милн

Рисунки Б. Савкевич

Король говорит
 своему Лорду-Канцлеру
 (гордому лорду
 Энтони Чванслеру):
 «Сбегай к воротам,
 быстренько, быстренько,
 узнай, кто стучится, —
 И КТО Б ЭТО МОГ?»

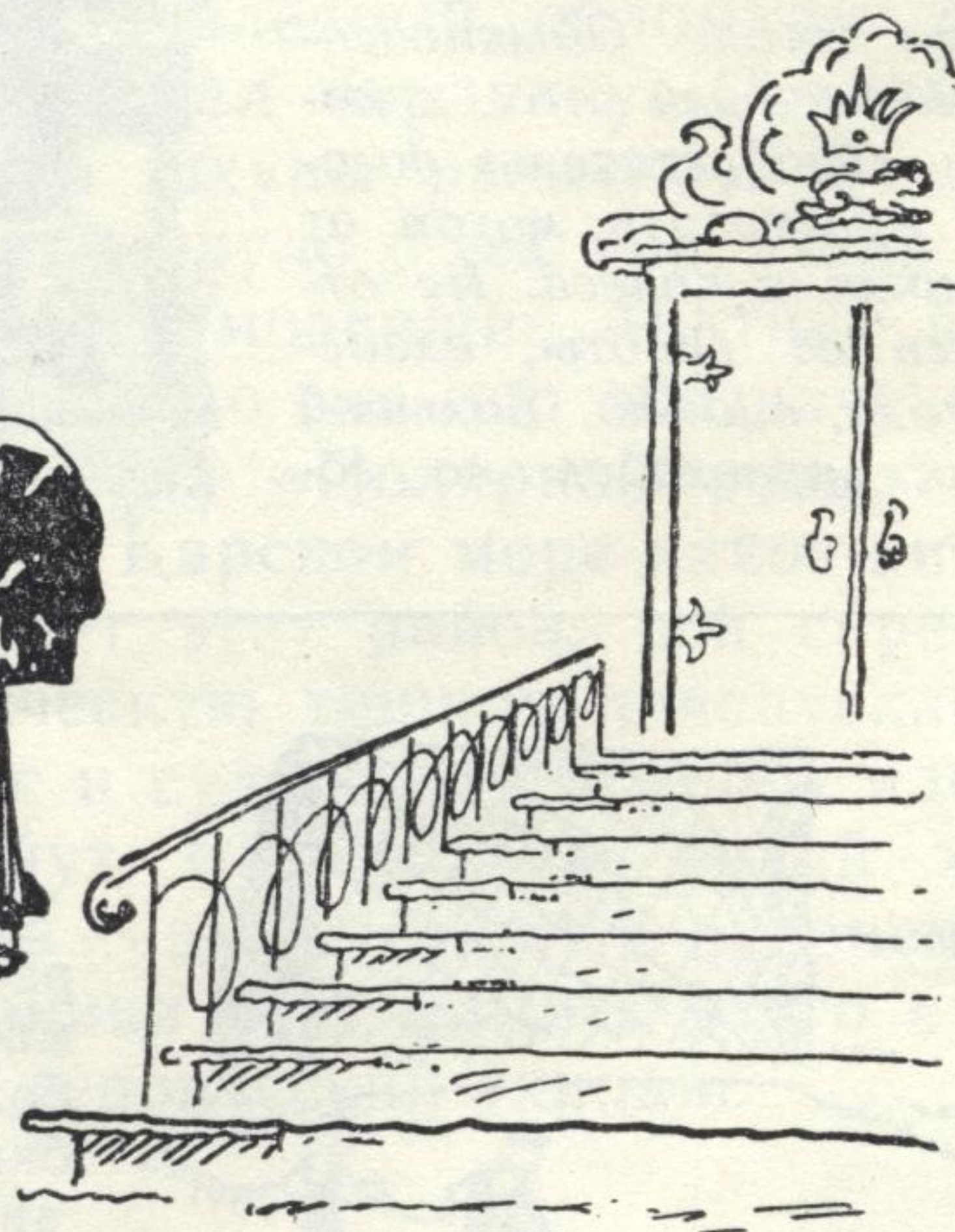
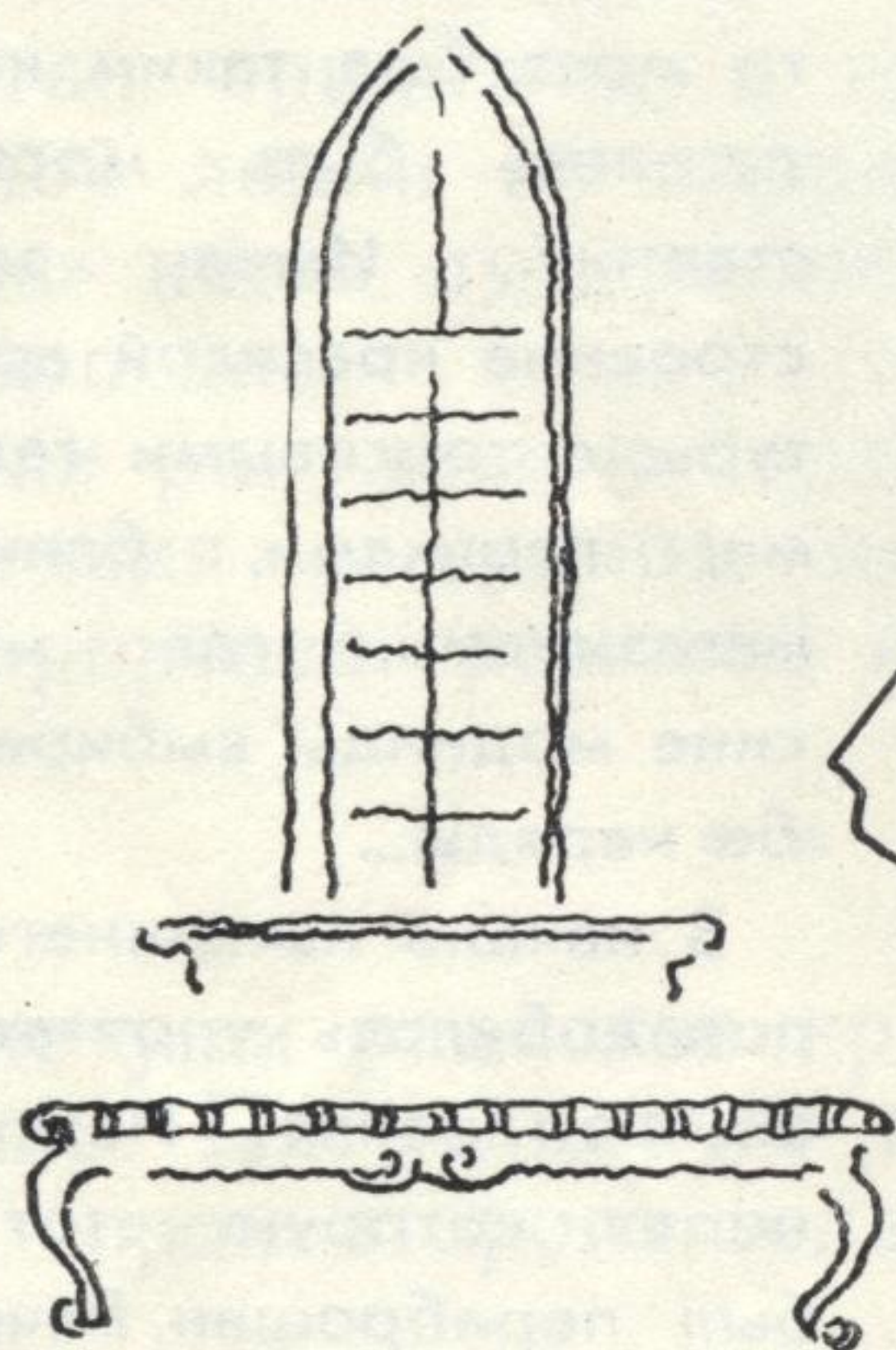

Быть может, Купец
 из тропической Африки
 привез мне павлина,
 жирафа и слоника?
 А может, Садовник
 с большущей корзиною
 пришел, чтоб сложить апельсины и яблоки
 У НАШИХ ЦАРСТВЕННЫХ НОГ?»

«Шествуй к воротам,
 быстренько, быстренько,
 открой, кто б там ни был, —
 И КТО Б ЭТО МОГ?»

А вдруг Капитан,
 загорелый, обветренный,
 привез мне корицу
 и прочие пряности?
 А вдруг Поваренок,
 свистя легкомысленно,
 пришел, чтоб сложить пирожки и пирожные
 У НАШИХ ЦАРСТВЕННЫХ НОГ?»

...Но гордый Лорд-Канцлер
 Энтони Чванслер
 Хохочет — ну просто беда!
 Вот так: Ха! Ха! Ха!
 «Я Вашему Величеству всегда служил отлично,
 уж Ваше-то Величество об этом знает лично!
 Могу я только ШЕСТВОВАТЬ —
 мне бегать неприлично!
 О нет! Никогда! Никогда!»
 Король говорит
 своему Лорду-Канцлеру
 (гордому лорду Энтони Чванслеру):

...Но гордый Лорд-Канцлер
 Энтони Чванслер
 хохочет — ну просто беда!
 «Я Вашему Величеству всегда служил исправно,
 и к Вашему Величеству я приближался плавно,
 я окна редко открывал, а двери — и подавно!
 О нет! Никогда! Никогда!»
 Король говорит
 своему Лорду-Канцлеру.
 (гордому лорду
 Энтони Чванслеру):
 «Открой-ка окошко,

быстренько, быстренько,
взгляни, кто стучится, —
НУ КТО Б ЭТО МОГ?

Быть может, Служанка,
румяная, шустрая,
на праздничный бал
принесла приглашение?
а может, там Дети
взволнованно шепчутся —
Хотят положить два

мешочка с орехами
У НАШИХ ЦАРСТВЕННЫХ НОГ?»

...Но гордый Лорд-Канцлер
Энтони Чванслер
хохочет — ну просто беда!

«Семнадцать долгих-долгих лет стоял я возле
Трона,
я званье Канцлера носил, а вовсе не Шпиона,
чтоб Я подглядывал в окно — такого нет закона!
О нет! Никогда! Никогда!»
Ни слова король
не сказал Лорду-Канцлеру.

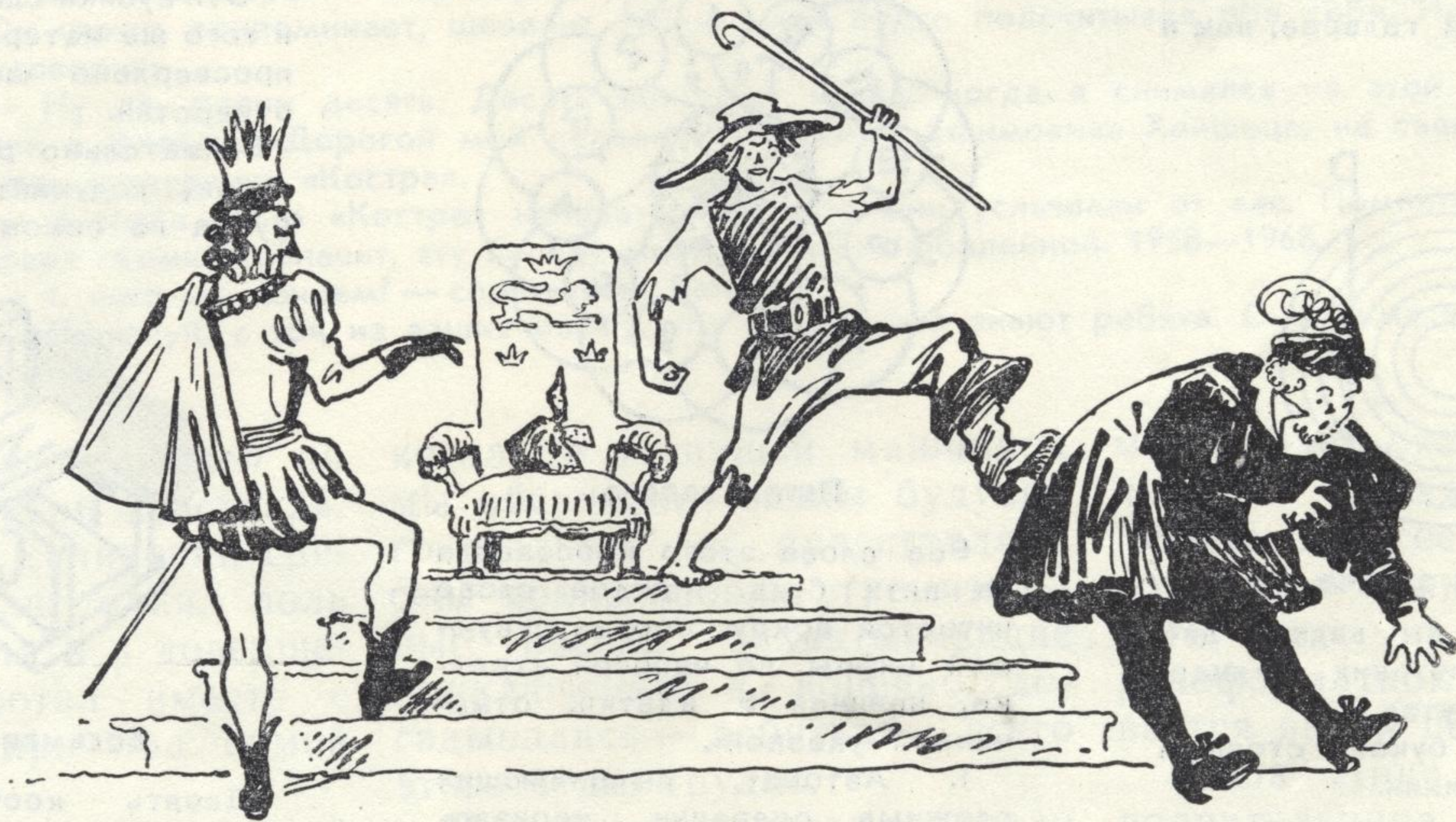
(гордому лорду
Энтони Чванслеру),
и САМ поскорее
пустился к воротам —
узнать, кто стучится, —
НУ КТО Б ЭТО МОГ?

То был не Купец
из тропической Африки,
то был не Моряк,
бородатый, обветренный,
то был не Садовник
с большущей корзиной —
а просто Бродяга. И был на Бродяге
ОДИН ТОЛЬКО РВАНЫЙ САПОГ!

...откуда он пришел, откуда он

Король поглядел
на Бродягу внимательно
и молвил с улыбкой: «Хорош!
Ты, видно, силач — ты мне можешь помочь!
А ну-ка, гони Лорда-Канцлера прочь,
и если, Бродяга, ты будешь не прочь —
то сам его место займешь!»

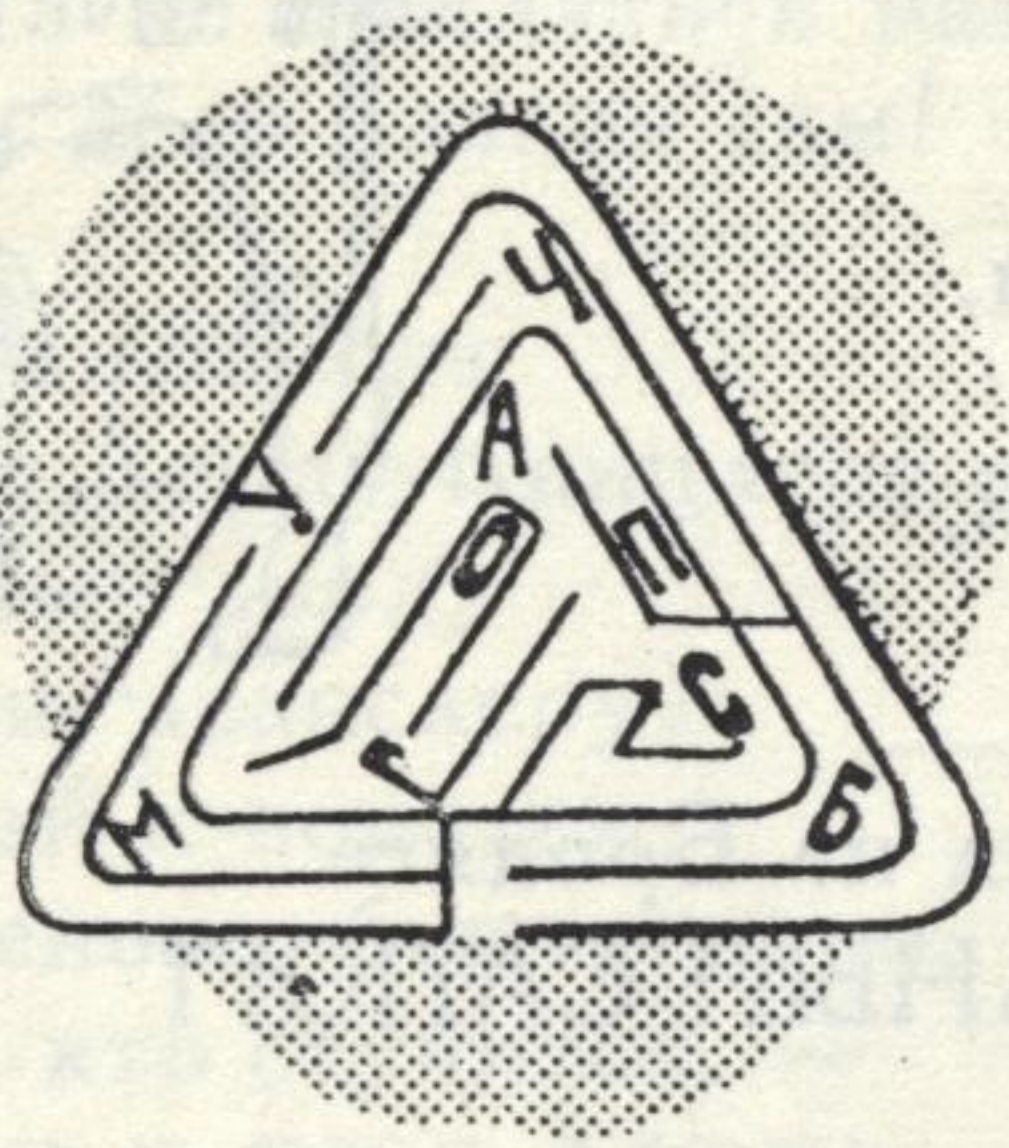
Друзья мои! В стихах моих
ВО-ПЕРВЫХ есть и ВО-ВТОРЫХ!
(Когда скажу я вам про них,
тогда конец настанет.)
Во-первых, я сказать хотел:
КУДА БЫ ТЫ НИ ЗАЛЕТЕЛ,
НЕ БОЙСЯ СКРОМНЫХ, МАЛЫХ ДЕЛ,
КОГДА БОЛЬШИМИ ЗАНЯТ.
А во-вторых, учти, дружок:
ТОТ, У КОГО ОДИН САПОГ —
ТОТ НЕПРЕМЕННО В ДОЛЖНЫЙ СРОК
ВОЗЬМЕТ И ЛОРДОМ СТАНЕТ!

Перевод Н. Слепаковой

Первая задача

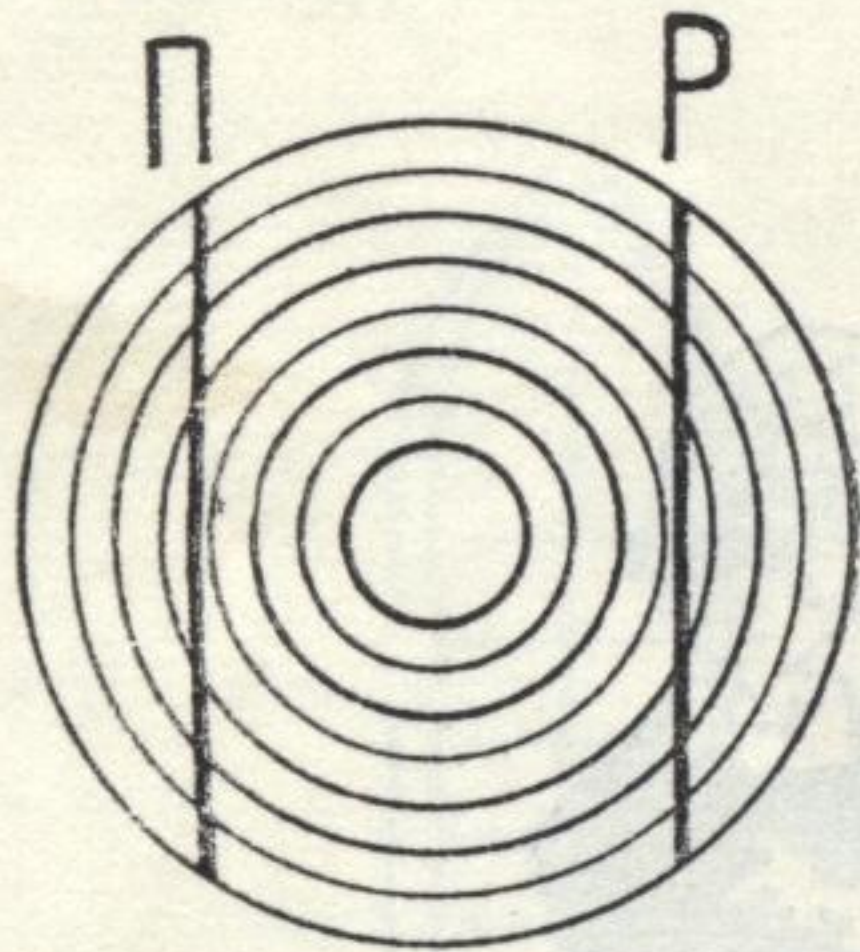
Эти флажки — разной величины. Вам нужна буква, которая на том флажке, что поменьше...

Вторая задача

Обойдите лабиринт, поворачивая все время направо: так, как если бы вы шли по нему; не отрывая правой руки от стенки...

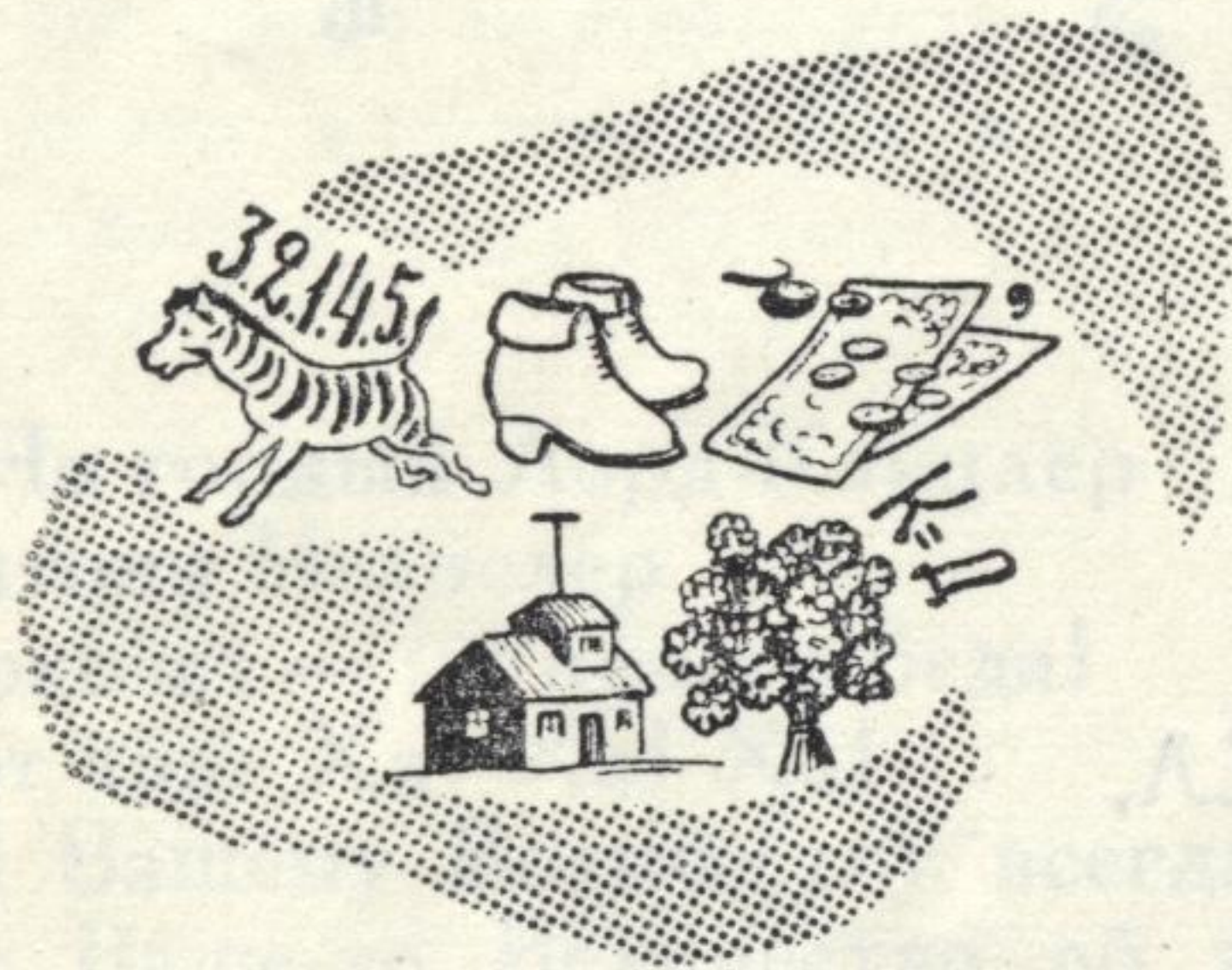
Гйдя из лабиринта, вы обнаружите, что не побывали только в одной галерее. Буква, которая в этой галерее, вам и нужна...

Третья задача

На рисунке вы видите две линии: одна из них прямая, а другая — выгнутая...

Вам нужна буква, стоящая возле прямой линии.

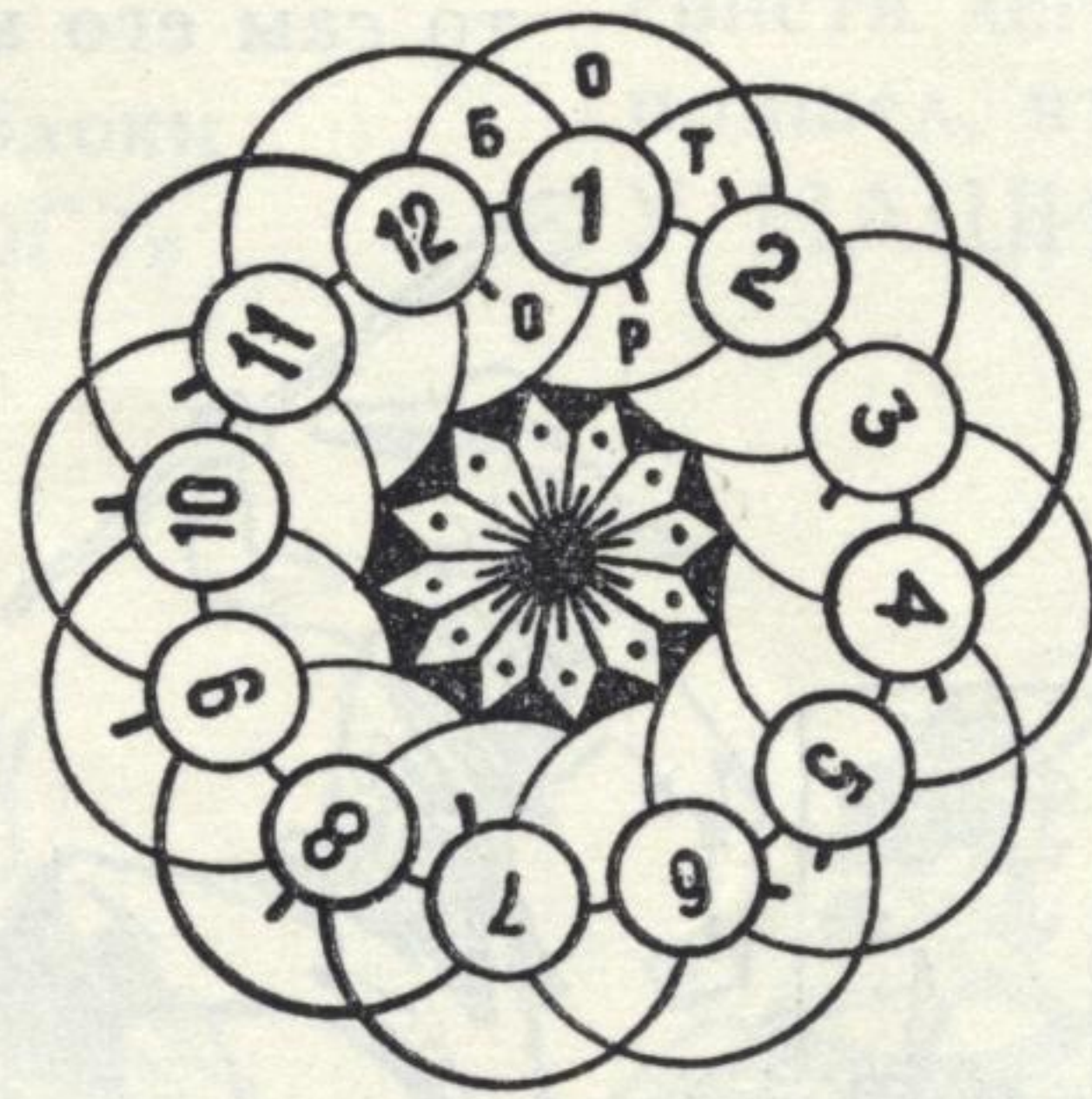
Четвертая задача

Разгадав ребус, вы обнаружите, что в зашифрованной пословице недостает одной буквы: как раз той, которая вам нужна...

КАК МЕНЯ ЗОВУТ?

Чтоб узнать, вам придется разгадать восемь головоломок... Каждая подскажет вам одну букву, а что делать с ними — в свое время узнаете... Рррр, гав!

Пятая задача

Все слова этого кроссворда из пяти букв. Каждое слово читается вокруг соответствующей цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной «указкой».

1. Автомат, выполняющий сложные операции, производящий впечатление человеческих действий. 2. Инструмент дровосека. 3. Гора, холм на Дальнем Востоке. 4. Тетерев-самец с косыми пучками хвостовых перьев. 5. Болотная трава с жесткими, упругими листьями. 6. Инструмент для выверки вертикальных направлений. 7. Мастер, подковавший блоху. 8. Книга А. Гайдара. 9. Открытый желоб для стока воды. 10. Езвышенная равнина, плоскогорье. 11. Оптическое стекло. 12. Чувство холода, дрожь.

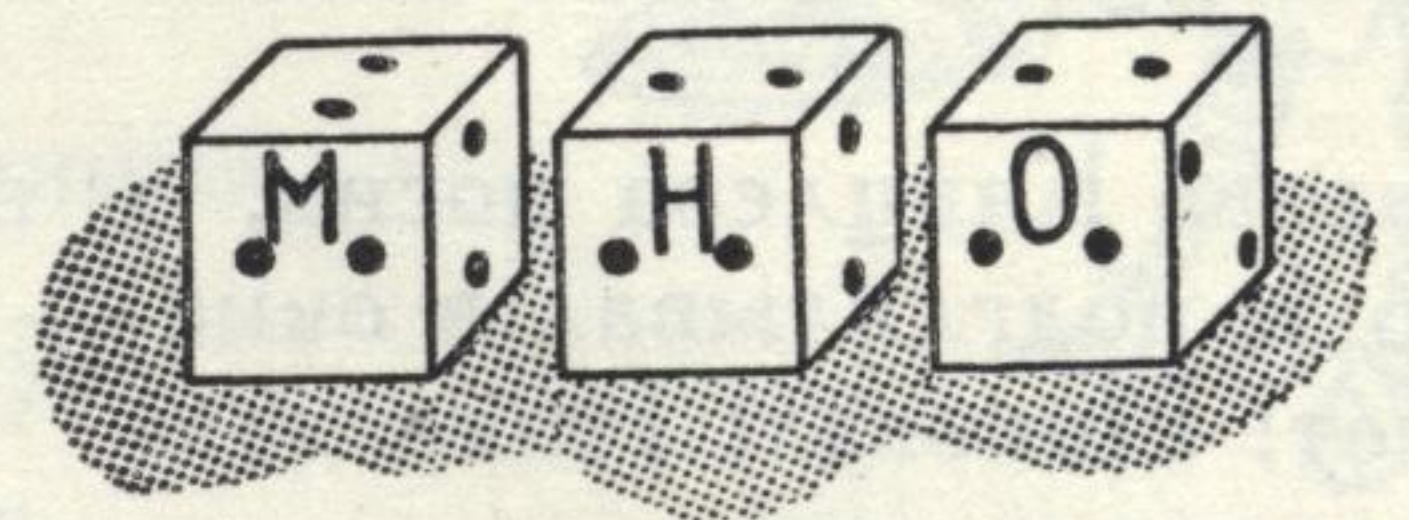
Разгадав кроссворд, запишите букву, повторяющуюся в его словах чаще всех других.

Шестая задача

Сделайте пять карточек и напишите на каждой по букве: А, Б, В, Г, Д. Сложите их в пачку так, чтобы на верхней была А, на нижней — Д.

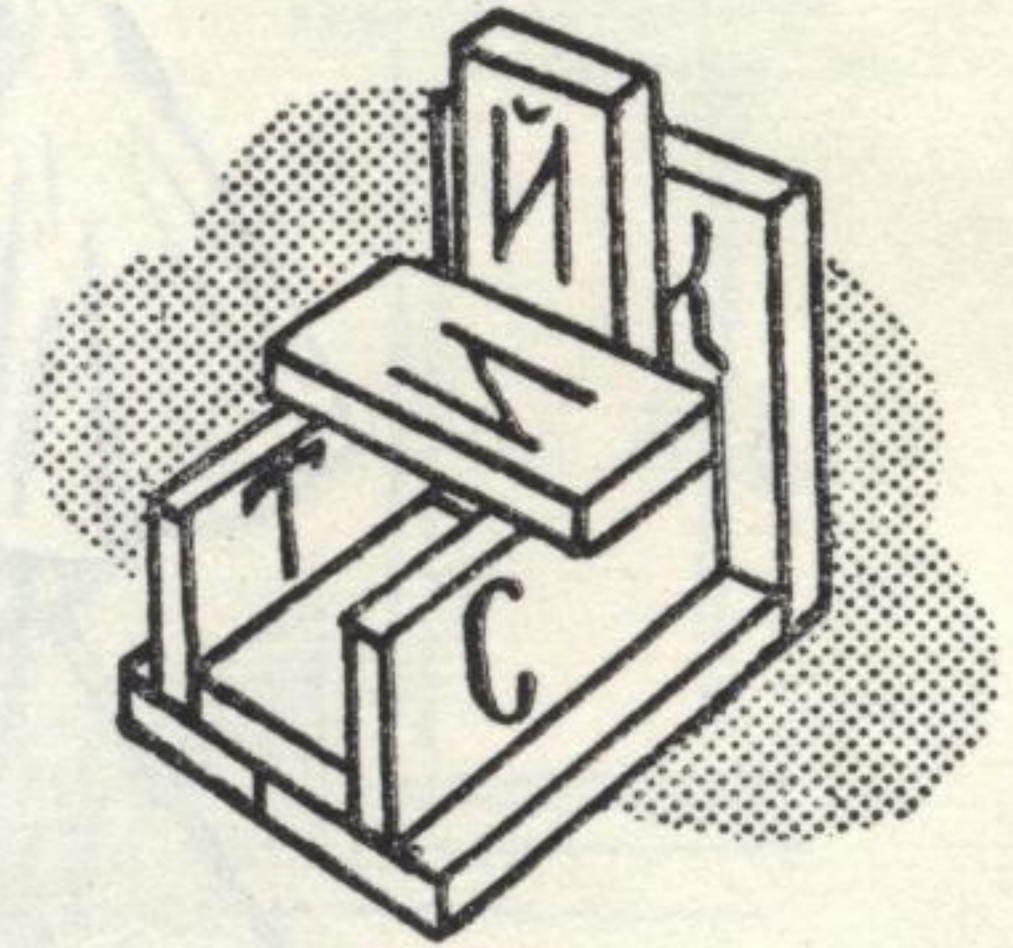
Теперь разложите карточки на стол, делая это так: первую положите на стол, вторую — под низ пачки, третью — на стол, четвертую — под низ... Вам нужна буква на карточке, которую вы положите на стол последней.

Седьмая задача

Эти кубики сделаны из одного и того же материала. В каждом просверлено шесть сквозных отверстий.

Внимательно рассмотрите рисунок, подумайте. Вам нужна буква на самом легком кубике.

Восьмая задача

Девять косточек домино сложены так, как показано на рисунке. Найдите косточку, соприкасающуюся с восемью другими, и запишите ее букву...

ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Сделайте восемь карточек, напишите на них все найденные вами буквы и сложите в пачку так, чтобы первая найденная буква была сверху, под ней — вторая, и так до восьмой, которая будет нижней.

Разложите карточки на стол точно так же, как вы делали это в шестой задаче. Напишите на почтовой открытке найденное вами слово, а также ваше имя, фамилию, домашний адрес и пришлите в редакцию.

ЮПИТЕРЫ ОСВЕЩАЮТ СКАЗКУ

Загримированный и одетый для съемки, он сидел за столиком в центре съемочного павильона.

В павильоне было жарковато. Вокруг Баталова что-то настраивали люди в рубашках и в легких курточках, а на нем был шерстяной костюм с жилетом и драповое пальто. Рядом стоял гример и подрисовывал морщинки на лице актера.

Гасли и зажигались осветительные приборы. Прокладывали рельсы для тележки с кинокамерой. Режиссер репетировал с артистами. Прошло два часа. Наконец-то все было готово для съемки.

— Внимание! Мотор! — скомандовал режиссер.

Оператор припал к кинокамере. Застрекотал механизм. Баталов встал, посмотрел в лицо подошедшему актеру.

И все. Съемка продолжалась несколько секунд. Ради этого собраны были десятки людей, два часа подлаживались юпитеры, терпеливо ждал Баталов в своих душных одеждах.

И я вытащил свой блокнот.

— Вы из «Костра»? — переспрашивает Баталов, — обождите-ка, обождите.

Он что-то припоминает, шевелит губами, как будто подсчитывая про себя. Наконец говорит:

— Ну да, ровно десять. Десять лет тому назад, когда я снимался на этой же студии в фильме «Дорогой мой человек» у Иосифа Ефимовича Хейфеца, на съемки пришли сотрудники «Костра».

— И тогда же в «Костре» напечатали то, что они услышали от вас. Помните — «Первая съемка»? Значит, эту беседу можно считать юбилейной. 1958—1968.

— С чего мы начнем? — спрашивает Баталов.

— Пожалуй, с той из ваших работ, что так хорошо знают ребята. С фильма «Три толстяка».

В прошлом году вышел на экраны фильм «Три толстяка». Я участвовал в сочинении сценария фильма, исполнял роль гимнаста Тибула и в довершение всего работал вместе с Иосифом Шапиро над самой постановкой.

Много лет я думал об этой работе. Память о замечательной сказке Юрия Олеши не покидала меня никогда. Оружейник Просперо, Тибул, Суок притаились и долго жили вместе со мной, иногда я даже не замечал их. Но всегда мне казалось, что они могут стать и героями экрана. Я говорю «и» потому, что задолго до нас «Три толстяка» уже были и оперой, и балетом, и радиопостановкой.

И вот наша работа началась. Еще в самом ее начале,

когда за пишущей машинкой мы обсуждали сцены будущего фильма, мы представляли себе яркие краски, стремительные погони, захватывающие приключения; и, конечно, догадывались — добиться всего этого будет трудно.

Но только когда начали съемки, стало ясно, сколько непредвиденных трудностей собралось на нашем пути. Цвет, широкий формат, обширные массовые сцены, дети, тигры, драки, стрельба — все это надо было соединить в одной картине.

В окончательном варианте фильма нет комбинированных съемок (один, всего один кадр боя, как говорится, не в счет). Прочих кинотрюков тоже нет. И даже не потому, что мы не хотели. Просто широкий фор-

мат и цвет оказались строже, нежели узкая черно-белая пленка. Многие из того, что в «обычном» кино можно сделать чисто, на огромном широкоформатном экране оказывается явной подделкой.

Наша Лина Бракните, исполнительница роли Суок, ежедневно участвуя в съемках, еще и училась жонглировать горящими факелами. Чтобы постичь эту науку, потребовались месяцы, а в картине она поет и бросает факелы, может быть, минуту или две. Но зрители видят, что это она, Лина, делает сама. И, конечно, для роли цирковой девочки это дороже любого самого головокружительного трюка, исполненного другой артисткой и снятого издали.

НА ФОТОГРАФИЯХ
кадры из фильма
„Три толстяка“

...В это время на наш столик, а мы беседовали в буфете киностудии, поставили кофе. Баталов поднес чашку ко рту и в разговоре нашем наступила пауза. Я перевернул несколько страничек своего блокнота и увидел вот какие записи,

...Попробуем сравнить события в книжке и события на экране. Юрий Олеша в главе «Площадь Звезды» написал: «Тибул дошел по карнизу до того места, где начиналась проволока, отделился от стены и двинулся по проволоке к фонарю.

Он шел то очень медленно, то вдруг пускался почти бегом, быстро и осторожно переступая, покачиваясь, расправив руки. Каждую минуту казалось, что он упадет... Внизу была пропасть».

Тот, кто видел фильм, помнит: на полпути Тибула канат обрывается, но Тибул успевает схватиться за него и, раскачиваясь на обрывке каната, забирается на балкон стоящего на краю площади дома.

Целый год учился Баталов искусству хождения по канату и прочим цирковым наукам. Однако на съемках вместе с ним те же самые трюки проделывали и профессиональные циркачи. Быть может, у них что-нибудь получится лучше, эффект-

нее, чем у Баталова, и фильм только выиграет от такой подмены? Примерно так думали постановщики фильма.

Нет, съемки дублеров (людей, заменявших Баталова) в фильм не вошли. Как только камера подбиралась поближе к растянутым над площадью Звезды канатам и лицо балансирующего над пропастью артиста можно было различить, в ту же секунду трюк терял всякий смысл.

...Я хотел было продолжать этот рассказ по своим старым записям, но Баталов допил кофе и вновь заговорил. И я с удовольствием закрыл блокнот, слова Баталова были куда интереснее.

Итак, Баталов заговорил.

Мы работали над сценой, которую Юрий Олеша назвал «Удивительные приключения продавца воздушных шаров». В книжке об этом приключении написано так:

«В одном месте по причине ветра случилось совсем невероятное происшествие: продавец детских воздушных шаров был унесен шарами на воздух. Он летел над городом, повиснув на веревочке, к которой были привязаны шары. Высоко в сверкающем синем небе они походили на волшебную летающую гроздь разноцветного винограда.

— Караул! — кричал продавец, ни на что не надеясь и дрыгая ногами».

Мы понимали, как опасно болтаться актеру на тоненьком тросе под шарами. Поэтому мы заранее разыскали замечательных мастеров, которые соз-

дали уникальную куклу, в точности повторяющую размеры и облик нашего актера Корноухова, исполнителя роли продавца воздушных шаров. Да, кукла была уникальной, и вот почему — величиной она была с нормального взрослого человека, и одета была в костюм и башмаки, а весила при этом один килограмм. При этом тончайший механизм позволял ей в воздухе поворачивать голову и дрыгать ногами.

Мы забрались на самое высокое место Таллина, города, в котором шли съемки. Снизу, из далекого ущелья таллинской улицы запускали нашу куклу на тоненькой леске от спиннинга.

Пока пробовали, приноравливались — казалось, все сойдет благополучно. Но вот начались съемки. В это время незаметно для нас ветер пере-

менился и, когда кукла появилась над крышами, ее отнесло в сторону. Леска зацепилась за острый край крыши и через секунду ее отрезало, точно ножом. Кукла, к великой радости зевак, понеслась над городом. Мы смотрели ей вслед и понимали, что упустили все, о чем мечтали. За оставшиеся дни лета построить другую такую куклу было просто невозможно.

И тогда, чтобы хоть как-то восполнить пробел, актер Корноухов согласился сделать то, что вы видели в фильме. Он сам, привязанный к тонкому стальному тросу, вцепившись в веревку с шарами «летал» над Таллином.

Так «живьем», «по правде» снимались и актеры, убежавшие в парке от тигра, и драки, и все решительно.

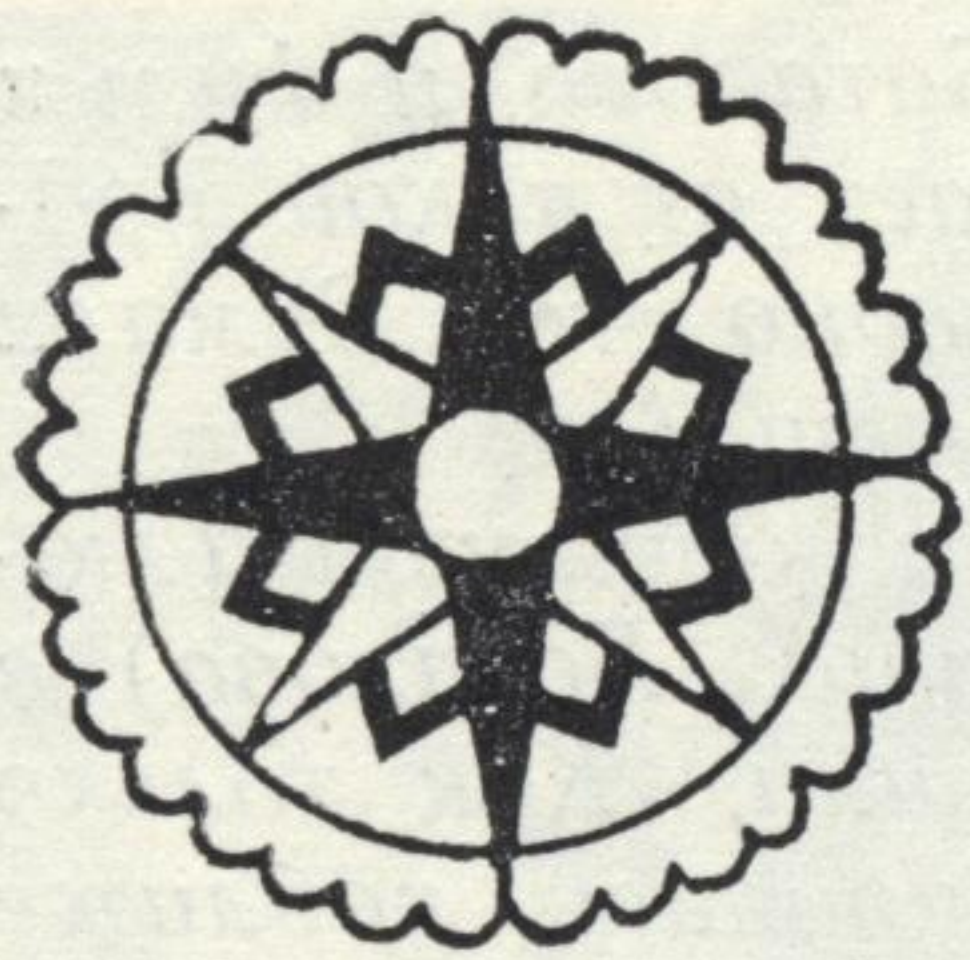
Баталов снова поднес к губам чашку, допил последний, уже остывший глоток кофе, задумался. Мне показалось, он хочет сказать еще что-то. Но к нам уже шел ассистент режиссера, нервно показывая на часы. Баталову было пора возвращаться в павильон. Он встал, попрощался.

Какие повороты, какие капризы кинематографа ждали его через час, через минуту? Ведь неожиданностей на этой дороге, залитой ослепительным светом прожекторов, ничуть не меньше, чем на потаенной тропе кругосветного путешествия.

Когда я проходил мимо закрытых дверей съемочного павильона, там уже горело красным предупреждающим светом табло: «Идет съемка!»

Ежедневное путешествие Алексея Баталова продолжалось.

Беседу с А. Баталовым вел корреспондент «Костра» Евгений Рейн

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

В новогодний вечер капитан Быстроходов и боцман Румпель сидели в редакции и рассказывали разные необыкновенные морские истории.

— Что же вы это все про море и про море? — спросили их журналисты. — Рассказали бы что-нибудь интересное про вещи не морские, сухопутные.

— Можно и про сухопутные, — сказали бравые моряки. — Вам про что?

— Про ведро... Про балкон... Про бульдозер... — сказали журналисты. Они назвали предметы, которые пришли им на ум первыми.

— Можно и про ведро, и про балкон, и про бульдозер! — согласились капитан и боцман и рассказали три такие истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ — ПРО ВЕДРО

— Один мой приятель, — сказал капитан Быстроходов, — работал в институте, где изучали морских животных. Однажды им привезли небольшого осьминога. Ученые посадили его в аквариум. Аквариум был заткнут пробкой и стоял на ножках посреди пустой комнаты. Кроме аквариума, в комнате было только ведро с водой — в углу.

Посадили ученые осьминога в аквариум и ушли. Приходят — нет осьминога. Стали искать, а он — в ведре.

— Ага! — думают ученые. — Это ты по стенке вылез? Закроем тебя сеткой.

Закрыли аквариум сеткой. Опять ушли. Возвращаются — снова никого в аквариуме нет. Посмотрели в ведро — осьминог там.

Стали гадать: как он мог вылезти? Посадили осьминога назад в аквариум под сетку и стали в дверь через щелочку наблюдать. А осьминог нашел под сеткой узенькую щелку, просунул в нее кончик руки и стал плющиться, протискиваться в щелку. Протиснулся, снова раздулся до нор-

мальной величины и скорее к ведру!

Видят ученые — ничем не остановить осьминога. Взяли и поста-

вили ведро в аквариум. Осьминог сразу к нему — шаст! Залез и сидит, только глаза блестят. Оказалось, осьминоги очень любят в ведрах, банках, трубах селиться.

Так в этом ведре он и жил..

— Пойдите! — сказали журналисты. — При чем тут ведро? Это же история про осьминога!

— Не знаю! Не знаю! — сказал капитан Быстроходов.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ — ПРО БУЛЬДОЗЕР

— Однажды на Охотском море, — сказал боцман Румпель, — зашел в реку кит. Реку от моря отделяла песчаная коса. Так вот он во время прилива через эту косу перемахнул, а обратно — никак. Рядом — рыбачий поселок. Шум в поселке поднялся! Все жители на берег сбежались. Отлив — коса все выше из воды выходит. Осыхает кит.

А в это время в поселке дорогу ремонтировали. Бульдозер рабо-

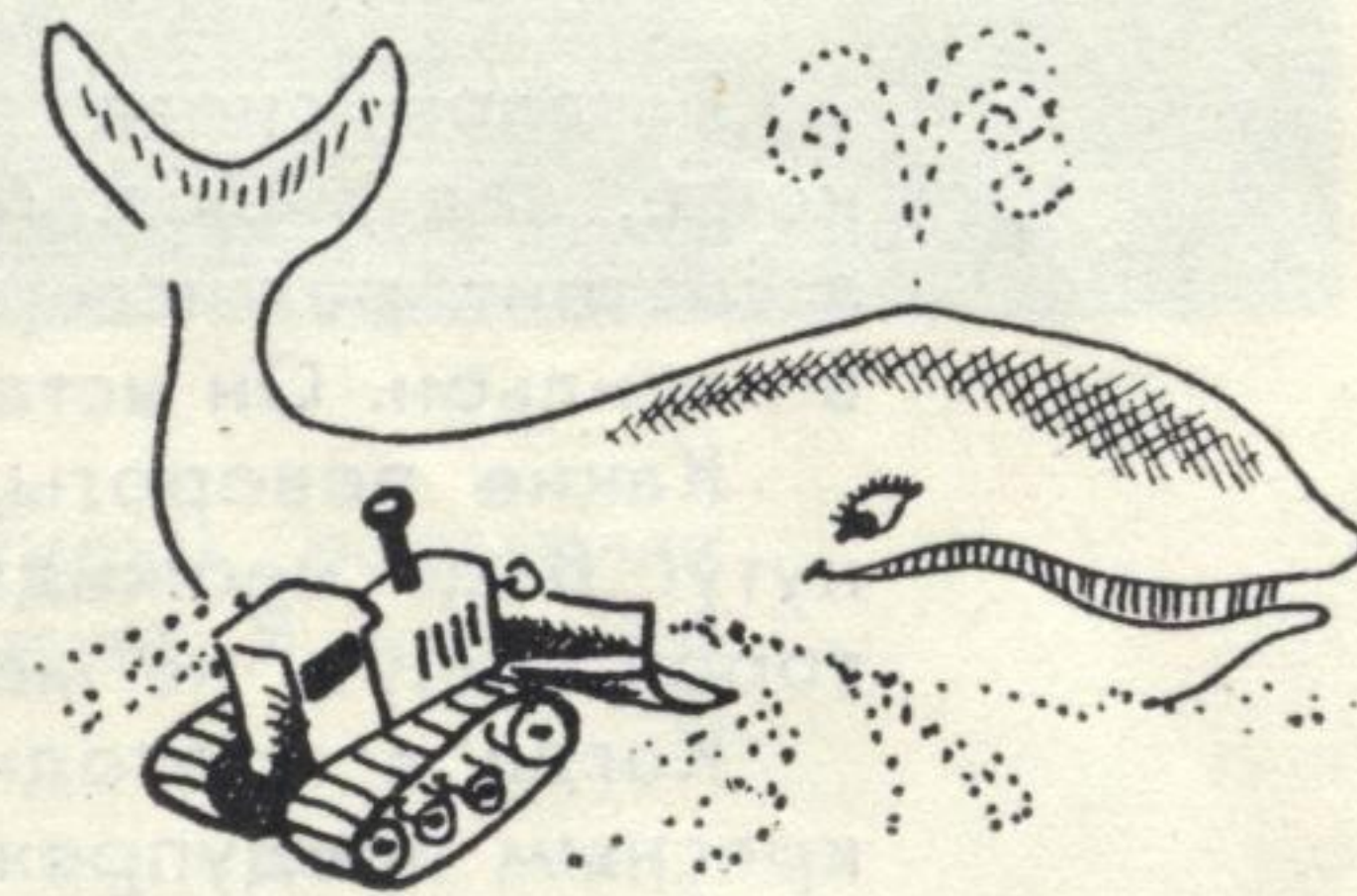
тал. Бульдозерист и говорит: «Давайте, — говорит, — я вам кита поймаю! Пока моря нет, пока отошло оно, я под кита песку насыплю. Совсем сохнет, его руками возьмем! Амба... Главное веревоч побольше несите — за хвост его на берег тащить будем».

Сел в кабину, выехал на косу и давай песок под кита валить.

Конец киту, да ветер выручил. С моря зашел, силу набрал, пошла вода на прибыль. Тут и прилив начался. Кит с мели снялся и драла. А вот бульдозер еле вытащили. Хорошо, веревоч принесли много!..

— И это история не про бульдозер, а про кита! — сказали журналисты.

Но капитан Быстроходов уже начал следующий рассказ.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ — ПРО БАЛКОН

— В проливе Босфор, — сказал он, — который соединяет Черное море с Мраморным, дома стоят у самой воды. И вот из-за этого один хитрый торговец, турок, чуть не разбогател. Его дом стоял в самом узком месте пролива, и балкон далеко выступал вперед. Корабельный фарватер шел у самого берега, и пароходы нет-нет да задевали за балкон. И каждый раз турок подавал в суд на капитана и получал с него деньги на ремонт балкона.

Однажды мой приятель, капитан, наскочил в тумане на дом и унес на пароходном носу весь балкон.

Не дожидаясь, пока хозяин подаст в суд, капитан вызвал матросов и сказал им:

— Идите и скорее почините ему дом. Только я вас очень прошу, сделайте этому вредному турку такой балкон, чтобы он никогда больше не отвалился!

Матросы сказали «есть!» и пошли. Они вкопали в землю два железных столба и прикрепили к ним балкон, склепанный из лучших листов железа.

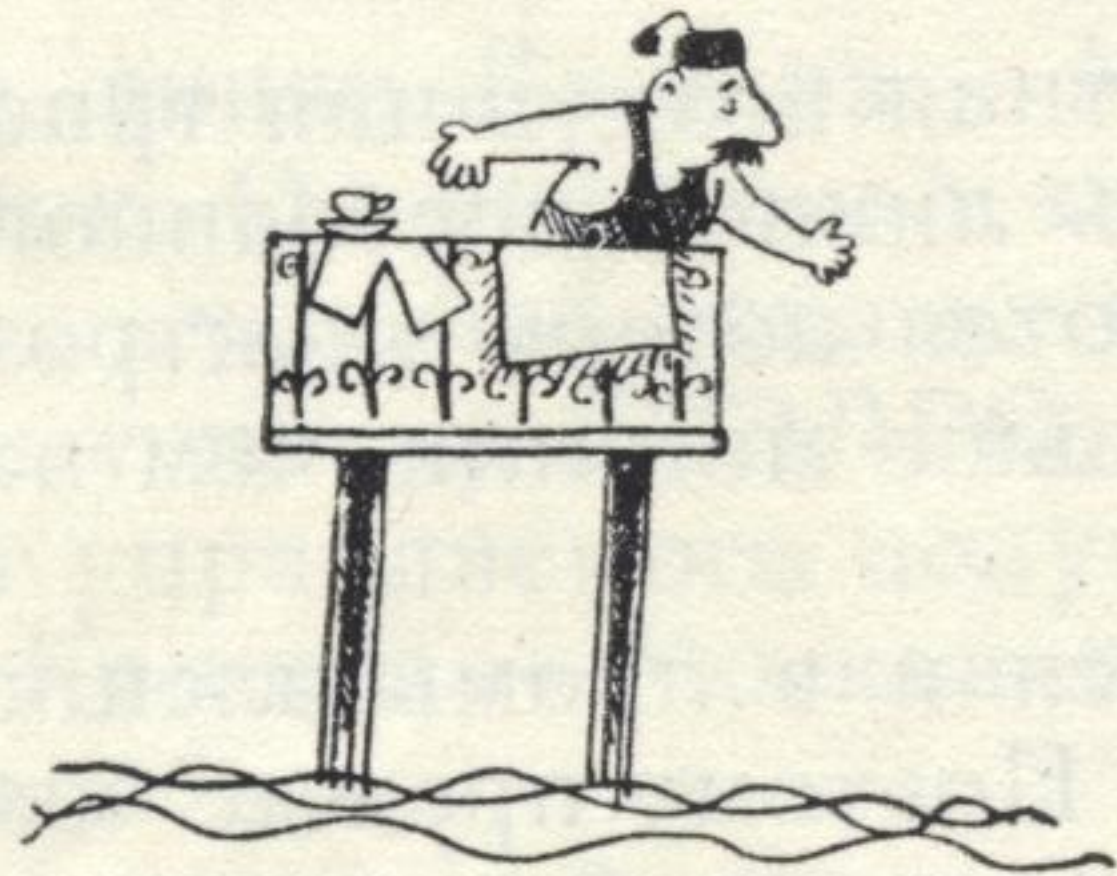
Турок не успел понять — хорошо это или плохо, как на балкон налетел новый пароход. Он ударился о балкон с полного хода и весь дом развалился на кусочки.

А балкон остался цел. Он даже не пошатнулся. Вот какой он был крепкий!

Перепуганный турок уехал в деревню, а на балконе поставили сигнальный огонь...

— Ну, вот это другое дело! — сказал журналист. Эта история про балкон. Впрочем...

И они стали спорить — что главное в истории, если она необыкновенная.

**Все выпуски
„Морской газеты“
в 1968 году
иллюстрировал
Б. Стародубцев**

Каждую новогоднюю ночь боцман Румпель и капитан Быстроходов проводили в квартире капитана.

— Я вижу, за этот год у вас в комнате ничего не изменилось? — сказал боцман.

— Вы теряете наблюдательность! — возразил капитан.

И действительно, присмотревшись, боцман обнаружил в обстановке комнаты 18 перемен.

А насколько зорки ваши глаза, морские следопыты?

ЛЭП-1500000 — НЕ ПРОСТАЯ ЛИНИЯ

Л. Крелевская

Рисунки А. Януса

Рассказ наш пойдет о самой мощной и самой дальней линии электропередачи постоянного тока — ЛЭП-1 500 000 вольт. Такой линии пока еще нет. Вернее, она есть в проектном задании, макетах, чертежах.

Зачем потребовалась такая линия? На этот вопрос отвечает директор Научно-исследовательского института постоянного тока Александр Александрович Лебедев:

— В 1970 году в СССР будет вырабатываться 850 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

К концу 1970 года Центр Европейской части нашей страны, где сейчас бурно развивается химическая промышленность, будет испытывать энергетический голод.

В то же время в Сибири и Казахстане уже теперь чувствуется избыток электроэнергии. А с вводом в действие новых мощных тепловых станций, построенных на дешевых углях Экибастуза, с пуском всех мощных ГЭС Ангара-Енисейского каскада, Сибирь и Казахстан станут гигантскими кладовыми электроэнергии.

Мы с вами окажемся свидетелями того, как впервые электростанции Азии и Европы «возьмутся за руки». Азия щедро поделится с Центром Европейской части СССР своими несметными энергетическими сокровищами. И произойдет это благодаря новой сверхмощной линии электропередачи постоянного тока.

Отправить электроэнергию в путешествие по проводам, скажем, из Экибастуза в Центр Европейской части СССР, значительно выгоднее, чем подвозить угли Экибастуза по железной дороге к электростанциям. Воздушный путь — самый дешевый и экономичный.

Электричество придется передавать на расстояние 2500—3000 километров. Это пассажир дальнего следования. Как же подготовить его в путь? Как обеспечить надежность доставки к месту назначения?

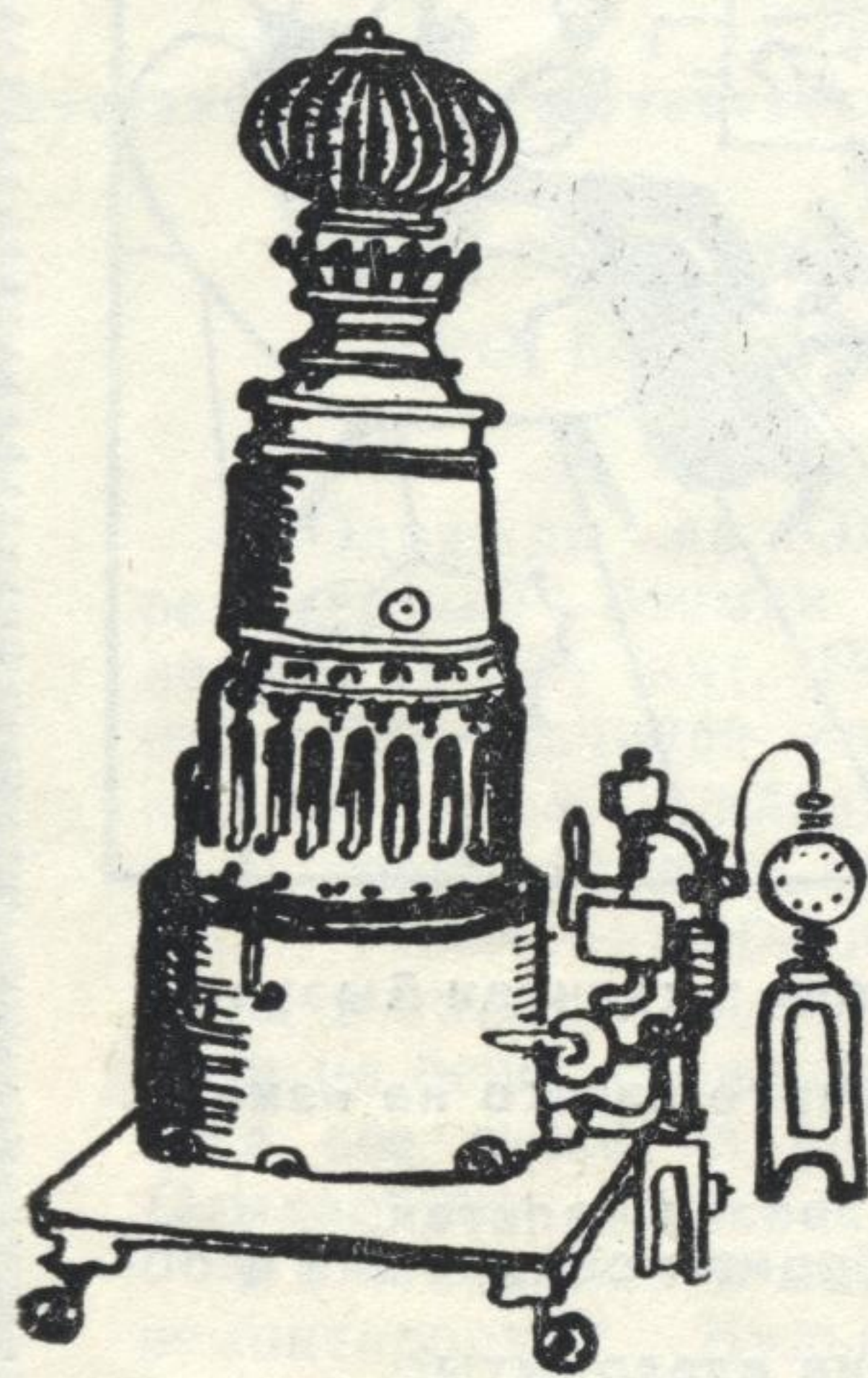
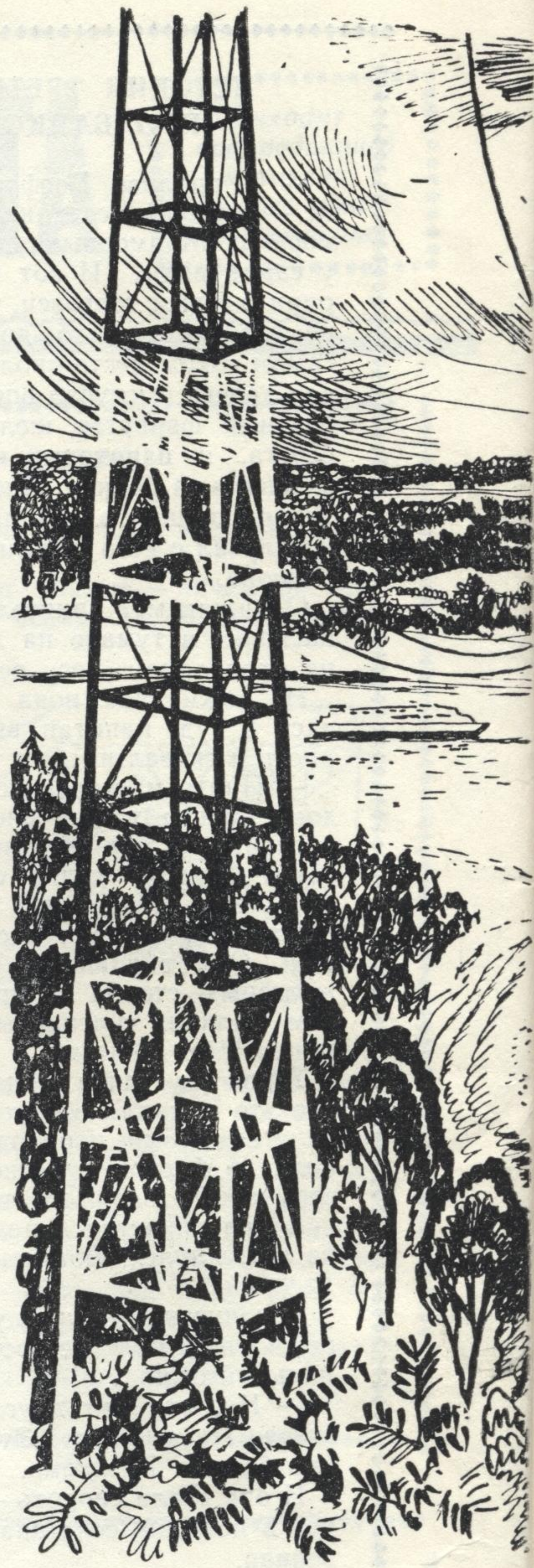
Над этими вопросами уже не один год думают ученые. Ведь первая в мире сверхмощная и сверхдальняя ЛЭП-1 500 000 будет совсем не простая линия. Здесь чуть ли не все придется делать впервые. Передаваемая линией мощность — 6 миллионов киловатт — до сегодняшнего дня считалась полуфантастической.

Но почему же эта первая высоковольтная воздушная трасса Экибастуз — Центр обязательно должна быть линией постоянного тока?

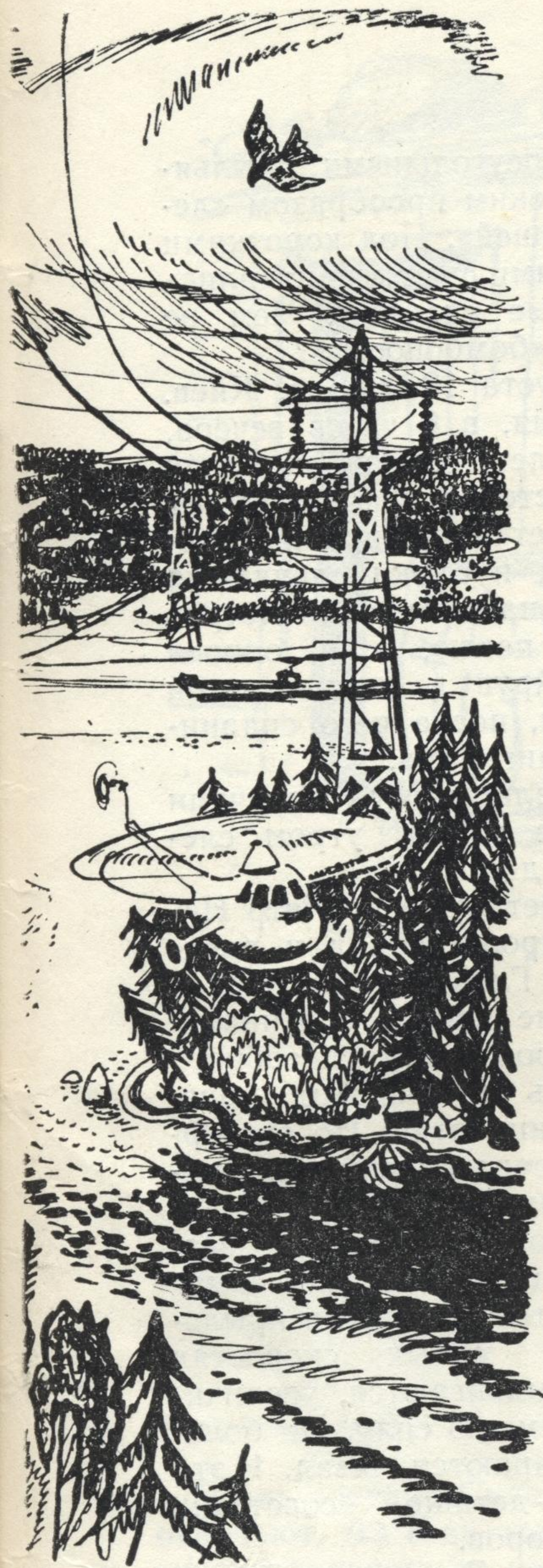
При постоянном токе резко уменьшаются потери электроэнергии. На сооружение линии идет в два раза меньше металла, чем на линию переменного тока.

Но на электростанции вырабатывается и в промышленности используется, как известно, ток переменный. Поэтому прежде чем отправиться в дальнее путешествие, току предстоит пройти через преобразовательные подстанции и превратиться в ток постоянный, а у станции назначения вновь пройти через преобразователи и стать током переменным.

«Вот в этом преобразовании тока и состоит чуть ли не основная сложность передачи», — говорит руководитель отдела преобразовательной вентильной техники Института постоянного тока кандидат технических наук Николай Иванович Лавров.

«Ртутник»

«Мысль ученых, их поиск теперь уже направлены на то, чтобы усовершенствовать процесс преобразования тока, удешевить его. Пока что в качестве преобразователей тока — выпрямителей — используются ртутные вентили, или, как мы называем их, «ртутники». Но при сверхвысоких напряжениях «ртутники» уже плохо справляются со своей задачей. А если эти капризные аппараты подведут, — представляете, что произойдет?»

В печах на металлургических комбинатах застынет металл, печи выйдут из строя, станут фабрики, на хлебозаводах перекинет тесто. Значит, на сверхмощных и сверхдальних линиях электропередачи выпрямителями тока могут быть только очень надежные аппараты.

«Здесь-то, — продолжает свой рассказ Николай Иванович, — мы возлагаем большие надежды на полупроводниковые выпрямители — тиристоры».

Будущее за тиристорами

В лаборатории полупроводниковых приборов физико-технического института имени Иоффе, которой руководят лауреаты Ленинской премии В. М. Тучкевич и И. В. Грехов, сейчас горячее время.

Как заставить каждый единичный тиристор быть выносливым, способным к нужной перегрузке? Как приспособить тиристор к работе на больших скоростях нарастания тока?

«Всемогущий» тиристор похож на голубоватый металлический стаканчик. Снизу к нему прикреплен кремниевый диск и усики проводов, весит он от силы 500 граммов. Один тиристор, как говорят, «в поле не воин». А если их будет больше ста и все они будут собраны в полупроводниковый блок?

Тиристоры в упряжке

«Построить такой блок — это примерно то же самое, что запрячь в упряжку тысячу лошадей», — полушутя-полусерьезно поясняет Николай Иванович Лавров.

— В такой упряжке все лошади должны работать очень слаженно... Каждый тиристор в блоке должен четко и бесперебойно нести службу, справляться с током и напряжением, послушно управляться».

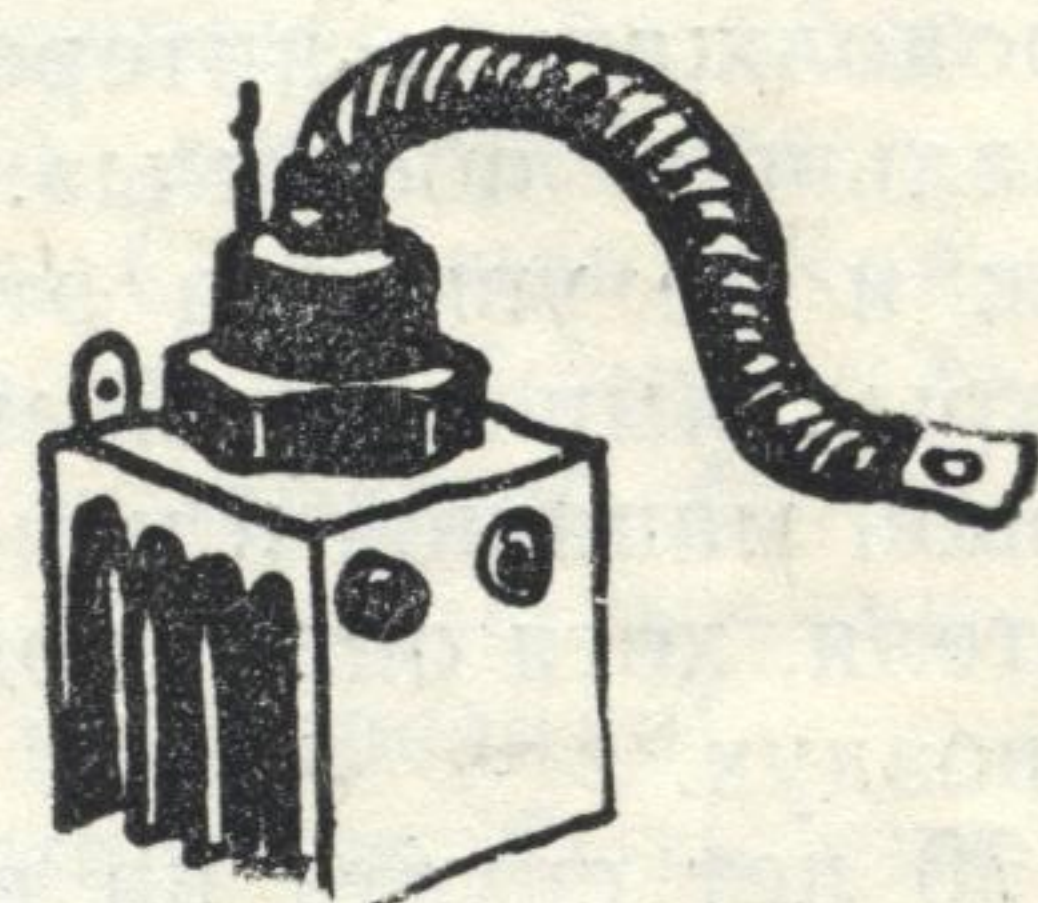
Николай Иванович вспоминает, как создавался первый управляемый полупроводниковый блок, как проходил испытания. Но вот когда этот блок поставили на высоковольтную линию Кашира — Москва, случилось непредвиденное: не проработав и дня, блок вышел из строя. Неудача? Да, но ученые постарались устранить причины аварии и подготовили второе испытание. Второй управляемый блок не подвел.

На линии Кашира — Москва действует первый полупроводниковый блок. Он выдержал экзамен на «отлично».

Радостно, что одна из первых, созданных в нашей стране по Ленинскому плану ГОЭЛРО, электростанций, работает по-новому. Ведь пуском управляемого полупроводникового блока на линии электропередач Кашира — Москва начинается новая эра в энергетике нашей страны.

И совсем уже недалеко время, когда могучие металлические опоры мачт поднимут на своих плечах новую сверхмощную и сверхдальнюю линию постоянного тока...

Будет сделан еще один решающий шаг на великом пути от Ленинского плана ГОЭЛРО к Большой энергетике. С новой силой зазвучат слова, сказанные Владимиром Ильичем в декабре 1920 года на Восьмом Всероссийском съезде Советов: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Один тиристор

Умеет ли человек летать?

В конце прошлого века русский контр-адмирал А. Ф. Можайский построил первый «воздухоплавательный снаряд тяжелее воздуха». Вот он на чертеже: легкая лодка — гондола, хрупкие крылья, обтянутые шелком и... паровые машины в качестве двигателей. Что поделаться, бензиновый мотор еще не был изобретен. Громоздкий аппарат разбежался по наклонному настилу, неуклюже подпрыгнул, накренился и... сломал крыло. Человеку не довелось подняться на нем в воздух.

Прошло 80 лет. Воздушный пассажирский лайнер ЯК-40 пролетает тысячи километров без посадки. Люди обогнали птиц. И все-таки полет птиц свободнее скоростного самолета. Птица захотела и остановилась в воздухе, повисла на одном месте... С глубокой древности известны попытки создать машины для «летания инструментального». Сохранились записи Петербургской Академии наук об «аэродромной машине» Ломоносова.

Один проект начала XIX века приведен на нашем чертеже.

Французский конструктор Леже соорудил аппарат с двумя громадными винтами.

В обстановке строжайшей тайны строился в 1896-97 годах удивительный аппарат «АВИОН-III». Военный министр, осмотрев первую модель «летучей мыши», заявил: «Эта машина — разведчик и воздушный бомбоносец. Опыты нужно продолжать в интересах национальной обороны». Публика так и не увидела эту машину с крыльями летучей мыши и паровой машиной в качестве двигателя, хотя она и поднималась

тели с треугольными крыльями — далеким прообразом «летучих мышей». Под короткими плоскостями у них притаились реактивные снаряды. Чем не машина «бомбоносца»?

27 августа 1913 года. Киев.

«Сегодня, в 6 часов вечера, военный летчик 3 авиационной роты Нестеров в присутствии других летчиков, врача и посторонней публики сделал на Ньюпоре на высоте 600 метров мертвую петлю, т. е. описал полный круг в вертикальной плоскости, после чего спланировал к ангарам».

Эту телеграмму получили столичные газеты утром следующего дня.

За 10 лет до этого Петр Нестеров спроектировал и представил в Главное инженерное управление проект оригинального аэроплана, способного подражать природным приемам летания птиц. Но экспертиза не сочла проект заслуживающим внимания.

Новинкой последнего воздушного парада явились самолеты со стреловидными крыльями. На малых скоростях крылья выдвигаются, увеличивая подъемную силу. На больших — убираются назад. И эта машина — детище советских конструкторов.

Испанцу Доменико Гонзалесу — герою фантастического романа английского писателя Ф. Годуэна — вряд ли было достаточно удобно на лебединой упряжке. Тонкая перекладина вместо комфортабельного кресла современного самолета! И все-таки почему с таким вниманием смотрят на человека, за плечами которого ранец? Потому что мечта летать, как птица, все еще не осуществлена.

70 лет спустя на воздушном звуковые реактивные истреби-

А. Томили

ЗНАМЕНИТОСТЬ

РАССКАЗ

Мирза Давыдов

Рисунки Н. Муратова

Очень горевал Сулейман, что ребята его не отличают. Да и за что? Учится он средне. Мускулов больших не нарастил. Скоро ему одиннадцать исполнится, а он даже на самолете ни разу не летал...

А кругом одни знаменитости живут. И в школе их полно. Алил вместе с папой в Москве побывал и по Кремлю расхаживал. Максуд в кружке юннатов какое-то открытие сделал. Шапи отправили в новую аульскую больницу и вырезали аппендицит. Везет же людям!..

Долго думал Сулейман, как бы ему тоже знаменитым стать. Не простое это дело. За что ни возьмись — обязательно тебя кто-то уже обогнал...

Что, если изобрести лекарство от головной боли?

Поздно. Кто-то уже изобрел — уж не человек ли по имени Пирамидон?

А может, взять мамин зонтик, приспособить его вместо парашюта и спрыгнуть с крыши кузницы?

Тоже поздно. Рыжий Гасан совершил такой подвиг еще в прошлом году.

Или — заболеть? Хорошо бы — заболеть! Ты лежишь в белой палате, а вокруг суетятся доктора, мама и бабушка пичкают тебя яблоками и персиками, каждый день ребята из школы прибегают: «Ну как, Сулейман? Красиво у вас здесь! А уколов ты не боишься?»

Нет, не удивишь сейчас товарищей болезнью! Надо было раньше о ней думать — когда Шапи еще аппендицит не вырезали!..

Совсем отчаялся Сулейман: не быть ему знаменитым! А тут вдруг купила ему мама

книжку про цирк, и в той книжке рассказывалось, как один мальчик с помощью долгой тренировки стал «гуттаперчевым». Он делал со своим телом что хотел. Мог укусить локоть. Мог стоять на руках. Мог достать ногой попеременно то до левого, то до правого уха...

И только Сулейман прочел это, как его осенила счастливая мысль: он станет «гуттаперчевым» мальчиком!

Теперь после школы Сулейман не спешил на футбольное поле, где его товарищи без устали гоняли мяч. Вылазки в чужие огороды и на бахчи тоже его не прельщали. Все свое свободное время он отдавал тренировкам.

Четыре дня он тщетно старался укусить свой локоть. Но то ли руки у Сулеймана оказались чересчур длинными, то ли зубы слишком короткими, — выполнить это упражнение не удалось.

Опечалился он. Но, может, со вторым упражнением повезет больше?

Прежде всего, надо было найти место для тренировок. Сулейман выбрал старый сарай, что стоял за домом. Почему сарай? Во-первых, боялся, что в саду бабушка его увидит. Во-вторых, надо же куда-то для равновесия ногами упираться? А в сарае это удобно.

Поставил Сулейман руки на землю, оттолкнулся ногами, подбросил их вверх и со всего размаха опустил на стену сарая...

Трр-рр-ах! — это лопнула прогнившая доска. Ноги Сулеймана проскочили в образовавшуюся дыру и намертво застряли там, словно схваченные тисками. Теперь он просто-напросто висел вниз головой.

Сулейман терпел пять минут, десять, наконец не выдержал и закричал:

— Бабушка! Бабушка! — сначала тихо, а потом громче. — Бабушка! Бабушка!

В саду было тихо.

— Баааа-буш-каааа! — заорал Сулейман, чувствуя, что ноги сводит острой судорогой.

Послышались быстрые шаги — это бабушка вышла из дома. Она подошла к сараю и остановилась в оцепенении. Что такое, почему из дырки торчат ноги Сулеймана?

А ноги Сулеймана она узнала по ботинкам, измочаленным в беспрестанных футбольных сражениях.

— О аллах, — запричитала она, не в силах оторвать взгляда от лопнувшей подметки. — во что этот гяур превратил новые ботинки!

Потом, опомнившись, воскликнула:

— Боже мой, Сулейман, где твоя голова?

— В сарае! — заверещал Сулейман. — Ой, бабушка, умираю! Быстрее раздвинь доски!

Бабушка раздвинула доски, и Сулейман брякнулся на землю.

— Косточки целы? — жалобно спросила бабушка.

— Целы, — ответил Сулейман, разглядывая длинные царапины на ногах.

— А штаны порвал! — вскрикнула бабушка. В голосе ее почти не ощущалось злости. Больше было ликования. Казалось, она даже гордится тем, что сумела разглядеть такую маленькую дырочку на штанах внука. — Смотрите, люди! — Бабушка обернулась к деревьям, словно приглашая их разделить ее горе и обиду. — Одежда горит на моем внуке! Ботинки горят! Штаны горят! А разве это даром достается? О аллах, обрати гнев свой против футбола!

Бабушка еще долго жаловалась аллаху на недочеты сегодняшнего мира, а это означало, что папе и маме она жаловаться не будет.

Неудача не обескуражила Сулеймана. На следующий день он снова взялся за тренировку. Теперь у него остался последний шанс — надо научиться доставать ногой до уха!

За сараем была полянка. Вот тут Сулейман и принялся упражняться.

Он уселся на землю, взял правую ногу двумя руками и потянул ее к левому уху. Раз попробовал, еще раз, — не гнется нога, хоть ты что!

«Может, ее насильно надо гнуть?» — подумал Сулейман.

Нажал посильнее. Всего капельку и не хватает, чтобы большой палец прикоснулся к уху!

Даже вспотел Сулейман. А тренироваться надо — без тренировки «гуттаперчевым» мальчиком не станешь — это уж точно!

Посидел, отдохнул и снова за ногу взялся. И, может быть, на сотый раз косточки смягчились, и Сулейману удалось достать правой ногой до левого уха. Он себе не поверил: удача!..

Еле дождался Сулейман завтрашнего дня. Раньше всех в школу прибежал. Сидит и смотрит на дверь: когда же товарищи появятся?

Вот наконец появился Алил. За ним — Максуд. А тут и Шапи подоспел — про него в рассказе тоже говорилось, это у него в местной больнице аппендицит вырезали.

В общем, все знаменитости третьего «б» собрались.

— Здорово, ребята! — сказал Сулейман.

— Здорово, — недружно ответили знаменитости.

— А вот я спросить у вас хотел, — начал Сулейман, — кто может достать правой ногой до левого уха?

Алил, Максуд и Шапи так и застыли. Лица

у них были растерянные. Сулейман торжествовал: что, задал я вам задачку?

Но вот Алил бросил портфель на парту, присел около учительского стола и стал тянуть правую ногу, загибая ее к левому уху.

— Давай, давай! — подбадривали его Максуд и Шапи. — Еще немного!..

Алил задыхался. На лбу его выступил пот.

— Больше не могу, — сказал он, вздыхая и поднимаясь на ноги.

— Я говорил, слабó! — усмехнулся Сулейман. — Чтобы так сделать, год тренироваться надо!

— Ничего, — сказал Максуд, — мы и без тренировок это осилим. — Он шлепнулся на пол и, выпучив глаза, потянул свою ногу вверх.

— Давай, давай! — болели за него Алил и Шапи. — Ну, капельку еще!

Максуд был красный, как кумачовый плакат со словами «Добро пожаловать!», что вывешен у ворот школы. Потом он стал лиловым, как осенняя слива.

— Уже близко! — радовался Алил. — Нажимай, Максуд! Не жалей свою ногу!

— Я не жалею, — прохрипел Максуд.

Остался какой-нибудь сантиметр, и он добился бы удачи. Но этот сантиметр был роковым — Максуд с ним не справился.

— Не выйдет, — отчаявшись, сказал он. — Живот мешает. Если б я утром галушек не поел — вышло бы!..

— Теперь моя очередь! — разгорелся Шапи. — Смотрите, ребята!

— Ну, глядим, — лениво сказал Сулейман. — Думаешь, если тебе аппендицит вырезали, так ты ногой до уха дотянешь?!

— Достану! — Шапи сел на пол. — Умру, а достану!

Он схватил свою ногу и стал тянуть ее с таким ожесточением, будто имел дело со смертельным врагом.

— Э-ээ! — напряглся он.

Алил и Максуд не выдержали, запрыгали вокруг Шапи, крича:

— Жми! Дави! Тяни!

Потом Максуд наклонился к Шапи и сказал:

— Если дотянешь, я тебе яблоко отдам, которое мне мама на завтрак положила!

Шапи остановился.

— Правда, отдашь?

— Честное-пречестное! — обещал Максуд.

— Ладно, — сказал Шапи и с новыми силами стал тянуть ногу к уху.

И он дотянулся — видно, Максудово яблоко ему помогло.

Сулейман опустил голову. Как же так, выходит, чтобы быть «гуттаперчевым» мальчи-

ком — не обязательно тренироваться? Шапи ведь не тренировался...

Он взял себя в руки. Не надо падать духом, еще не известно, кто кого. Он поднял голову, встретился глазами с Шапи и сказал как можно спокойнее:

— Подумаешь, достал! Я так тыщу раз могу! — Он быстро уселся на пол и трижды коснулся правой ногой левого уха. — Видел? А ты попробуй достать правой ногой до правого уха!

— Скажешь, у тебя получится? — спросил Шапи.

— Получится! — не отступал Сулейман. — Смотрите, ребята...

Он глубоко вздохнул, потом взялся за ногу. К правому уху она шла неохотно. Не зря, видно, в той книге про цирк говорилось, что достать правой ногой левое ухо легче, чем правое...

А Максуд между тем отдал яблоко Шапи, и тот принялся громко грызть его. Он грыз и выжидающе глядел на Сулеймана, готовясь в следующую секунду закричать что-нибудь обидное.

«Назло вам всем достану!» — подумал Сулейман и что есть силы рванул ногу вверх.

И тут в животе у него раздалось: брээ-э-эк!

Ребята замерли. Лица у них побледнели. Сулейман заметил перемену в товарищах и побледнел сам.

— Что там у тебя в животе брэкнуло? — тихо и настороженно произнес Алил.

Шапи почесал затылок.

— Кишка у него брэкнула, — вымолвил он. — Точно — кишка!

Хирургическая операция по удалению аппендикита не прошла для него бесследно. За время пребывания в больнице он набрался медицинских знаний.

— Ты думаешь, кишка? — спросил Максуд, глядя на Шапи с почтением.

Шапи важно кивнул головой, будто врач у постели больного.

— Кишка! — Он с жалостью поглядел на Сулеймана. — Теперь тебя в больницу повезут, живот разрежут и будут сшивать кишку... А знаешь, надо очень следить, чтобы хирург вынул все инструменты из раны. Бывает — не вынимают. Ходит человек, а у него в животе инструменты гремят. Смехота!

Но Сулейману не было смешно. В груди у него похолодело. Он попытался встать, и вдруг почувствовал, что ноги стали ватными, неустойчивыми.

— Сулейман, у тебя живот болит? — спросил Алил.

— Болит. Жутко болит!

Сулейману действительно казалось, что живот его разрывается на части. И не только живот — болело и ныло все тело!

— Ой! — вырвалось у него.

В этот момент дверь распахнулась и на пороге появился Гасан, который в прошлом году прыгал с кузницы, используя мамин зонтик в качестве парашюта.

— Что с тобой? — спросил он у Сулеймана.

— Кишка лопнула, — объяснил Шапи.

Глаза у Гасана изумленно блеснули.

— Эй, ребята! — заорал он, высунувшись в коридор. — Сулейман умирает! У него кишка лопнула!

Через секунду около Сулеймана был весь третий «б». Ребята смотрели на прилипшего к полу больного с жалостью и интересом. Кто-то предложил ему яблоко. Кто-то сунул в руку кусок свежего овечьего сыра.

Наконец-то Сулейман стал знаменитостью! Он так мечтал об этом! Он переплюнул всех — Алила, Максуда, Шапи и Гасана!

Но, честно говоря, это сейчас не радовало его. Наоборот. Ему до смерти не хотелось ложиться в больницу. Ему было до слез жалко кишку, которая лопнула, — чем ее теперь заменить? Кишка, как и ботинки со штанами, даром не дается!..

«И зачем я взялся за эти глупые упражнения? — думал Сулейман, прислушиваясь к зловещей тишине в животе. — Какая польза была от того, что я достал бы правой ногой до правого уха?»

Затренькал звонок, возвещая начало уроков. В класс вошел учитель, Гамзат Даудович, и ребята бросились по местам. Лишь Сулейман, бледный, как стена, с каплями холодного пота на лице, продолжал сидеть на полу.

— А ну, вставай, Сулейман! — сказал учитель. — Садись за парту.

— Он не может! — хором ответил класс. — У него кишка лопнула.

Шапи встал, присосанился и пустился в объяснения:

— Он хотел правой ногой до правого уха дотянуться. Закрутил какую-то важную кишку, а она — брэ-эк! — и оборвалась!..

Гамзат Даудович шагнул к Сулейману. Он наклонился и быстрым движением руки пощупал живот больного.

— А кишка-то — вот она! — смеясь,

сказал он и поднял над головой обрывки лопнувшего пояса Сулеймана. — Вставай, а то, сидя на холодном полу, действительно заболеешь!..

Сулейман в одно мгновение был на ногах. Как хорошо, что он жив и здоров!

Он стал прежним — просто Сулейманом. Не очень везучим, далеко не первым учеником в классе, но все-таки — с целой кишкой!

Без печали простился Сулейман со своей неожиданной славой. Такая ему была не нужна. А другой — хотелось! Впереди у него много времени — он станет отличником, нарастит большие мускулы и даже на самолете полетит! А раз так — горевать нечего!..

Перевел с лакского Цезарь Голодный

МЕЧТЫ В БОЛОТЕ

Дараж Эндре

Аист задумался, стоя в болоте,
Знойный сморил его день.
Рядом лягушки млеют в дремоте;
Укрыла их аиста тень.
Замерло все.
Не раздастся ни звука
В сонной стране тишины.
Лягушки и аист,
Не видя друг друга,
Смотрят любимые сны.
Снится лягушкам:
Аист — в отлете,
О нем позабыто давно.
Аисту снится:
Рядом в болоте
Вкусных лягушек полно!

С венгерского перевел С. Погореловский
Рисунки И. Ризнича

2

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ И ШАЛЯЙ-ВАЛЯЙ

Шалтай-Болтай,
Шалтай-Болтай
Собрался ехать на Алтай.
Далекий край,
Далекий край,
Но нет чудесней края.
К тому же там
Шаляй-Валяй
Встречал Шалтай-Болтая.
Шаляй-Валяй,
Шаляй-Валяй
Был рад Шалтай-Болтаю,
Но почему-то
В Шяуляй
Уехал он с Алтая!
Шалтай-Болтай,
Шалтай-Болтай
Мчит в Шяуляй с Алтая.
Шаляй-Валяй,
Шаляй-Валяй
Спешит из Шяуляя...
Вот ведь какая ерунда —
Не встретились покуда:
Шалтай-Болтай спешит туда!
Шаляй-Валяй — оттуда!

Леонард Кондрашенко

7

ЧАСЫ

Сколько лет моим часам,
Я еще не знаю сам.
Раз у них растут усы,
Видно, старые часы.

Ю. Ковров

3

6

В ПЛЕНУ У ЗЕМЛИ

А. Антрушин

Рисунки А. Януса

Множество горообразных глыб и обломков носится вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. Откуда взялись эти тысячи угловатых планеток — астероидов?

Может быть, это куски развалившейся большой планеты? Но согласно закону расстояния между планетами увеличиваются по мере удаления их от светила. Однако между Марсом и Юпитером пространство слишком велико — здесь, видимо, когда-то существовала планета...

Как бы то ни было, маленькие планеты существуют и движутся не только «правильным строем» между Марсом и Юпитером. Многие астероиды постоянно пересекают орбиты Земли и других планет и даже близко подходят к Солнцу. Меньше чем через год — 28 августа 1969 года — на свидание с нашей планетой прибудет очередной космический гость астероид Географ.

В отличие от планет на астероидах, видимо, все остается неизменным в продолжение миллиардов лет. Их не разрушают потоки воды, ветер или резкая перемена температуры — астероиды ведь быстро вращаются. Потому-то ученые надеются найти в космосе как бы геологический музей солнечной системы, который поможет разгадать тайну происхождения больших и малых небесных тел.

Если бы удалось захватить один астероид и... превратить его в близкую к Земле Луну! Тогда в космосе по соседству с Землею астрономы смогли бы оборудовать замечательную обсерваторию. Здесь наблюдениям в телескоп не мешал бы воздух. Физики и химики могли бы проводить опыты в абсолютной пустоте... Межпланетники весьма обрадовались бы новому космопорту, на котором ничто ничего не весит...

Что же, давайте помечтаем о похищении астероида у Солнца и перенесемся мысленно на пятнадцать — двадцать лет вперед.

Прежде всего, не всякая небесная глыба годится для похищения. Нужен малый астероид, и притом летящий так, чтобы плоскость его орбиты

почти совпадала или совсем совпадала с плоскостью земной орбиты. Ведь и вагон лег-

че перевести по стрелкам на другой путь на ровном месте, чем на уклоне.

Допустим, астрономы объявили, что желанный астероид открыт. Назовем его Константин в честь Циолковского. Его поперечник около километра и масса — в полмиллиарда тонн. Не опасайтесь, что этой счастливой находки возможно придется ждать долго — тысячи небесных странников шириной от сотни метров и больше проносятся ежегодно мимо Земли на расстоянии не дальше тридцати миллионов километров. Выбор богатый!

Скорость планетки будет наиболее выгодной для нас, когда кратчайшее расстояние между Константином и Солнцем (перигелий) будет почти равно радиусу земной орбиты,

а в афелии (самой далекой орбиты от светила) астероид не удалялся бы намного за орбиту Марса. И наконец, год на Константине должен быть только раза в полтора продолжительнее нашего...

Итак, начинаем подготавливать экспедицию. Чтобы столкнуть Константина с околосолнечной орбиты на околоземную, нужно на астероиде произвести сверхмощный взрыв. И притом в то время, когда астероид будет находиться в перигелии, Земля же — точно позади.

Не забудьте, что закладка термоядерного заряда и надежная установка специальных ракетных рулей с огромными топливными баками займет немало времени. Поэтому экспедицию с очень громоздким грузом придется посылать заблаговременно вокруг Солнца.

Тысячетонный космический корабль будут собирать на орбите из отдельных секций — их доставят с земного космодрома могучие ракеты-носители. Такую монтажную работу, на которую уйдет несколько недель, инженеры называют «стыковкой на орбите».

Когда же все будет готово, в строго вычисленный день, час и минуту зарычат атомные двигатели, и звездолет, выбрасывая струи раскаленного водорода, ринется в бездну пространства. Примерно дней через сто полета космонавты увидят в черноте неба крохотную искрящуюся звездочку — астероид. Его яркость будет воз-

растать день ото дня. Наконец, о радость! — каменная гора совсем близко. Уже видны ее зубчатые скалы, ледяные шапки, сверкающие в солнечных лучах.

Теперь корабль, выполнив искусные маневры, сможет выбросить ракетные швартовы. Готово! И люди в скафандрах высадутся на астероид. Им предстоит взрывными шашками сделать воронки для крепления якорей...

На противоположных сторонах Константина монтажники поставят на удобных площадках ракеты на жидком топливе. Эти двигатели, управляемые электронными приборами, для которых «маяками» служат Солнце и одна из ярких звезд — точно развернут

астероид перед исполинским взрывом.

В ледяной толще, на дне метеоритного кратера прорублен гигантский колодец. Зачем? При взрыве главного заряда освободится чудовищная энергия, лед в кратере превратится в пар сказочного давления. Миллионы тонн этого рабочего вещества с громадной скоростью вырвутся наружу и умножат силу отдачи взрыва.

Итак, все подготовлено. Сам Константин приближается к роковой точке своей орбиты. Вот и его перигелий. С атомолета подают радиокоманду. Астероид оглушается ревом ракет-«рулей»...

Вот планетка развернулась своим «начиненным кратером» в нужную сторону, и автоматически происходит безмолвный взрыв. Его мощь можно сравнить с бурным извержением вулкана. Константин сбив со своего извечного пути! Теперь он удаляется от Солнца!

Проходит время, и астероид, наконец, вступает в поле земного притяжения. Начинается его новая жизнь в плену у Земли. Малая Луна родилась!

Космонавты возвращаются домой. Их удивительный трофей уже виднеется над головами землян, изумляя всех своей яркостью: в темноте он сверкает неизмеримо красочнее Венеры.

Космонавты пересаживаются в десантный ракетоплан и благополучно возвращаются на поверхность прекраснейшей из планет...

ПОСРЕДСТВЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО

Никола Буало-Депрео по заслугам считался самым ученым критиком Французского королевства. Но, кроме литературной работы, была у Буало и придворная должность. Критик бывал во дворце, частенько беседовал с «королем-солнцем» Людовиком Четырнадцатым.

А знаменитый этот король был и сам не чужд литературных занятий. Однажды он протянул Буало свои новые стихи и попросил оценить их. Великий критик внимательно прочел королевские строчки и, возвращая их, с поклоном сказал:

— Ваше величество, вы всегда и во всем совершенны. Вы задумали написать посредственные стихи и исполнили это самым лучшим образом.

СТРАХОВАНИЕ НА СЛУЧАЙ ПОЖАРА

Иван Андреевич Крылов решил снять себе новую квартиру. Хозяин квартиры среди прочих ввел в контракт и такое условие: «Если по вине Крылова в квартире возникнет пожар, то квартирант должен будет уплатить хозяину 60 000 рублей».

Крылов охотно подписал документ, а к упомянутой цифре прибавил еще два ноля.

Друзья поинтересовались, зачем он это сделал.

— Ему будет спокойнее, а мне совершенно безразлично, я ведь и шести тысяч уплатить не смогу, — объяснил Крылов.

ВАМ ЕЩЕ РАНО

Начинающий драматург прочел Бернарду Шоу свою пьесу.

— Вам еще рано писать такие слабые вещи. На это имеют право только самые знаменитые авторы, — таково было мнение великого писателя.

Веселый архивариус благодарит художника Михаила Беломлинского, который нарисовал все картинки для «Уголка» в 1968 году

ВСТУПАЙТЕ В АРЧЕБЕК!

Я, знаменитый Ферзьбери, к наступающему 1969 году объявляю новый набор в Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток!

АРЧЕБЕК — это не кот в мешке! Заходите, смотрите, знакомьтесь: сегодня у нас день открытых дверей.

Вот я сам, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, стою перед «Наградным отделом». Кому приз? Кому спортивный разряд? Получайте! Если, конечно, вы выполнили мои задания...

Справа от меня «Бюро самопроверки», где в любое время дня и ночи вы можете проверять свои решения. Слева — почтовый отдел «С добрым шахом»: тут я отвечаю

на письма, за которые их авторам следует объявлять шах. Чуть подалее — ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашистов). ТАШШ будет держать вас в курсе самых последних и самых невероятных событий!

Быть рыцарем АРЧЕБЕКА — дело не шуточное, но я принимаю всех. Однако к особо важным и опасным заданиям допущу только выполнивших хотя бы одно из следующих испытаний.

На меткость — стрелнуть из быстромата по черному королю.

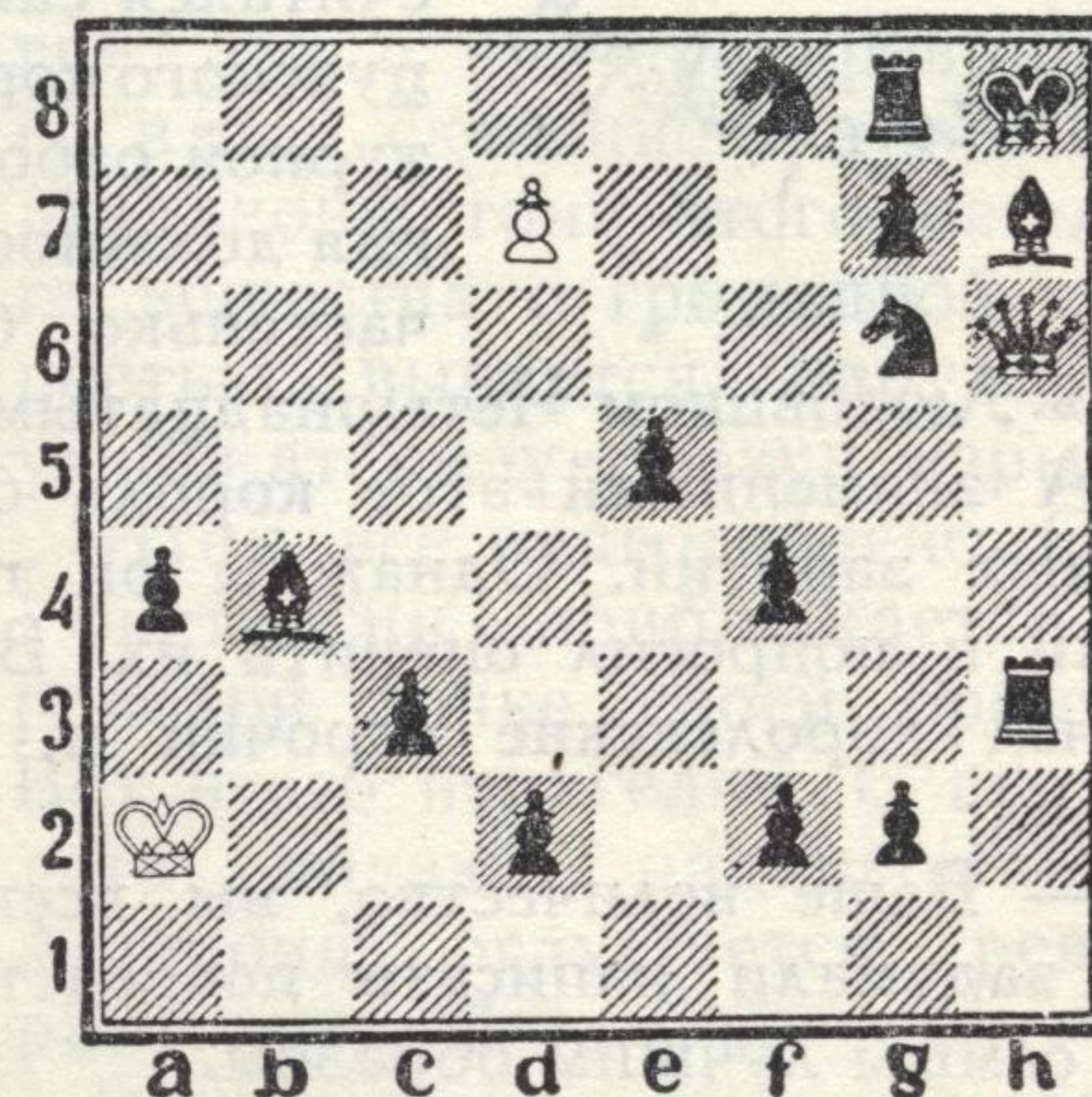
На смелость — прыгнуть с парашютом. Капитан Дамкобеев замерит точность вашего приземления.

На силу — выжать шашечную штангу. Вася Ладейкин, наш летописец, зафиксирует взятый вами вес.

На ловкость — нырнуть сквозь ничейный обруч. Капитан Пешкоедов поможет вам в случае неудачного падения.

На скорость — включайтесь в автотонку королей, которую белые собираются выиграть.

На справедливость — честно, по-рыцарски скажите: белые или черные победят в этом неравном бою? См. диаграмму.

И не забывайте два правила для задач: 1) первыми всегда ходят белые, 2) белые пешки всегда идут вверх, а черные — вниз.

ШАХМАТ-АДМИРАЛ ФЕРЗЬБЕРИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО АРЧЕБЕКУ

1. Командовать АРЧЕБЕКОМ буду я! Получать призы и спортивные разряды — бы!

2. Секретный пакет с заданием АРЧЕБЕКУ на 1969 год вскрыть 1 января в 9.00 по московскому времени.

3. Все шахматисты и шашисты, просившие принять их под мои знамена, приняты и посвящены в рыцари, а неумеющие играть — в рыцарята.

4. Рыцарям, желающим получить доступ к особо важным и опасным заданиям, выполнить любое из испытаний.

5. Рыцаряткам узнать у старших или играющих товарищей названия и ходы фигур, что такое шах, мат, пат.

6. Спешите записаться! Имя? Фамилия? Класс? Адрес? На конверте помечайте: АРЧЕБЕК.

ШАХМАТ-АДМИРАЛ ФЕРЗЬБЕРИ

Рисунок на обложке
В. Гальбы

На третьей странице обложки
рисунок Ю. Лобачева

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Так ли решили вы задачи при штурме крепости?

Подъем моста — 1.с8К! Главные ворота — 1.Ch6+Kpg8 2. g7Kpf7 (если e6+, то 3. Kpd6 Kpf7 4. Кре5 Kpg8 5. Kpf6 e5 6. Кре6 e4 7. Kpf6) 3. g8Ф+! Кр:g8 4. Кре6 Kph8 5. Kpf7. Вскрыть запоры башни — 1. Kph6! a6 (если b6, то 2. Фа3+; если Кра6, то 2. b4) 2. Кр:h7!

Спасти Лерби — 1. Лс4+!

Разбить стену — 1. c3—d4! 2. e1—d2 3. g3—h4 4. h4:f6! Для морского десанта — 1. a3—b4! 2. c3—d4 3. d2:b4 4. e3—d4. 5. g3—f4. Обезвредить феодала — 1. f4—g5! b8—c7 2. g5—h6! c7—b6 (если c7—d6, то 3. c5:e7 a5—b4 4. e7—f8 b4—c3 5. f8—b4!X) 3. c5:a7 a5—b4 4. a7—b8 b4—c3 5. b8—f4! c3—b2 6. f4—e5X.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 8 представлены к награде: Сережа Полянцев (Горловка), Валерий Борисейко (Ломовка), Оля Кош-

кер (Макеевка), Сережа Бац (Светлый), Фима Розенштейн (Бельцы), Володя Бойчук (Ставки), Сережа Тригубенко (ст. Царычанка).

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баранова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий,

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М42568. Подписано к печати 11/ХІ 1968 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. печ. л., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 1456. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

25 к.

Успехи и радости

Ест мандарины человек,
а шкурки он бросает в снег,
и под еловым сводом
вдруг пахнет Новым годом.

В. Торопыгин

Рисунок В. Голявкина